

Йозеф МНЕХУРА

РАЗВЕДЧИКИ У КАЗАНИ

(*Měchura, Josef. Rozvěděčící u Kazaně. Brno: Moravský legionář, 1932. 178 s.*)

Перевод с чешского и предисловие Сергея Солоуха

Предисловие

Красные и белые очень редко бывали столь единодушны в оценке ситуации.

«Здесь, под Казанью... Многого ли в те дни не хватало для того, чтобы опрокинуть революцию? Ее территория сузилась до размеров старого московского княжества... Враги облегали ее со всех сторон. За Казанью наступала очередь Нижнего. Оттуда открывался почти беспрепятственный путь на Москву. Судьба революции решалась на этот раз под Свяжском...»¹.

«Испытанные части Народной армии имели большой успех, но нас было недостаточно, чтобы развить его. Если бы у нас в резерве было 2 тысячи испытанных бойцов, судьба операции была бы иной, и, вполне возможно, исход всей гражданской войны был бы иным. Но этих 2 тысячи у нас не было... Мы не знали в те дни, что наша попытка явилась кульминационным пунктом успехов белых армий на Восточном фронте. В дальнейшем никогда уже белые части не смогут продвинуться так далеко на запад и даже достичь правого берега Волги...»²

Судьба революции... Беспрепятственный путь на Москву...

Кульминационный пункт успехов белых армий... Исход гражданской войны был бы иным...

Иным!

Седьмого августа 1918 года части Народной армии КОМУЧа под командованием полковника Владимира Оскаровича Каппеля совместно с подразделениями 1-го чехословацкого стрелкового полка под командованием капитана Александра Петровича Степанова захватив врасплох большевистские части, основу которых составляли латыши 1-й Латышской дивизии под командованием Иоакима Иоакимовича Вацетиса, бесстрашно атаковали и быстро взяли лежавший несколько в стороне от Транссибирской магистрали – основной линии тогдашнего противостояния сил («прогерманские красные-большевики» и «панславянский союз чехословаков и белых русских») красивый город на Волге. Казань.

Впрочем, идея блестящего маневра была на сто процентов русская. Тогдашний командующий общим Поволжским фронтом полковник Станислав Чечик был категорически против. Он, как и все французское высшее командование чехословацкими вооруженными силами в России той поры, стремившееся к воссозданию исчезнувшего после заключения большевиками Брестского мира Восточного фронта Первой мировой, считал для этого единственным верным – скорейшее соединение с частями генерала Деникина, поднявшимися в это же время на юге России и под теми же знаменами – немедленное восстановление русского Восточного фронта. Как дела чести, совести, ну, и русской доли в будущей победе над германством. И особенно его восточным союзником, Турцией.

Бросок на север от Самары и Симбирска к Казани на фоне этих четких и понятных планов представлялся военным людям лишь неразумным распылением сил и потерей времени.

¹ Троцкий Лев. Моя жизнь Воспоминания. – М.: Панорама, 1991. – С. 380-381

² Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Капель и каппелевцы / Сост.: С.С. Балмасов и др. – М.: Посев, 2003. – С. 65.

Совсем другое дело политики. Причем наиболее близкие тогдашним чехословакам своим социалистическим и демократическим духом – эсеры. Считавшие себя к тому же, и не без очевидных на то прав и оснований, представителями единственного на тот момент законного органа власти в России. Всеобщим свободным изъявлением народа избранного Учредительного собрания. Эти люди понимали, что войти в Берлин или же Вену победителями и полноправными членами Антанты – это очень, очень хорошо, и правильно, но сначала в Москву. Сначала власть, власть в первую очередь, единая и всеобъемлющая, а победа... победа станет неизбежным следствием¹. Естественным результатом.

Образовав в начале лета 1918-го на освобожденных чехословаками от большевиков землях Поволжья правительство КОМУЧа (Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания) и тут же собрав Народную армию, не больше тысячи добровольцев, которую под стать своим будущим подчиненным добровольцам сам по собственной инициативе вызвался возглавить тогда еще подполковник Генерального штаба Владимир Оскарович Каппель, учредилловцы, как их с ненавистью звали большевики, и прочертили эту самую красную стрелу, линию главного удара – Казань (огромные склады военных материалов всех видов и половина русского золотого запаса) – Нижний (колоссальный мобилизационный потенциал готового к восстанию Сормова²) – Москва.

И на все про все не больше месяца, от силы два. Не больше того, что ушло до этого у чехословаков на освобождение от большевиков Сибири, Урала и Поволжья. И это в одиночку! А теперь-то... шагать и воевать предстояло вместе. Плечом к плечу. С русской Народной армией.

И все вначале шло по плану. Казань пала так же легко, как до этого десятки других городов от Новониколаевска до Пензы. Правда, Народной армии пришлось едва ли не сразу уйти из города, оставив чехословакам из 1-го стрелкового полка задачу оборонять только что захваченный плацдарм атаки на Нижний и Москву. Тухачевский угрожал Симбирску. Успешно отбросив его части, Каппель возвращается через пару недель в конце августа, правда, не в саму уже Казань, а на расположенную точно напротив города на другом, правом берегу Волги, пристань Нижний Услон, все еще удерживаемую, как и весь услонский выступ, изрядно истощенными к этому времени и никем не сменяемыми чехами, для того чтобы, казалось всем, быстро и споро завершить дело. Совершив глубокий, почти стокилометровый бросок по тылам большевиков, ударить по станции и городу Свияжск, разгромить и захватить находившийся там штаб 5-й армии, наседающей на Казань, и взяв затем Романовский мост через Волгу, отрезать и окружить саму армию красных и тем самым заставить либо сдаться, либо разбежаться. Все в точности, как это уже было и многократно повторялось при всяком столкновении красных и белых с самого судьбоносного конца мая 1918-го, когда на станции Мариинск в Сибири прозвучал первый выстрел русской Гражданской войны.

Впрочем, операция должна была быть совместной. Величественный, красу и гордость русских железнодорожников, Романовский мост, единственный в тот момент прифронтовой мост через Волгу, еще находившийся в руках большевиков, главную артерию снабжения, поддержки и, вообще, жизни войск, катившихся волною забирать Казань назад, должны были взять чехословаки. Точно так же, как части Каппеля пройти через глубокий тыл большевиков, только уже по левому берегу Волги, ударить по Зеленому Долу, смести окопавшихся там красногвардейцев, прорваться на мост и соединиться с Каппелем, тем самым замкнув круг...

¹ В книге «Каппель и каппеловцы» (с.56) приводится, в частности, такой рассказ уполномоченного по военным делам КОМУЧа при Народной армии В.И. Лебедева о беседе с тогдашним командующим 1-м чехословацким стрелковым полком А.П. Степановым: «Степанов и я стали друзьями. Какой он замечательный человек! Горячий демократ, человек великой любви к России и огромной силы воли... Я рассказал ему о моей заветной мечте – идти на Казань, Нижний Новгород, Москву... Мы пожали друг другу руки и заключили союз – идти на Москву и сделать все, что в нашей власти, чтобы превратить эту мечту в действительность».

² «ходоки от рабочих огромного Сормовского завода (в Нижнем Новгороде), призывавшие командование наступать, обещали помощь по примеру ижевских и воткинских заводов» (Вырыпаев. Указ. соч. С. 58).

И здесь начало было плановым... Едва ли не в тот же день, когда от Нижнего Услона подразделения русской Народной армии двинулись на запад, на Тюрельму и Свяжск, от Казани через Сухую Реку широким охватным маневром через Бишню и Параты двинулась и тоже на запад, на Зеленый Дол и Романовский мост, группа чехословаков поручика Бонифация Кани...

Внеплановой оказалась на первый взгляд мелочь, пустяк... внезапное появление в Свяжске, еще в начале августа, сразу после падения Казани, сугубо гражданского человека, с бородкой и в пенсне... Позднее несколько экзальтированная, что было, впрочем, тогда стилем, непосредственная участница событий Лариса Рейснер написала:

«Очень важно, что в эти дни в Свяжске оказался именно такой человек, как Троцкий. Кто бы он ни был, и как бы ни назывался, но организатор Красной армии, будущий председатель Реввоенсовета республики должен был быть в Свяжске...»¹.

И еще:

«Только после Свяжска и Казани Красная армия выкристаллизовалась в те боевые и политические формы, которые, изменяясь и совершенствуясь, стали классическими для Р.С.Ф.С.Р...»².

И, можно сказать, на долгие годы. Гражданский человек с бородкой и в пенсне всем показал и объяснил, как должен работать главный русский ресурс – люди. Тысячи, сотни тысяч, миллионы... И это – да, Ларисе Рейснер в провидческом даре не откажешь, – станет классикой военного дела целой эпохи. Ошеломляющее численное превосходство, абсолютное пренебрежение к потерям, и шаг назад – расстрел³. Такое вот искусство побеждать.

Охватный маневр в тылах большевиков, задуманный Владимиром Оскаровичем Каппелем, удастся. Одна батарея капитана Вырыпаева, всего пара-тройка пушек, и сорок пять приданных им в виде охранения улан⁴, взорвут точным огнем поезд с боеприпасами на станции Тюрельма, остановят посланный из Свяжска бронепоезд, войдут и в сам Свяжск, с его разбегающимися в панике защитниками, но отступят из-за того, что не подошли, несколько задержались основные силы. Главная ударная группа. Несколько стрелковых рот самого Каппеля.

Отойдут в ближайшую деревню, временно, до утра и... и все. Одной ночи хватит человеку с бородкой и в пенсе...

«По приказу Реввоенсовета были расстреляны (бывшим комиссаром штаба т. Михайловым) 41 человек из полка, вместе со всеми коммунистами и командными составом»⁵.

И утром перед Каппелем и его отрядом уже возникнет стена. Стена людей, которым не оставили никакого выбора. И перед этими уже стоящими на смерть красными полками несколько рот и батарея белых оказались бессильны, при всем выдающемся и несомненном военном даре и таланте полковника Каппеля, командовавшего этой горсткой храбрецов и добровольцев, забравшихся в глубокий тыл неприятеля, чтобы победить...

«Лариса Рейснер, принимавшая участие в боях против белых у Тюрельмы, с кавалерийским отрядом мадьяр, в своих воспоминаниях о расстреле кр-цев и комиссаров 2-го номерного Петроградского полка, заканчивает словами, что Свяжск – это трагедия.

Мне кажется, что этот бой был ничем иным, как беспощадным экзаменом для нашей Красной Армии. Только благодаря железной выдержке тов. Троцкого и коммунистов, мы спасли положение не только пятой армии, но и Советской России.

¹ Рейснер, Лариса. Свяжск. (Август-сентябрь 1918 г.) // Пролетарская революция. 1923. № 6-7. С. 177–189.

² Там же.

³ «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади». Троцкий. Указ. соч. С. 393.

⁴ Вырыпаев. Указ. соч. С. 61.

⁵ Т. Герман (Тихомирнов). Борьба за Казань // Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредиловской интервенции в 1918 г. – Казань: Изд. Комбината издательства и печати. – 1924. – С. 99.

Не нужно забывать, что путь на Москву для белых оставался совершенно открытым»¹.

Отход отрядов поручика Кани от Романовского моста, на другой стороне реки Волги, был куда менее драматичным. Но побудительная причина та же, небольшой ударный отряд, четверста человек, главным образом чехословаков, усиленный небольшой группой казанских офицеров-добровольцев, выйдя на исходную позицию для атаки на мост у чувашской деревни Параты, внезапно обнаружил себя в море красных. Буквально. Лавинообразно двигавшихся встречным курсом на Казань. Красных, которые не бросали оружие, и не разбежались, как это было раньше в Мариинске, Новониколаевске, Омске и Челябинске, после первого убитого чешской пулей товарища, а занимали правильную оборону, держались и даже... даже контратаковали. Стали реальным противником, а не сборищем людей с оружием без разума и дисциплины... При этом не просто многочисленным, а ошеломляюще бесчисленным и, главное, неистребимым...

Рассказу об этом походе, по-своему очень важному и, главное, привязанному по времени и месту к маршруту отряда Каппеля, тактически с ним напрямую связанного, но оставшегося в тени, этого знаменитого и многими авторами – от Вырыпаева до Рейснер – детально описанного броска на Свияжск, посвящены воспоминания одного из самых активных участников, разведчика 2-го чехословацкого стрелкового полка Йозефа Мнехуры, которые и хочется представить нынешнему российскому читателю.

Необходимо отметить, что «Разведчики у Казани» – далеко не единственная книга, изданная после русской Гражданской в Чехословакии, и посвященная событиям конца лета и начала осени 1918-го на Волге. И в этом нет ничего удивительного. Не только судьба войны и самой России могла быть иной, но и судьба чехословаков, как в нашей стране, так и за ее пределами, если бы Романовский мост был взят, Свияжск пал, и открылся короткий и прямой путь на Нижний и Москву. Но вместо этого пала Казань, и тут же развалился и весь белый Поволжский фронт, коренным образом изменив как место, так и роль чехословаков в нашей Гражданской, но, что важнее и досаднее, наверное, само понимание этих изначально безоглядно панславистски настроенных людей того, откуда им ждать спасения и освобождения от «ига германства» в Европе. Восточная ориентация именно тогда решительно и окончательно меняется на западную. Человек с пламенным сердцем, державший Казань до последнего, Йозеф Швец, написавший²: «Я, как и другие, полагаю, большинство чешских солдат, мечтаем о сильной России, такой, какой она была когда-то, в которой малые славянские народы могли видеть защиту от давления германцев»³, – не пройдет и месяца, застрелится на станции Аксаково, другой храбрый солдат Первой мировой и георгиевский кавалер, но человек более прагматической складки, Станислав Чечик, просто согласится сдать обязанности фронтового главнокомандующего и принять – управляющего тылом во Владивостоке. И не напишет ничего.

Зато напишут другие. Унтер-офицер в 1918-м, а в тридцатых хроникер вооруженной борьбы в России и сам герой романов Рудольфа Медка Карел Фибих в третьем томе своей легионерской пенталогии «Восставшие» с названием «Поволжский фронт»⁴ расскажет о взятии Казани. Поручик в России и майор в новой независимой Чехословакии Карел Терингл, непосредственный участник событий, издаст книгу воспоминаний об обороне Нижнего Услона и, вообще, боях на правом берегу Волги «Десятая рота под Казанью»⁵. Комиссар 1-го стрелкового полка в казанские

¹ Т. Герман (Тихомирнов). Указ. соч. С. 99.

² Здесь и далее все переводы с чешского мои (С.С.), не исключая и случаи книг, уже ранее переведенных на русский (Терингл, Лангер).

³ Švec, Josef Jiří. Od Kazaně k Aksakovu. Dopis dru. Fr. Langroví. В кн. Švec, Josef Jiří. Deník plukovníka Švece. V Praze: Za Svobodu, 1929, s. 369.

⁴ Fibich, Karel. Povstalci. sv. Díl 3. Povolžská fronta. Praha: Vydavatelství Za svobodu, 1933, s. 502. Далее Fibich.

⁵ Teringl, Karel. Desátá rota pod Kazaní. V Praze: Otakar Vaněk, 1935, 276 s. Далее Teringl. Русский перевод: Терингл, Карел. Десятая рота под Казанью // События Гражданской войны в Казани (1918 г.) в воспоминаниях очевидцев: сборник произведений / сост. В.Ю. Сорокин. – Казань: ИСБ, 2012. – С. 207.

дни, а затем, дома уже, в Праге, драматург, писатель, публицист и военный врач в чине бригадного генерала, близкий приятель Ярослава Гашека и дальний родственник Макса Брода, Франтишек Лангер выдаст по горячим следам детальный отчет обо всей сразу казанской операции белых «За чужой город»¹. Еще один неутомимый летописец чехословацкого анабазиса в России, солдат и писатель, Адольф Земан включит несколько очерков об обороне северо-востока Казани, так называемый Арский фронт или сектор (Йозеф Кинцл², Ярослав Фингл и др.) в четвертый том многотомного сборника военных мемуаров «Дорогами борьбы»³. И целую книгу посвятит политический комиссар уже всего Поволжского фронта, а в республике педагог, поэт, прозаик, переводчик Пушкина и Крылова, приговоренный в 1942-м нацистами к смерти и умерший в берлинской тюрьме Плётцензее, Вацлав Найбрт⁴, не только анализу упадка боевого духа чехословаков, ставшего прямым следствием сдачи Казани и развала Поволожского фронта, этого прообраза нового Восточного, но и всего, что последовало за этим «великим» разочарованием как в силу тогдашнего национального самосознания русского народа, так и его общеславянской ориентации, а равно возможностях и эффективности его белой власти. Постепенный отказ чехословаков от борьбы, а после воцарение Колчака, совершенно неприемлемого для них, как союзников эсеров, демократов и социалистов, самозванца и диктатора, уже полный отказ и превращение в простых заложников стран Антанты, единственной силы, обладающей и флотом, и ресурсами, необходимыми для эвакуации из России почти 80 тысяч к концу 1920 (после мобилизации всех военнопленных) вооруженный людей.

Но среди всего этого обилия имен и текстов выбор воспоминаний рядового разведчика Йозефа Мнехуры, простых и безыскусных, но и не лишенных в то же время определенных литературных достоинств⁵, вовсе не случаен. Ничем не знаменитый человек, о котором мы и знаем-то всего ничего⁶, не только сумел языком простого солдата передать всю гамму чувств и, главное, их

¹ Первое издание. Langer, František. Za cizí město. Irkutsk: Inf. osvět. odbor čl. vojska na Rusi, 1919, 85 s. Исправленное и дополненное в кн. Langer, František. Železný vlk. Nakladatelství Gustav Voleský, Král. Vinohrady, 1920, s.121–185. Русский перевод в кн.: Периферия. Драматургия, проза, мемуары. – СПб.: Издательство им. Н. И. Новикова, 2018. – С.285–328.

² Короткий и яркий очерк Кинцла (Kincl, Josef. Fragmenty z velikého kazaňského dramatu. В кн.: Zeman, Adolf. Cestami odboje. V Praze: Pokrok, 1928. sv. Díl IV, s. 334) завершается таким горьким словами «Казань – это вершина славы, вершина победного движения бело-красных к Москве, последнее усилие для создания широкого противонемецкого фронта на Волге, героическое и отчаянное напряжение всех сил на границе возможного (завершившееся крушением как моральным, так и физическим) – все это у нас теперь за спиной. Да, после этого мы будем лишь защищаться и отступать. Надежде, вере в новую, воспрявшую, демократическую Россию, которую мы поможем построить, нанесен страшный удар, она на глазах растворяется и последние ее капли уносят с собой все те доводы, которыми мы руководствовались (еще совсем недавно), выбирая между Францией и Волгой»/

³ Zeman, Adolf. Cestami odboje. V Praze: Pokrok, 1928. sv. Díl IV, s. 321–352.

⁴ Najbrt, Václav. Rozlet a rozlom sibiřského bratrstva. Brno: Moravský legionář, 1936, 266 s.

⁵ Можно отметить не самый характерный для документальной прозы прием предварять описание события его итогом, что подобно всякой инверсии, будь то в предложении или же в хронотопе, как в данном случае, усиливают эффект воздействия слов, и если не остроту переживания у Мнехуры, то совершенно точно ощущение предопределенности происходящего и особого положения автора. Сравнение, понятно, не очень уместное, но именно такой техникой пользуется и Марсель Пруст в своей многотомной эпопее, начиная немедленно выкладывать ошеломленному читателю все прошлое и, главное, будущее человека, с которым его всего лишь минуту назад познакомили на балу.

⁶ Родился в моравском Кыйове в 08.09.1896, закончил гимназию, совсем юным «соколом» попал на русский фронт, под Кристинополем, что ныне Червоноград, летом 1915-го был взят в плен, ровно через год вступил в ряды воюющих в России против немцев чехословаков, прошел две войны, вернулся в родную Моравию, где в Вишкове, что недалеко от родного ему Кыйова, содержал трактир, ну, или если по-чешски, hospodu. Там, надо полагать, имея время предаваться и разговорам о былом, и мыслям, написал воспоминания, которые с радостью принял и опубликовал один из главных тогдашних хранителей памяти о том, что было пройдено и пережито братьями, дружинниками и легионерами, в России, писатель, публицист и издатель из Брно Йозеф Кудела.

смену, которую часто несколько со стороны, свою собственную жизнь не ставя буквально на кон, описали иные его товарищи и «братья», но и сделал это на фоне и в рамках военной операции, которая могла бы, да волею судьбы не сумела определить жизнь и пути не только отдельных стран и народов, но может быть и всего века. Взятие белыми Свияжска и Романовского моста в августе 1918-го.

Чехословацкую долю этой операции, левобережную, ту самую, за которую главный, если не сказать звездный, участник с русской стороны, правобережной, артиллеристский капитан, любимец Каппеля и будущий исследователь его жизни и дел, Василий Осипович Вырыпаев предъявил единственную, собственно, к чехословакам, но неизменно на все лады вслед за ним повторяемую русскую претензию:

«...чешские части вместо того, чтобы производить непрерывное давление на красных под Казанью согласно плану, после небольшого продвижения вперед вернулись к своим исходным позициям и прекратили все дальнейшие попытки...»¹

Претензию странную, поскольку совершенно ясно было и тогда, и сейчас, что помешало чехословакам то же самое, что и русским. Гражданский человек с бородкой и пенсне... Тысячи и тысячи людей, за спиной которых он поставил латышские, мадьярские и русские пулеметы...

Ну, а на не менее странную, и тоже многократно и неизменно повторяемую вслед уже за Франтишком Лангером претензию чехословаков к русским, в первую очередь демократам из КОМУЧа, якобы не сумевшим за месяц мобилизовать необходимые тысячи и тысячи на белой стороне: «Я думаю о Праге. Если бы вдруг возникли немецкие рогатые шлемы на равнине за Страговым. Все бы разом покинули дома! С открытым перочинным ножом бы вышел человек, если бы это было единственное его оружие...»² – ответ, и очень недвусмысленный, дала сама история.

И именно в Праге, в марте 1939-го, когда немецкие рогатые шлемы не где-то там мелькали далеко на севере за Петршинским холмом и Старговским монастырем, а двигались у всех на виду, на головах людей, печатавших шаг по ровной главной площади столицы тогдашней Чехословакии, а ныне Чехии. Вацлавской. По Вацлаваку.

Не делаются из обывателей, обычных мещан, рабочих или купцов, за пять минут бойцы. И за неделю не делаются. И за месяц. Не делаются бойцы за тот же срок и из косарей, не получают и из хлебопашцев... Если только не ставить и деревенских, и городских в очень особые условия, специальные...

Да.

Поэтому, наверное, среди рассказов о той войне, где пыльные шлемы были не только у комиссаров, но и у солдат на другой стороне фронта, и где саму историю и ход ее, на самом-то деле, часто определяла простая случайность, невольное движение, миг... один человек или одна пуля... невозможно без замирания сердца читать один, рассказанный Василием Вырыпаевым как будто мимоходом, так, между прочим, совсем короткий, но навеки запоминающийся эпизод вечерней атаки его группы на Свияжск.

«...Из-за угла поперечной улицы прямо на нас повернул отличный автомобиль, по-видимому, ничего не подозревавший. Дозорные, взяв винтовки на прицел, остановили автомобиль. Он повернул к первым воротам, в которые почти на ходу юркнули два пассажира автомобиля. Впоследствии шофер, которого мы захватили, сообщил, что это были Лев Троцкий, комиссар по военным делам, и его секретарь. Как жаль, что мы не знали этого в тот момент!»³

¹ Вырыпаев. Указ. соч. С. 65.

² Langer, 1919, s. 58.

³ Вырыпаев. Указ. соч. С. 63.

РАЗВЕДЧИКИ У КАЗАНИ

На Украине

Стоит метельный январь 1918 года. Конная разведка 2-го полка¹ расквартирована на окраине местечка², частично в просторном доме местного попа, частично в усадьбе помещика, что стоит на противоположной стороне проезжей дороги. В непролазной грязи этой дороги день за днем взнут сотни и сотни русских земляков³, бегущих с фронта. Фактически, это уже и не дорога, а полоса земли, превращенная бесконечным движением, в липкую жижу, широкая река глубокой грязи, по которой тянутся одна за одной грязные фигуры, вполне сливающиеся с этой жижей.

Наше подразделение занято либо охраной закупленных для нашего полка на каком-то фольварке запасов продовольствия и фуража от готовых его разграбить русских, либо патрулированием сел, соседствующих с местами расположения подразделений полка. А также учебой.

В общем и целом, живется нам лучше, чем убегающим землякам. На смену неизменной пище русского солдата – черная каша⁴, белая каша – на какое-то время пришло более разнообразное меню: фасоль, чечевица, горох, баранина, а иной раз и кнедлики с каким-нибудь соусом, а на праздники Тонда⁵ в печи попа напек нам самых настоящих бухт, домашних вкусных белых булочек с вареньем и маком.

Кроме того, некоторые из нас после битвы у Зборов⁶ получили кресты⁷, которые влекли за собой повышение в звании до «jefrejtora»⁸. Что в свою очередь давало немного дополнительных рублей к жалованию и за крест, и за «фрайтра»⁹, так что можно было иной раз заглянуть и к

¹ 2-й стрелковый полк Йиржи из Подебрад (входил в состав Русского чехословацкого корпуса). Сформирован в составе чехословацкой стрелковой бригады 19.05.1916. Согласно данным Kronika 2. československého pěšího pluku Jiřího z Poděbrad 1916–1920. Praha: nákladem pluku, 1926, s. 46 и 65. (далее Хроника), с сентября 1917 по март 1918 полком командовал русский подполковник Конок Федор Спиридонович, которого, после невозвращением из отпуска, весной 1918 сменил чех, Ян Сирови (Сыровой).

² По данным Хроники (с. 46) в описываемое время подразделение конной разведки 2-го чехословацкого стрелкового полка стояло в селе Новая Чертория (Nová Čartorie) – это Житомирская область современной Украины.

³ Земляк или землячок – прозвище, данное чехами русским солдатам. В связи с чем приведем полностью комментарий из книги Карела Терингла (Teringl, s.270) «Земляк – название русских солдат. По способу того, как они сами к друг другу обращались, что буквально означает свой, местный, товарищ. Прозрительным прозвищем русских было “булка” (булка – типичный вид русской выпечки, что-то вроде нашей хоуски) или “баган”. Баганами называли наши солдаты и русских селян». Очень точно значение чешского слова «баган», как «лапотник», передано М. Едемской при переводе на русский книги Карела Терингла.

⁴ Гречка. Забавный комментарий по поводу этой еды можно найти в книге Teringl (с.117): «Русские не принимают наши кнедлики, точно так же как мы долго не могли привыкнуть к их гречневой каше».

⁵ Тонда, сокращение от имени Антонин. Очевидно, повар и сослуживец автора. Упоминается в книге несколько раз. Возможно, Антонин Вит, повар по профессии, см. комментарий «Вит» к главе «Бои с большевиками».

⁶ Зборов – место глубокого прорыва австро-венгерской обороны во время летнего наступления русской армии 1917-го 18-19 июня (1-2 июля по новому стилю). Первая и последняя самостоятельная операция чехословацких частей в составе русской армии.

⁷ Георгиевская медаль за храбрость.

⁸ Здесь и далее русские слова в тексте будут даваться латиницей, чтобы передать своеобразное ощущение инородности в тексте оригинала.

⁹ Здесь некоторая игра слов, поскольку frajtr – ходовое чешское искажение уже немецкого Gefreiter

еврею¹.

Стоим в этом районе со времен отступления от Тарнополя². Создаем подразделение³, которое до сей поры в полку не было. Начинаем технически оснащаться. Занимаемся чем-то таким, что противоречит общему духу происходящего вокруг. Все требуют мира, земляки убегают из своих полков – а мы как раз начали формироваться.

Куда бы мы ни выехали при патрулировании, все села переполнены дезертирами, всюду армейские повозки, кони, оружие и прочие материалы, позаимствованные у армии. Одному покидать место расположения части небезопасно. В деревнях человека в гражданской одежде едва ли встретишь, лишь только женщины, старики да дети ничего армейского не смогли себе прибрать, потому что просто не служили.

Мужчины все поголовно в форме. И день, и ночь конфликты с дезертирами, которые могут нападать на отдельных наших добровольцев⁴ и даже убивать. Особенно настроены против нас «matrosi», которых в этих краях хватает.

А мы будто приклеены тут. И просто удивительно, что лавина земляков, что не прекращаясь все течет и течет мимо прочь от фронта, нас с собой не захватила. Ушли только русские чехи⁵. Из нашего подразделения шесть человек, и теперь среди нас только добровольцы⁶. И удивительно поэтому, что какая-то русская часть еще стоит в ближайшем к нам Полонном⁷, из которого до Новоселиц⁸ доносятся звуки постоянной стрельбы. Но и в непосредственно соседствующих с нами селах слышна стрельба, особенно по ночам. Но в кого тут и там стреляют земляки, мы не знаем. В начале декабря на станции Печановке⁹, что верстах десяти от нас, взорвали огромный склад боеприпасов. Сила взрыва был такова, что, казалось, содрогнулась вся округа, как при землетрясении.

Но мы даже и думать не хотим о том, что нам судьба готовит. Что случится, если вся эта большевизированная масса на нас вдруг накинется. Их столько, что кажется одними шапками способны закидать. Ничего нам, как будто бы, не улыбается впереди. Но как только вышли мы с батальоном наших добровольцев на черторийскую площадь, рота за ротой, да взяли разом «па лебо» – и тут же лес винтовок с тонкими русскими штыками, и ровные ряды ребят по большей

(ефрейтор).

¹ Здесь – в трактир.

² Русское летнее наступление 1917-го, несмотря на отдельные удачи начального периода, закончилось, в значительной степени из разложения русской армии всякого рода революционерами, позором и отступлением.

³ Конную разведку.

⁴ Доброволец – самоназвание солдат чешских подразделений русской армии, естественным образом позволявшее им отличать себя от того основного большинства соседей, что были призваны и мобилизованы.

⁵ К началу Первой мировой войны на территории Российской империи, главным образом на современной Вольни и, вообще, Украине, проживало около 100 тысяч чехов, в большинстве своем уже граждан России. Об истории их появления и жизни здесь см. например: Муратов А., Муратова Д. Судьбы чехов в России, XX век. Путь от Киева до Владивостока. Прага: Русская традиция, 2012.

⁶ Многие, хотя и далеко не все «русские» чехи пришли служить не по собственному почину, а как военнообязанные русские граждане.

⁷ Полонное – город в Хмельницкой области современной Украины. Чуть больше 15 километров на северо-запад от Новой Чертории.

⁸ Новоселица – большое село в Хмельницкой области современной Украины. Около 6 километров на юг от Полонного.

⁹ Печановка – железнодорожная станция и одноименное село в Житомирской области современной Украины. От Новой Чертории чуть больше 10 километров на северо-восток.

части молодых (многие лишь только-только к нам пришли из лагерей¹), бело-красные² ленточки на фуражках, да как затаянули, шагая в ногу «Знамя вейся»³, и такая уже в нас сила и уверенность в себе, что сам черт уже не страшен.

Двадцать четвертого января в злом вихре мокрого снега оставили мы Новую Черторию и двинулись походом дальше на восток в Бердичев⁴. До Печановки шли пешим ходом и далее поездом. Ночью из нашего подразделения сбежал один доброволец. Где-то тут поблизости завел себе «babu».

В Бердичеве мы оказались в ситуации еще более угрожающей, чем была ранее. В казармах за городом на Лысой горе⁵ располагался 21-й украинской полк⁶, опора и надежда сторонников самостийности в крае. Дисциплины у них не было никакой. Кроме того, испытывая недостаток буквально всего и вся, солдаты этого полка бродили по деревням округи, занимались реквизициями, попрошайничали или крали. Жители бердичевских пригородов очень страдали от этой напасти. В оправдание безобразия можно только сказать, что делалось все это не со зла, а от голода, который и мы сами теперь узнали.

В маленьком селце Новорадивилово⁷, расположенном в четырех верстах от Бердичева, вел большое хозяйство чех, Коваржик. И только приход чешских частей, которые смогли обеспечить охрану, спасли ему жизнь, не говоря уже об имуществе. По счастливой случайности именно наше подразделение конной разведки было командировано из Бердичева в имение Коваржика, чтобы оберегать его семью и имущество, которое позднее частично стало и нашим. Жили мы в двух больших комнатах в его имении. Пан Коваржик был необыкновенно щедр. Каждое утро мы пили белый кофе или молоко, имели к обеду мясо, и непременно бухты, славные белые бухты. Меню, которому мог бы позавидовать любой штаб. Наши кони стояли в большом гумне, где был целый

¹ Лагерьей военнопленных. Набор пленных в чехословацкие вооруженные формирования в России (в дальнейшем ЧВФР) был разрешен русским командованием в 1916-м году. Большая волна влилась в состав ЧВФР весной-летом 1917-го.

² Белый и красный – цвета флага чешского национально-освободительного движения.

³ Песня популярная в среде чехов, воевавших в России, можно даже встретить упоминания, как о гимне, исполнявшаяся на мотив популярного сокольского марша, «За знаменем сокольским! – Лейся песня!» (Za sokolským praporem! - Spějme dál!) авторства Фратишека Кмоха (František Kmoch). Первый куплет звучит так:

Знамя вейся,
Сердце бейся,
Дух отчины, сердце грей,
Если чех ты, поднимайся,
В строй бойцов вставай скорей,
Родине несет свободу
Ее храбрый верный сын,
И за Била Хору кару
Всем обидчикам своим

А во втором есть такие строчки «Сбрось оковы, злы, суровы, ими связан чешский лев, с русским братом, бейся рядом, кровь у нас одна у всех»

⁴ Бердичев – город в Житомирской области современной Украины. От Новой Чертории до Бердичева 40 километров по прямой на восток.

⁵ Лысая, или Красная гора – самый южный район современного Бердичева с названием Эллинг. В годы Второй мировой – место, где располагался большой лагерь советских военнопленных, прославившийся особой жестокостью обращения.

⁶ Национальные воинские подразделения стали формироваться в русской армии после Февральской революции. В частности, украинские, по предложению генерала Корнилова с августа 1917-го. После Октябрьского переворота естественным образом стали объектом агитационной работы сторонников украинской независимости.

⁷ Точное местоположение указать затруднительно. По всей видимости, уже часть современного Бердичева.

стог сухого клевера, сена, соломы, и, конечно, ларь с большим запасом овса. Буквально рай, как для коней, так и всадников.

Все остальное никак нас не могло радовать. Отношения с местным населением не складывались, потому что само наше присутствие в имении отнимало у него возможность грабить и растаскивать имущество хозяина. Из-за чего нам постоянно угрожали, что на нас натравят свой бердический полк, который нас «vůřeže». И даже в один из дней свора дезертиров у околицы остановила двух наших верховых, возвращавшихся из Бердичева, и потребовала у них документы на право владеть оружием. Мы своих ребят освободили, но с той поры отношения меду нами и местными, совсем испортились, и мы уже ни одной минуты не могли ощущать себя в безопасности. Ночные дозоры¹ были усилены, и сами мы теперь спали одетыми, потому что ночью несколько раз стреляли в наши окна. Можно было ждать нападения в любой момент. Позднее несколько облегчилось положение приход в деревеньку роты пехоты.

От нашего подразделение для осуществления службы связи постоянно направлялись в штаб в Бердичев два верховых. И они видели, в какой нужде живут другие наши роты. Вместо хлеба им выдавались сухари, куски черного хлеба, твердого, как камень, с которого перед едой еще надо было тщательно и долго убирать вьвшуюся пыль.

Во второй половине февраля (1918) Бердичев осадили большевики. Ворвались в город, после короткого боя выгнали из него украинцев, подняли красный флаг и объявили военное положение. Мы стали невольными свидетелем этого столкновения. Братский славянский народ, с которым еще недавно связывали мы все свои надежды на наше собственное освобождение, тот, на почве которого поднялся росток и нашей собственной революции, и вот его сынов увидели мы лежащим с окровавленными головами на улицах, сраженных пулями своих. Красная волна революции катит из сердца России во все самые дальние концы огромной империи и ее кровавая пена падает и на нас. Есть у нас раненные и, говорят, даже убитые ее выстрелами. Это сегодня. А что будет завтра? И всех нас не оставляет ощущение, что в таком окружении все меньше и меньше у нас будет оставаться свободы, и поздно или рано красный удав, если не случится чуда, задушит и нас в своих объятиях. Мы не берем ничью сторону в этом конфликте, но каждому встречному большевику должны объяснять кто мы такие, и что мы чехи, не выступаем ни на чьей стороне и держим нейтралитет, предъявляем наши полковые документы, и в конце концов, если так и не находим понимания, вынуждены говорить, что большевикам симпатизируем. Но тяжелее всего то, что не можем ответить на простой вопрос, куда мы идем и с какой целью. Все что остается, это предложить обращаться с этим вопросом к нашему командованию.

Только и этот статус «neutrální» не очень-то и выручал. Как-то возвращаясь из штаба, ехали мы Коуржилем² мимо отдыхающей у городской околицы большевистской батареи. Внезапно на нашем пути возникла группка большевиков, которые стали коней хватать за поводья, а нас самих стянули с седел и разоружили. Я им сразу стал объяснять, кто мы такие. Никакого толка. Нас уже окружила вся батарея. И в этой толпе ни одного офицера. Может быть, у них офицеров и вовсе не было. В любом случае, они утверждали, что не получали никаких разъяснений по части чехословаков. Да и вообще не верили, что мы чехи, и полагали, что скорее всего просто украинские шпионы. Я смог лишь с ними договориться, чтобы меня одного отпустили в город в их штаб, откуда я им привезу нужные указания. С тем и уехал.

В большевистском штабе мне дали бумагу с распоряжением вернуть нам коней и оружие, но, когда я с ней возвратился назад, она уже была не нужна. В батарее оказались артиллеристы, кото-

¹ В оригинале «služba». В русской литературе современников, например, у В.О. Воропаева также находим для обозначения подвижных или неподвижных передовых отрядов термин «заслон» или «охранение». «Дозор» – здесь и далее использовался при переводе как наиболее универсальный.

² Предположительно Коуржил, Ян, как единственный Коуржил в картотеке (Картотека legionеров <http://legie100.com/krev-legionare/>, далее КЛ), по всей вероятности служивший зимой 1916-1917 во 2-м полку (Kouřil Jan, 06.10.1893 – ?), рабочий, взят в плен 18.03.1915, подал прошение о вступлении в ЧВФР в Тощке, зачислен 29.06.1916, прошел две войны, демобилизован по состоянию здоровья в 24.10.1920.

рые с нами прошлой зимой были на фронте под Пинском¹ и ходили в расположение нашей роты скоротать время. С одним из них Коуржил близко сошелся и сейчас они друг друга узнали. Эта внезапная встреча вызвала горькие чувства, сразу вспомнилось, как дружно мы жили прошлой зимой в общих окопах, за которыми прусские пикельхаубы², пушки и пулеметы, как все были вдохновлены в дни февральской революции, которую мы вместе встретили. Тогда эти же самые артиллеристы ставили нас в пример русской пехоте, которая, подогретая большевистскими агитаторами, уже через несколько дней стала брататься с немцами на передовой, а нам самим не давала выходить из окопов и вести разведку. С этим же батарейцами мы вместе встречали первый красный май в 1917-м. Вместе с ними ходили от одного батальона русской пехоты к другому, и говорили, говорили, славили революцию, и призывали держать фронт до победного завершения войны. После этого пехотинцы стали нашими смертельными врагами, а артиллеристы, наоборот, говорили, что нас надо послать офицерами в русскую пехоту.

И вот теперь они и сами стали большевиками, и в нас видят контрреволюционеров. Сели мы быстро на своих коней и с тяжелыми сердцами поскорее покинули их расположение.

Дорога в Сибирь

Весной вместе с последним льдом окончательно растаял и русский фронт. Окопы были брошены, и немцы с нескольких сторон начали движение вглубь России. Были они приглашены Украинской центральной радой³ для защиты от большевиков. Наша бригада⁴ оказалось в непосредственной близости от наступающей волны немцев. В связи с чем пришел приказ первой дивизии передислоцироваться на левый берег Днепра, где уже была сосредоточена наша вторая дивизия⁵. Пройти до Днепра предстояло около 150 верст. Приказ был выполнен в самый короткий срок.

Привез этот приказ из штаба 23 февраля в одиннадцать утра Кадлец⁶ на своей высокой, длиннотелой лошади, прозванной у нас «пивоварской». А в час дня мы уже должны были быть в штабе полка в Бердичеве. Нас приказ совсем не удивил, а для семьи нашего хозяина, пана Ковржика, прозвучал как смертельный приговор. Жена и дочь приняли горько рыдать. Самое ценное и нужное из хозяйского добра быстро уложили в рыдван⁷. Несколько голов скота отогнали

¹ Пинск – город в современной Белоруссии. Столица Полесья.

² Форменный кожаный, либо фетровый шлем с маленькой острой пикой на макушке, который носили в германской армии в начале и середине Первой мировой. До появления в 1916-м стальных касок с рожками.

³ Украинская центральная рада (март 1917 – апрель 1918), первоначально высший законодательный орган на Украине, как национальной автономной территории в составе России. После падения Временного правительства провозгласила Украинскую Народную Республику в федеративной связи с Российской республикой, а после разгона Всероссийского учредительного собрания, объявила уже государственную самостоятельность Украины, что привело к вооруженному конфликту с Советской Россией.

⁴ В описываемое время чешской бригады уже не существовало, во второй половине 1917-го она была расширена в 1-ю чешскую дивизию. Автор употребляет название по старой памяти.

⁵ В описываемое время в состав Русского чехословацкого корпуса входило две дивизии. Первую составляли четыре стрелковых полка (1-й, 2-й, 3-й, 4-й) и 1-й артиллерийский полк, Вторую – 5-й, 6-й, 7-й, 8-й стрелковые полки, 2-й артиллерийский, 1-й ударный батальон, а также кавалерийский и запасной полки.

⁶ Идентификация затруднительна, в списках КЛ обнаруживается не менее 5 человек, отвечающих нужным требованиям – служба во 2-м полку с 1917 года, это Антонин Кадлец, Владимир Кадлец, Йозеф и два Франтишека. Все прошли две войны и вернулись домой в независимую Чехословакию.

⁷ В оригинале – žebříňák, телега для перевозки соломы и сена.

полковому интенданту Петршу¹. Все остальное начали распродавать за копейки местным жителям, которые в мгновение ока собралось у главных ворот, нетерпеливо ожидая нашего ухода. Продавал один наш доброволец. Также Коваржик², однофамилец владельца имения, которому по этой причине он больше всех из нас верил. Распоряжение было простое, продать все, что только можно будет продать. До сих пор помню, как наш Коваржик кричал у сарая:

– Товарищи, кому эту славную коровку за сто рублей? Кто заплатит прямо сейчас? А кому этого жеребчика?

Продавал коней, коров, поросят, хомуты, семена клевера, зеркало, плуги, кур, котел – все, на что только падал его взгляд и что можно было продать тут же. Земляки брали все с удовольствием, потому что за пару-тройку рублей могли спокойно купить себе у хозяина как скотину, так и инвентарь, а вот после нашего ухода, и это они хорошо понимали, за все уже будет драка.

Мы сами к отходу были готовы очень быстро. Хозяйский фураж был весь наш. Путь долгий... Бескормица будет непременно... Поэтому о лошадях думали в первую очередь. А они тут привыкли уже жировать. Получали по три раза в день по две воинские меры овса и сколько хотели сена и клевера. Некоторые лошади овес даже не доедали. Сейчас оба мешка на передках седел наполнили овсом, а поскольку и в задних сумах оставалось у всех место, насыпали и туда овса сколько вошло. А сетки для сена, также прикрепленные сзади, набили сухим клевером. При этом еще и помогали грузиться самому хозяину. Дивишек³ не забыл дополнительно все для тех же наших коней загрузить целый воз клевера и положить на него же пару мешков овса. А себе самому – куль семян клевера, которые позднее удалось хорошо продать. Нашел что взять и наш кухарь Тонда. Кое-кого из пернатых. Позднее, мы страшно жалели, что не закололи на дорогу еще и свинью. Около часа дня прапорщик Захаров⁴ дал команду к выдвигению. В колонне по три оставили мы имение, и с нами разом обнищавший его хозяин с семьей и жалким имуществом на повозке.

Во второй половине дня уже весь полк, словно серый змей, выскользнул из бердичевской улицы на заснеженную равнину. Оказавшись на свободном пространстве, ряды наших широко разошлись по полю, уходя от изъезженной колеи, в которой только вязли наши повозки. Пехоте тяжело идти по грязи. Нам, верховым, много легче. К вечеру подмораживает и темп движения начинает расти. По затвердевшей земле роты, распавшиеся на группы, торопятся дойти до сел, назначенных им для ночлега. Я сам перехожу на рысь. Нужно пораньше оказаться на месте. Определить хаты для размещения роты, напоить, накормить и почистить коня. К ночи далеко по широкой украинской равнине разлетаются чешские походные песни. В первую ночь мы провели в селе Червоное⁵ в двадцати пяти верстах от Бердичева. Следующую в Яроповичах⁶. А третью – в

¹ Петрш, Йозеф (Petrš Josef, 06.09.1886 – 20.10.1968), выпускник философского факультета Карлова университета, учитель, православный, взят в плен 22.09.1915 под Ровно, подал прошение о вступлении в ЧВФР в Точке 18.06.1916, зачислен 29.06.1916, прошел две войны, служа в интендантстве, вернулся в независимую Чехословакию и продолжил службу (до 1938) в армии уже республики. Последнее звание в леги – полковник (КЛ).

² Коваржик, Винценц (Kovařík Vincenc, 25.10.1894 – 02.03.1918), каменщик, сокол, взят в плен 25.01.1915 под Горлице, подал прошение о вступлении в ЧВФР в Точке, зачислен 29.06.1916. Погиб в бою с немцами в Киеве (КЛ).

³ В КЛ – три возможных кандидата: Антонин Дивишек (Divíšek), бывший сапожник, 1895 года рождения, Франтишек, крестьянин, 1893 и Яны, кучер, 1896. Два последних прошли обе войны, и вернулись домой. А вот что стало с Антонином – неизвестно.

⁴ Захаров, Петр (? – 28.02.1920), командир отделения конной разведки, в будущем командир 3-го батальона 12 чехословацкого стрелкового полка. Погиб в Нижне-Удинске. Последнее звание в леги – капитан.

⁵ Червоное – ныне поселок в Житомирской области современной Украины.

⁶ Яроповичи – село в Житомирской области современной Украины. Чуть меньше 30 километров на северо-восток от Червоного.

Водотыи¹. Весь следующий день объявлен днем отдыха.

Нежмися в хатах, устраиваемся поуютнее на завтра. Возмися с лошадыми и варим чай в широкой украинской печи. Ходим без сапог, сушим портянки и шинели. «Сhazajп»² и вся его семья молча расселась по лавкам и недоверчиво на нас смотрит. На улице ненастье, а в хате у большой печи очень хорошо. Вместо лампы в горнице светит лучина. Садимся своим кружком и говорим о дороге, которая нам предстоит. Штаб объявил нам, что поедем во Францию через Владивосток, чтобы продолжить воевать уже на Западном фронте. Киев – Урал – Сибирь – Владивосток – Франция. Говорим об этом с легким недоверием. Лучше все же думать о дне сегодняшнем. Вот хорошо было бы горячей картошечки с солеными огурчиками. Спрашиваем, не дадут ли, у хозяев. Предлагаем за это чай и сахар. В ответ жена хозяина начинает умолять, чтобы мы ничего у них не просили. Целые дни ходят земляки, бежавшие с фронта, и что-то кланчат.

– Как увидим солдат, так пугаемся, – говорит уже сам «chazajп», – мы бедны и нам самим нечего есть. А если отказываемся продавать, тогда просто так отнимают. А при том нам еще горше, чем им.

Нам становится жалко этих людей. Зовем их пить чай с нами и даем несколько кусочков сахара, которого они сами давно уже не видели.

Дневного отдыха на следующий день не было. Двигаясь по железной дороге в сторону Киева, немцы наступали очень быстро, и уже настигли наш 1-й полк. Ночью нас разбудил фельдфебель, и мы втроем поскакали в наш лазарет, стоявший в 12-ти верстах за нами, с приказом с утра продолжить движение. С этого момент полк уже шел в боевом порядке. Наше подразделение – конная разведка – на флангах колонны. Ночь после тридцатидвухверстового похода мы провели в Бышеве³, а следующую, после двадцативосьмиверстового, в Игнатовке⁴. От нее уже оставался лишь один дневной переход до Киева. Нашей конной разведке для ночлега назначено помещичье имение. Оно уже брошено. Кажется, что хозяева сами бежали отсюда или были выгнаны лишь каких-нибудь пару часов тому назад, потому что вся обстановка на месте. В имении несколько просторных и богато обставленных комнат. В самой большой фортепиано и красиво обтянутая мягкая мебель. Но полу ковры, а на окнах от потолка до пола тяжелые занавески. Ходим по комнатам, выбираем, где расположиться. Ребята, что пришли до нас, уже приготовили себе постели, на перинах и пуховых подушках. Находим и мы себе место. Тонда в хозяйском котле заварил чай, единственный продукт, в котором не было недостатка. Всего прочего были крохи. Нормальная работа снабжения остановилась, и весь поход мы шли с пустыми желудками.

Еще перед тем, как лечь спать, был обсужден план действий на завтра. Рано утром, уже без всякого дополнительного приказа, наше подразделение разбивается на несколько групп и начинает объезд места расположения полка. Нас пятеро по проселочной колее поехали из Игнатовки вправо⁵ на горку, чтоб выяснить, нет ли немецких бронепоездов на станции Боярка⁶, расположенной в восьми верстах от главной дороги. Над полком постоянно висит опасность того, что немцы, двигаясь по железной дороге, опередят нас и отрежут в Киеве путь на восток. Хорошенькое было бы возвращение, если бы немцам задумка удалась, и они нас, разоруженных, привезли домой для показательной казни! Однако не думаю, что много бы они нас в этом случае взяли живых.

¹ Водотыи – село в Житомирской области современной Украины. Чуть больше 20 километров на северо-восток от Яроповичей.

² Типичное для легионерской прозы написание русской безударной «о», как «а». Совершенно естественное при восприятии языка на слух.

³ Бышев – село в Киевском районе современной Украины. Направление движения от Водотыи – преимущественно восточное.

⁴ В оригинальном тексте Ignatovka, скорее всего речь о Гнатовке – небольшом селе у окраины современного Киева. Чуть больше 27 километров по прямой от Бышева.

⁵ Автор смотрит на восток. Вправо, таким образом, получается на юг.

⁶ Боярка – город и одноименная железнодорожная станция в Киевской области современной Украины.

Перед самой Бояркой останавливаемся у какой-то одинокой хаты. Прячем за нее коней, и двое из нас готовятся идти к станции пешим ходом. Снимаем с фуражек красно-белые ленточки, оставляем оружие и ремни, одежду приводим в легкий беспорядок, чтобы не отличаться от основной массы русских, потому что уверены, что в любом случае русские¹ на станции есть. В руках у нас по куску хлеба, так, будто ходили мы в эту хату попрошайничать, и в таком виде осторожно идем к станции. На первый взгляд имеет самый обычный вид. На путях поезд без паровоза, в поезде солдаты с фронта. Они же бродят по округе. Кипятят воду в котелках, станционная водогрейка, очевидно, не работает. Угощаем этого, другого махоркой, заводим разговор о немцах и украинцах. Ничего путного не можем узнать. Всех этих людей занимает только одно, как бы скорее попасть домой. С войной навсегда покончено, в этом все они не сомневаются. И вызвать у них какой-либо интерес может только локомотив, который придет и прицепит их эшелон.

Возвращаемся и езджаем в направлении киевского предместья Святошино². Примерно на полпути в небольшом лесочке сталкиваемся с отрядом неизвестной кавалерии. Останавливаем коней, и минуту-другую пребываем в нерешительности, что делать? Стоять, стрелять, гнать коней прочь? То, что это не немцы и не наши, мы поняли сразу. Но если это украинцы, то добром это тоже может не кончиться. Эти могут нас передать немцам, с которыми нынче союзники. Пока мы думаем, небольшая группка конных с криком:

- Стой, стой, кто идет? – возникает прямо перед нами.
- Чехи, – отвечаем, – А вы кто?
- Красная армия!

Огромное облегчение, это большевики, и едут они в том же направлении. Находим их командира, представляемся, показываем полковые документы. Он приказывает нам ехать с его эскадром, подчиняемся. Надеемся, что ничего против нас он не задумал. Проезжаем небольшую деревню и сразу за ее околицей попадаем под пулеметный обстрел. Стреляют со стороны Киева и с довольно близкого расстояния. Пули шипят над головами как змеи. Весь отряд бросается назад укрываться за хатами. Что нам очень на руку, не останавливаясь, резко берем от деревенки налево в направлении Святошино. Кто и почему открыл огонь, нам уже все равно. Киев и его окрестности я знал очень хорошо и видел, что Святошино уже совсем рядом.

В Святошино полк обедал. После обеда, как на смотр – роты в колоннах, винтовки «на плещу», ровными рядами, четким шагом – двинулся полк за развешающимся знаменем по улицам Киева. Проходим мимо святошинской «Возовки»³, фабрики, где были заняты сотни чехов и словаков – пленных. Многие из них записались в добровольцы нашего войска. А те патристически настроенные пленные, которые еще не успели это сделать, сейчас просто оставили завод и бегут от немцев в глубь России. На углу, где стоит бывшая святошенская чешская школа, пока проходим мимо, возникают все новые и новые, с котомками на спине, и кивают нам в знак приветствия.

¹ Русские – здесь автор имеет в виду не просто русских вообще, а совершенно определенно русских солдат.

² Святошино – ранее дачная местность, ныне жилой массив на западе Киева. До его центра от Боярки около 10 километров на северо-северо-восток.

³ Обозная фабрика «Чешская возовка» (Česká vozovka). Предприятие, построенное за рекордные четыре месяца по предложению инженера Станислава Гожувица на деньги русских чехов (Й. Йиндржишек, доктор В. Вондрак и автомобильная фирма Лаурин и Клемент – это предшественница Авто-Шкоды), в 1915 году в Святошино, для производства повозок и колес для русской армии, которые тысячами выходили из строя из-за скверных русских дорог. Земельный участок для строительства предоставил сам Йиндржих Йиндржишек на территории своей фабрики по производству граммофонных пластинок «Экстрафон». Современный адрес ул. Смоленская, № 31–33. До революции Вторая Дачная линия, 5. Строителями фабрики, а затем и рабочей силой с разрешения командующего киевским военным округом генерала Н.А. Ходоровича стали чешские военнопленные из Дарницкого лагеря. См. подробности. Houžvič, Stanislav. Česká vozovka v Kijevě. В кн.: Jarolínek, Jan a Dyk, Viktor. Damica-Kijev: [Prvých deset tisíc]. Praha: Družina čl. legionářů, 1926, s. 63–89.

Уж шли бы наконец к нам, чем ходить вот так самим по себе, потому что все равно наши. А вот молчаливое большинство, что провожает нас тяжелыми взглядами с обочины дороги, совсем иное. Собрались перед домами, сидят на крышах цехов, выглядывают в окна, стоят перед воротами фабрики, не пересчитать. Их сотни, и большинство из них чехи. Стоят как каменные. И только ощущаешь, как сверлят нас их глаза. Словно сам австрийский орел повернул к нам оба свои клюва¹ и так бы и накинулся, если бы не боялся получить сдачи. По сути дела, все эти люди, что решили остаться – готовый резерв австрийской армии, свежий и отдохнувший в шикарном плену, в котором благодаря другим, патриотически настроенными чехам им было много вольготнее, чем добровольцам на фронте. И не стреляют они уже сейчас в нас только потому, что нет у них винтовок. Завтра уже получат от немцев. Лишь только исчезнем с глаз долой, могут хлопчики уже «svergaterovat»², разбиться на роты и готовиться «maršbereit»³.

Вступаем в Шулявку⁴ и идем мимо завода Дедины⁵. Тут я сам, будучи пленным, работал до вступления в наше войско. Здесь тоже собралась толпа чехов-военнопленных. Замечаю среди них одного из начальников – Ходеру, чеха, который не желал меня отпускать, после того как я подал заявление о вступлении в армию. Хотел меня за это вернуть в лагерь военнопленных. Пришлось мне буквально убежать с завода в казарму. Тут же старый, сгорбленный Адам с седой бородой и трубкой в зубах, смотрит, как мы шагаем. Ходера, как будто ничего и не было, даже слегка мне кивнул, словно хотел сказать «Вот ведь как бывает». Между тем мы выходим уже на любимое место прогулок местных жителей – Бибиковский бульвар⁶ и идем вдоль лавок длинного Еврейского базара. Все покупатели разом бросаются к дороге, чтобы посмотреть на нас. Дальше вверх к Владимирской улице полк марширует сквозь густую шпалеру русских обывателей, что образовалась по обе стороны бульвара. В последний раз салютуем красному зданию киевского университета⁷, в котором находилась наша казарма. Отсюда два года назад я уходил на фронт.

¹ Черный двухглавый орел – государственный символ Австро-Венгрии.

² svergaterovat – рапортовать начальнику караула, от die Wache vergattern, нем.

³ maršbereit – готовы к выступлению, от marschbereit, нем.

⁴ Шулявка – в ту пору населенный преимущественно рабочими район на западе Киева. Из описания очевидно, что полк марширует от «Чешской возовки» по-тогдашнему Брест-Литовскому шоссе (ныне проспект Победы).

⁵ «Завод сеялок В. Фильверта и Ф. Дедины» – в начале прошлого века большой и известный по всей России завод по производству сельхозмашин, основанный в Киеве чешским предпринимателями Вацлавом Фильвертом и Франтишеком Дединой. Будущий советский «Красный экскаватор». Это далеко не единственное большое предприятие, основанное чисто чешским или совместным капиталом в тогдашней России и Киеве. В связи с «Чешской возовкой» уже упоминался завод граммофонных пластинок «Экстрафон». Был он совсем не маленьким, так в последний полноценный год работы, 1916-й, предприятием произведено 500 тысяч пластинок, с записями, сделанным на собственной киевской студии. Здесь же в Шулявке, буквально «за углом» от завода Фильверта и Дедины, чуть ближе в сторону центра находился машиностроительный завод бельгийца Якуба Гретера и чеха Йозефа Криванека (после революции и национализации «Большевик»). В прошлом веке он имел милое прозвище завода «На дачах». Еще дальше по ходу к центру, но тоже в Шулявке, располагался завод по изготовлению машин и агрегатов для сахарных, пивоваренных, крахмальных и других производств – «Ауто», в советском будущем Киевский завод автоматки им. Г.И. Петровского. А в 1911 конкурентом «Ауто» стала другое чешское предприятие – Машиностроительный завод Франтишека Паула (впоследствии «Коммунист», а ныне – Киевский завод «Радар»). И, конечно, даже в этом неполном списке нельзя не упомянуть, отдавая дань сокольскому духу русской чешской колонии, основанной все в той же Шулявке (нынешняя улица Исаакяна) в 1909 году Виктором Кашпаром и Фердинандом Витачеком-младшим единственной в тогдашней России «Фабрики гимнастических принадлежностей». И если все прочие предприниматели и инженеры по праву считаются отцами промышленного производства на Украине, то Виктору Кашпару обязан своим рождением уже киевский футбол.

⁶ Бибиковский бульвар – прямое продолжение Брест-Литовскому шоссе. Ныне бульвар Тараса Шевченко.

⁷ Угол Бибиковского бульвара и улицы Владимирская.

И вот, наконец, выходим на главную артерию Киева – Крещатик. Тротуары переполнены публикой, которая мешает движению. Полк величественно движется по главной магистрали, словно победно взявший город. А мы все в душе прощаемся с нашей русской Прагой, которой для нас всех до этого самого момента был Киев. По Владимирской горке сходим к Днепру, где встречаемся с первыми подразделениями нашей 2-й дивизии. Мост через реку охраняет 8-й полк. В этом ирония судьбы. Когда нас было неполных три полка, мы сметали австрийские окопы¹. А теперь имеем в своем составе даже 8-й полк, и при этом сами от немцев бежим.

По мосту наш полк переходит Днепр и располагается в Слободке², небольшом местечке на левом берегу. Здесь, за рекой, мы словно разом оказались в другом мире. Все, что в России прославило нашу армию и дало политическую силу нашему национальному движению, происходило на той, правой стороне Днепра. Там уж несколько лет на фронте от Карпатских гор до Пинских болот наши добровольцы отдавали свои жизни в разведках. От Галиции через украинские нивы до самого Днепра гордо звучало наше имя и честь отдавалась нашим флагам. На той стороне Днепра Кременчуг, Киев, Бобруйск, Житомир – все те места, где формировались наши части. На той стороне Днепра и Зборов. Широкая гладь реки разом отделила нас от мест, освященных кровью наших братьев. Один только Киев еще с Владимирской горки шлет нам последний прощальный привет.

Был уже вечер, когда мы разошлись по хатам на ночлег. Особых удобств не приходилось ждать, потому что Слободка – совсем небольшое предместье, где уже размещался штаб нашей 1-й дивизии, да еще и большевики. Набились мы в хаты, как смогли.

Пехота поставила пост с пулеметом у моста, чтобы немцы не могли на нас внезапно напасть. Следующий день – объявлен днем отдыха. Он нужен, и солдатам, изголодавшимся и утомленным непрерывным шестидневным походом, и лошадям.

В субботу 2 марта начинаем готовиться к дальнейшему движению. Немцы буквально у нас на пятках. Они уже в Киеве. Отряд из пяти наших конных разведчиков под командой Коваржика отправлен в Дарницу³, чтобы выяснить, не захвачена ли она уже немцами и нет ли угрозы нашему правому флангу. Меня самого вместе с Коуржилем посылают вперед в группе сопровождения нашего обоза. В воздухе снова пахнет порохом. На мосту была перестрелка наших с немцами и украинцами. Откуда-то со стороны Дарницы слышны выстрелы пушек, одной или двух. Скорее всего это большевики, выдвинутые из Киева, обстреливают город. С колонной обоза спешим уйти из зоны возможного обстрела к Броварам⁴. Много чешских пленных уходят вместе с нами, и большинство из тех, с кем я говорил, уже считают себя добровольцами.

По хорошей, широкой дороге наши возы быстро уходят от Киева и Днепра к Броварам. Вот только не скроешься от немецких аэропланов. Один прилетел со стороны Киева, низко пронесся над дорогой и сбросил пару бомб, из которых, на счастье, ни одна не причинила нам вреда. Еще один уже вечером появился над Броварами, как раз в тот самый момент, когда я там искал расположения 4-го полка. Все, у кого были винтовки, открыли по аэроплану огонь. Видел я и местных жителей, стрелявших в небо прямо из своих дворов.

¹ Здесь автор вспоминает прорыв австрийских позиций чешской бригадой под Зборовом летом 1917-го. См. комментарий к главе «На Украине».

² Слободка – в начале прошлого века Никольская слободка, ныне часть Левобережного жилого массива Киева.

³ Дарница – в начале прошлого века железнодорожная станция на ветке Киев – Полтава, а также дачное место на левом берегу Днепра. Здесь среди прочего в Первую мировую располагался огромный пересыльный лагерь для военнопленных, через который прошли сотни тысяч военнослужащих Австро-Венгрии и Германии, в том числе и Ярослав Гашек, будущий автор «Бравого солдата Швейка». Чуть меньше пяти километров по прямой от Слободки на юго-восток.

⁴ Бровары – город на Украине. Ныне большой город-спутник у северо-восточной окраины Киева. От центра Слободки до центра Бровар что-то около 15 километров.

В Броварах делаем привал и обедаем. Здесь до нас доходят какие-то невнятные, но ужасающие новости о бое нашего полка у моста. Якобы полк наш разбит и взят немцами в плен. Какая-то из ушедших вперед рот срочно возвращается из Бровар к мосту, чтобы выручить наших. Мы сами получаем приказ незамедлительно двигаться на Требухов¹, что в двадцати пяти верстах от Бровар. Ведет туда направо² из Бровар типичная русская разбитая и неровная дорога, наши повозки движутся по ней с большим трудом. С утра светило яркое солнце и казалось, что пришла весна. А после полудня небо затянули облака и разразился такой дождь со снегом, что остаток пути до Требухова стал наказанием как для лошадей, так и для людей. Повозки, чтоб меньше вязнуть в дорожной жиже, уходили направо и налево в поля, но вязли и там. И впереди, и сзади из непроглядной метели доносятся только проклятия и отчаянное «ну-же, ну..». Бесконечно слезаем с коней и помогаем вытаскивать возы из трясины. Мы так промокли, и в такой сами грязь, что нам уже все равно, что делать. Хотя бы папироску выкурить в этом аду. Но мокрая папиросная бумага просто разлезается. К вечеру ненастье прекратилось, и земля прихватилась. В сгустившейся тьме ехали уже по замерзшей дороге. Добрались до места совсем поздно. Нашли несколько хат для нашего подразделения. Но о том, чтобы лечь спать, и речи не могло быть. Ждем своих. Приехали около полуночи и привезли с собой мертвого Коваржика.

Он со своей группой возвращался из разведки у Дарницы. В это самое время немцы как раз между Дарницей и Слободкой перешли Днепр по льду и напали на наш полк, который уже построился в колонны и готов был начать движение. Все растерялись. Полк отступил, и немцы захватили Слободку. Именно в это самое время к Слободке и подъехала группа Коваржика. Едва оказавшись на главной улице, увидели немцев, и сразу поняли, что случилось. Тогда Коваржик дал команду с налету проскочить немецкую цепь, справедливо предполагая, что пока немцы, захваченные врасплох, придут в себя, группа уже будет вне досягаемости выстрелов. Но в те несколько минут, пока, спрятавшись за углом дома, наши совещались, местные евреи успели предупредить немцев. Ребята галопом полетели на немецкую цепь, но были встречены выстрелами. Коваржик падает мертвый с коня. А под Трешлем³ падает конь, убитый пулей в голову. Трешл валится вместе с конем голова в голову прямо в лужу его крови. Немцы, решив, что и он получил пулю в голову, и также убит, несколько раз пнули его тело и отошли, потому что сами должны были тут же бежать. Наш полк за городом, развернувшись в цепь, пошел в атаку и выгнал немцев из Слободки. И это спасло Трешлу жизнь. Ночью мы покормили коней и пипили чаю, и тут же несколько человек поехали на разведку с прапорщиком Захаровым в сторону Дарницы. Доехали до ближайшей деревни в верстах восьми от Требухова и остались там до утра, чтобы кони хоть немного отдохнули. Да и мы сами страшно устали и буквально засыпали на ходу. Утром в воскресенье 3 марта мы похоронили Коваржика и других павших⁴ на требуховском кладбище. А сразу после полудня вновь нас с Коуржилем отправляют вперед, теперь как квартирмейстеров, в деревню Ядловку⁵,

¹ Требухов – большое село в Киевском районе современной Украины. От центра современных Бровар гораздо ближе до Требухова (около 10 километров по прямой на юго-восток), чем указывает автор. Вероятнее всего, стояли и обоз, и сам автор перед началом движения на самой западной окраине нынешних Бровар.

² Характерное для автора указание направления света, по его собственному расположению по отношению к востоку.

³ Вероятнее всего, Трешл, Йозеф (Trešl Josef, 06.02.1892 – ?), каменщик, социал-демократ, взят в плен сентябре 1915 под Тарнополем, зачислен в ЧВФР в 16.12.1917, прошел две войны и вернулся в независимую Чехословакию, солдат. Но также нельзя исключать и Трешла, Вацлава (Trešl Václav, 25.09.1894 – ?), штукатур, сокол, взят в плен сентябре 1915 под Тарнополем, зачислен в ЧВФР в 28.05.1917, прошел две войны и вернулся в независимую Чехословакию. Последнее звание в легии – унтер-офицер (КЛ).

⁴ Судя по фотографии в КЛ, памятник над братской могилой сохранился. И на нем выбито десятка полтора имен.

⁵ Ядловка – после 1945 года Перемога. Село в Киевской области современной Украины. Чуть меньше восьми километров на северо-запад от Требухова.

куда сам полк пришел уже во второй половине следующего дня. Отсюда, через Новую Басань¹, Быков², Макеевку³, Мозки⁴ и до Прилук⁵, что уже в 150-ти верстах от Киева. А всего прошагали мы до Прилук 300 верст⁶. И был это самый голодный из всех маршей, который полк когда-либо в своей истории проделывал.

В Прилуках мы должны погрузиться в поезд и поехать дальше на восток. И снова воскресенье, но уже 10 марта. Стоим у вокзала, обедаем, все ждем вагоны. В городе слышна стрельба. Здесь снова воюет с украинцами Красная армия. Внезапно выстрелы раздаются совсем уже близко, и в наш круг врывается группка русских солдат с мольбой защитить их. Боже мой, что это за солдаты. Просто дети. Из-под папах торчат одни носы, а из-под рукавов длинных русских шинелей не видны даже пальцы. Трясутся от страха. Непрекращающаяся стрельба заставляет и нас взять «vyp tovky» и выйти навстречу какой-то группе верховых, от которых бежали испуганные хлопцы. Увидев нас, кавалеристы развернулись и исчезли с глаз долой. А ребятишкам в шинелях не по росту мы посоветовали скорее вернуться домой, потому что там у мамы много лучше, чем на войне.

Тем временем немцы делают все возможное, чтобы не дать нам уйти. Быстрым броском на север через Гомель⁷, и вторым от Киева через Нежин⁸ они подошли к узловой станции Бахмач⁹, через которую еще только должен проехать наш полк. Наши части, стоявшие в Бахмаче, отбросили немцев, и всеми силами удерживали сейчас на почтительном расстоянии, покуда последний эшелон чехословацкой армии не проследует через Бахмач.

Прилуки мы покинули вечером 11 марта и, особо не задерживаясь, проехали Бахмач. Следующей станцией стал Конотоп¹⁰, здесь остались две роты нашего полка, седьмая и восьмая, и с ними пятеро наших конных разведчиков как связанных: Краус¹¹, Юнг¹², Пржепейхал¹³, Войта Чер-

¹ Новая Басань – село на реке Недра в Черниговской области современной Украины. От Перемоги до Н.Басани около 47 километров по прямой на восток.

² Быков – нынешнее название Старый Быков. Небольшое село на реке Супой в Черниговской области современной Украины. Около 13 километров от Новой Басани, преимущественно на восток.

³ Макеевка – село в Черниговской области современной Украины. От Старого Быкова – 10 километров на северо-восток.

⁴ Мазки – совсем небольшое сельцо в Черниговской области современной Украины. Сейчас, согласно Википедии, 256 жителей, а в 1911 было 547, и называлось место хутором. От Макеевки чуть больше 20 километров на юго-запад.

⁵ Прилуки – город в Черниговской области современной Украины. В 1918 – большая станция на железной дороге Москва – Бахмач – Одесса.

⁶ 300 верст – очевидно от Бердичева, расстояние от которого до Прилук по прямой 320 километров.

⁷ Гомель – город в современной Белорусии близости от границы с Украиной. От Гомеля до Бахмача по прямой чуть меньше 190 километров на юго-юго-восток.

⁸ Нежин – город в Черниговской области современной Украины. От Нежина до Бахмача чуть меньше 80 километров преимущественно на восток.

⁹ Бахмач – город и крупный железнодорожный узел в Черниговской области современной Украины. Чуть больше 70 километров на северо-северо-восток от Прилук.

¹⁰ Конотоп – город в Сумской области современной Украины. От Бахмача 33 километра по прямой преимущественно на восток.

¹¹ Краус (Kraus) – идентификация затруднительна, согласно данным КЛ в составе 2-го чехословацкого полка в 1916-1917 служило как минимум пять человек с такой распространенной фамилией – Антонин, Йозеф, Вацлав, Ярослав и два Франтишка. Общее у них лишь одно – все прошли две войны и вернулись в независимую Чехословакию.

¹² Юнг (Jung) – идентификация затруднительна, согласно данным КЛ ни один из 22-х носителей такой фамилии в составе ЧВФР не служил во 2-м полку. В Хронике (s. 233) в списках павших бойцов упоминается человек с похожей фамилией Юнгр, Вацлав (Jungr Václav), погибший в Челябинске 21.02.1919. Но это не конный разведчик, а стрелок.

¹³ Пржепейхал, Цирил (Přerepjchal Cyril (Melichar), 28.6.1894 – ?), крестьянин, взят в плен 13.03.1915 в Карпатах, заявление о вступлении в ЧВФР подал в Ташкенте, зачислен в 24.06.1916, прошел две войны, вернулся в Чехословакию и демобилизовался. Последнее звание в легии – младший унтер-офицер.

ни¹ и я. Восьмая рота осталась на станции, а седьмая вошла в деревню Веровка², расположенную в восьми верстах от Контопа в направлении Бахмача, чтобы охранять мост через реку Сейм³. Кроме нас в Конотопе располагались и части большевиков, у которых стояла задача остановить наступление немцев и украинцев. Это была великая смесь самых разных народов, и в большинстве своем из числа бывших пленных. Как-то в один из дней, когда прибыл очередной эшелон большевиков, мы стояли между путями на станции. Было среди прибывших и кавалеристское подразделение. Люди и кони быстро выгрузились, и пока мы гадали, куда они двинутся, направились прямо в нашу сторону. И тут как гром с ясного неба звучит команда на чистом немецком:

– Rechts halten!⁴ – увидели мимоходом наши бело-красные ленточки и догадались, что мы чехи. Остановились, и один из верховых как ни в чем не бывало интересуется:

– Wohin fahren die Herren?⁵

Мы переглядываемся. Мы тут стоим обороняем станцию от немцев, а они, оказывается, уже здесь среди большевиков. Первым пришел в себя Юнг и ядрено им по-солдатски ответил:

– Идите к черту, подонки! Хорошенькая компашка!⁶

Ночью 12 марта обе наши роты, и мы вместе с ними погрузились в эшелон и поехали догонять свой полк. Это стало возможным, потому что через Бахмач прошел последний поезд с чехословаками⁷. Уже 23 марта мы прибыли в станцию Кирсаново⁸, что было местом сбора всех подразделений 2-го полка Йиржи из Подебрад.

В Кирсанове эшелоны нашего полка простояли целый месяц. Согласно, соглашению⁹ с Советами, мы должны были сдать оружие (предполагалось, что во Франции мы получим уже французское), и большую его часть, а также наших лошадей полк передал кирсановскому Совету. Оставшееся оружие должно было быть сдано в Пензе. Мы, разведчики, отдали свои карабины, но оставили себе шашки и гранаты, потому что чем дольше затягивался отъезд, тем все меньше и меньше было веры обещаниям Советов. Лошадей мы тоже отвели большевикам, всех, кроме последних шести. В Кирсанове покинул наш полк его командир Конюк¹⁰, русский, и его место занял поручик¹¹ Сирови. Одновременно из нашего собственного подразделения перебежал к

¹ Черни, Войтех (Černý Vojtěch, 20.04.1893 – 17.04.1938), мясник, взят в плен 07.07.1916 у села Оконск на Волыни, заявление о вступлении в ЧВФР подал в 12.07.1916, прошел две войны, вернулся в Чехословакию и продолжил службу в армии независимой республики. Последнее звание в легии – ротмистр. Покончил жизнь самоубийством – повесился. В КЛ любопытная запись «профессиональный военный, журналист и активист движения сексуальных меньшинств / voják z povolání; novinář a pracovník hnutí sexuálních menšin».

² Веровка (Verovka) – правильно Вировка. Село в Сумской области современной Украины на северо-западной окраине Контопа.

³ Сейм – левый и самый длинный приток Десны. Протекает по территории современных России (Белгородская область, Курская область) и Украины (Сумская область, Черниговская область).

⁴ Rechts halten – Взять вправо, нем.

⁵ Wohin fahren die Herren – Куда направляетесь, господа?

⁶ В оригинальном тексте ответ на немецкий вопрос звучит по-чешски «Do p... e, pacholci! Jste to pěkná sebránka!» и кажется слишком грубым и вызывающим (слово prdel не зря в книге начала прошлого века отбито многоточиями) в беседе двух групп вооруженных людей. Возможно, licencia poetica.

⁷ Чехословаки – так чередуется у автора. То он называет своих «чехословаками», то просто «чехами». Официально с 1917 политически верно – «чехословаки», при том, что словаков в составе ЧВФР едва ли мог набраться один полный полк.

⁸ Кирсанов – небольшой город и одноименная железнодорожная станции на западной оконечности современной Тамбовской области, у границы с Пензенской.

⁹ Речь идет о соглашении между политическим руководством чешского национального движения в России и большевиками.

¹⁰ Подполковник Конюк Федор Спиридонович. См. комментарий выше к главе «На Украине».

¹¹ Не пройдет и пары месяцев, как Ян Сирови, без всяких академий Генштаба и долгих лет службы, станет уже генералом и главнокомандующим. Но не одному только ему из числа поручиков, подпоручиков и прапорщиков чехословацкой армии суждено такое фантастическое повышение и взлет, связанный с

большевикам доброволец Кралик¹. Соображения им двигали сугубо шкурные. В ту пору простой солдат получал у большевиков 300 рублей в месяц, в то время как наше жалование составляло лишь 12.

Вечером 18 апреля наш эшелон наконец отправился из Кирсанова на Дальний восток. Но уже на следующий день на небольшой станции Байка² от наших вагонов отцепили локомотив, и он уехал без нас, и как мы отчаянно не требовали после этого у начальника станции ускорить отъезд, простояли мы здесь 7 дней. Здесь же пришлось нам продать и последних шесть лошадей, потому что их просто нечем было кормить. Первого мая мы, наконец, прибыли в Пензу, где сдали Совету оставшееся оружие, а 4 мая уже были в Сызрани, городе на правом берегу Волги. Во второй половине дня мы уже ехали по Александровскому мосту через самый большой водный поток Европы. Пятого мая мы сделали остановку в Уфе, а девятого уже на Урале переехали у Златоуста границу Европы и Азии. После чего мы надолго застряли на станции Полетаево³, расположенной в четырех километрах от одноименной деревни. Там мы простояли с 10-го до 25-го мая.

События этих дней, скоростью смены одним другим, опережали черепашую скорость движения наших эшелонов. Всем было ясно, что наш отход на восток задерживается намеренно. В каждом из наших эшелонов росло беспокойство, и вместе с ним усиливалось и давление на наше руководство, заставлявшее перестать идти на поводу у Советов и двигаться на восток самим против их воли. Во второй половине мая имел место всем известный инцидент на станции Челябинск⁴. Последовавший за этим съезд⁵ наших армейских делегатов принял решение, что

естественной сменой русского командования на чешское. Что не могло, конечно, очевидным образом, не сказаться на его уровне и кругозоре. К сожалению, талантливый самоучка, храбрый и находчивый командир отделения разведчиков с георгиевской ленточкой на груди, как правило, не может мгновенно превратиться в умудренного опытом расчетливого и хладнокровного командира тысяч и тысяч вооруженных людей, державших сотню-другую километров фронта.

¹ Кралик, Доминик (Kralík Dominik, 23.07.1895 - ?), сельский портной, в австро-венгерской армии драгун, взят в плен 20.07.1916 под Луцком, заявление о вступлении в ЧВФР подал в Подольской губернии, зачислен 27.05.1916, дезертировал, но согласно КЛ, через год, зимой 1919 (01.01) попросился назад и снова был принят во 2-й стрелковый полк.

² В 1918 станция на железнодорожной линия Ртищево – Пенза Рязано-Уральской железной дороги. Название станции дало село Байка, расположенное в 12 км на восток, ныне это в Пензенской области. Сама станция в наши дни в Саратовской области. От Кирсанова чуть меньше 100 километров на юго-восток.

³ Полетаево – ныне станция Полетаево I в непосредственной близости Челябинска (по прямой еще около 23 километров на северо-восток). Возникла в 1892, на ветке Самаро-Златоустовской железной дороги при продлении ее до Челябинска. Историческая часть Транссиба. От Кирсанова разведчик Мнехура и его товарищи уехали уже более чем за 1400 километров.

⁴ 14 мая 1918 на железнодорожной станции Челябинск венгерский военнопленный Иохан Малик из вагона уезжавшего на запад поезда бросил обломок чугунной печки в группу чехов, стоявших возле своих задержанных эшелонов, точно так же, как и поезд автора этой книги. В результате чего был ранен, но по счастью не убит, как этого хотел виновник происшествия, чехословацкий солдат Франтишек Духачек. Уезжавший состав был силой остановлен чехами, виновник найден и заколот штыком. Самосуд привел к конфликту чехословаков с местным Советом, захватом его и разоружению местной Красной гвардии, хотя позднее и разрешен, как оказалось, на очень короткое время, мирным путем.

⁵ Съезд делегатов Русского чехословацкого корпуса, на глазах превращавшегося в Чехословацкую легию, начался 20-го мая в Челябинске. В нем участвовали как та часть политического руководства чехословацкого национального движения в России, что не была уже взята в Москве в заложники большевиками, так и командиры тех частей, которые стояли, остановленные Советами, на всем протяжении западного участка Транссиба (от Волги до Енисея). Съезд создал Временный исполнительный комитет, как новый политический и военный орган управления, и принял решение начать самостоятельное движение на восток, не считаясь с волей и позицией большевиков. И уже 25-го мая еще до формального завершения съезда командир 7-го полка капитан Радола Гайда (отвечавший за район от Новониколаевска до Канска) дал приказ капитану Эдуарду Кадлецу начать захват станции Мариинск.

мы сами начнем движение на восток, несмотря ни на какие преграды. Одновременно с этим Троцкий из Москвы отдал приказание всем Советам на пути нашего следования разоружать нас и принуждать вступать в Красную армию, а несогласных отправлять в лагерь. После чего не осталось уже никаких сомнений, что нас ждет схватка с большевиками не на жизнь, а на смерть. И приходилось только жалеть, что мы в этот момент оказались и без винтовок, и без коней.

Из Полетаева мы смогли еще доехать до города Кургана¹ сразу за Уралом. Дальше уже можно было пробиваться только с боем. Всем нашим эшелонам, раскиданным на бесконечном пространстве длиной в 8000 верст от Пензы и Волги до Урала, и по всей Сибири до самого Владивостока.

Бои с большевиками

Штаб нашего полка после бесплодных переговоров с курганским Советом принял решение захватить город. Было тогда нас всех здесь 900 душ, фактически безо всякого оружия. Русские железнодорожники, которые был вооружены и решительно настроены против большевиков, помогли нам вооружиться. Нашлось около 500 винтовок. Досталось несколько и нашему подразделению. Те из нас, кто их получил, участвовали в ночном наступлении на Курган, все остальные должны были охранять станцию чем придется. Это была ночь на 1 июня. Наступление на Курган велось сразу несколькими группами. Мы были приданы группе, имевшей задачу обойти город с запада², перейти реку Тобол и на южном берегу атаковать мельницы, где располагались основные силы красных.

В начале одиннадцатого ночи мы выступили со станции. Ночь стояла темная. Мы дошли до небольшой деревеньки на самом берегу Тобола. Здесь пришлось долго искать брод. Скоро поиски перешли в ворчание, потому что стало очевидно, что у такой реки не может быть брода. Около полуночи в городе прозвучали первые выстрелы. Мы стали нервничать. В конце концов в деревеньке подняли с постели перевозчика. Собрались мы все на берегу, и он нас стал перевозить в лодке группами по десять на противоположный берег. Уже светало, когда мы наконец развернулись в цепь и сквозь утренний туман по лугам двинулись вперед. Если бы в эти минуты нас встретили превосходящие числом силы большевиков, то просто бы скинули в Тобол. Наша группа конных разведчиков шла на самом дальнем правом краю цепи, которая поворачивала влево к городу. Минутами нам приходилось бежать. Мы забыли, что не на лошадях, и не поспевали за пехотинцами. Скоро все уже были в поту. Хорошо еще, что никто не надел шинели. На заболоченных лугах каждую минуту кто-то вяз и падал в траву, а слева непрерывно подгоняли:

– Быстрее... быстрее...

Но быстрее мы просто не могли. Судя по раздававшейся со стороны города стрельбе, там бой шел уже в полную силу. А нам оставался еще километр до мельницы, когда впервые на нашем левом фланге раздалась со стороны города пулеметная очередь. Стреляли также из винтовок. Слух опознавал пули берданок³, которые жужжат в полете, как пропеллер. На стрельбу никто в

Что и было за несколько часов успешно исполнено, ожидаемо приведя в движение все дремавшие до этого разнообразные политические силы нашей огромной страны, после чего и началась кровавая и долгая Гражданская война в Сибири.

¹ Курган – административный центр Курганской области. От станции Полетаево – 270 километров, преимущественно на восток.

² Курган в описываемые времена был совсем небольшим населенным пунктом, железнодорожная станция располагалась на северной окраине, сама дорога шла через города параллельно Тоболу и сразу за восточной окраиной уходила на юг. С южного берега в центр Кургана (прямо на Базарную площадь) вел мост.

³ Берданка – американская однозарядная винтовка системы Хайрема Бердана калибра 10,75 мм, несколько раз модифицированная русскими рационализаторами. Стояла на вооружении царской армии с 1870 года и производилась на российских оружейных заводах. К началу Первой мировой считалась

нашей цепи не реагировал, лишь все ускорили движение к поросшему молодой зеленью берегу рукава Тобола. За двести шагов до него оттуда в нашу сторону грохнул залп. Мы мгновенно залегли и приготовились к стрельбе. И тут же слева по цепи побежала команда:

– В атаку!

Мы поднялись и криком «Урааа!» кинулись вперед. И сразу увидели перед собой трепещущие в воздухе куски белой одежды. Люди стояли с поднятыми руками. Никто из них не был солдатом. Были это гражданские люди – рабочие. Вместо цеха отправили их сегодня сюда. На ремешке у каждого висел узелок с едой.

– Кто стрелял? – спрашиваем.

– Братцы, не убивайте нас, – отвечают. – Те, кто стреляли, все убежали. Мы за них не отвечаем.

И это было правдой. Вся дорога от мельницы на юг была полна убегающими. Видели мы среди них и конных, сломя голову покидающих Курган. В молодой поросли у берега нашли мы множество брошенных винтовок, все собрали, построили пленных, отвели на мельницу, а потом и через город к станции. Первые лучи утреннего солнца уже играли на наших бело-красных флагах, развевавшихся над геройски взятым городом. Курган обороняли 2000 вооруженных большевиков, из них попало в плен 800. Нашей добычей стали 1700 винтовок и прочий воинский материал. Среди трофеев также 11 лошадей для нашей конной разведки, недостающих предстояло добыть в будущих боях.

Везде, где бы мы ни появились в городе, нас встречали горячими овациями. Нас приглашали на чай в русские семьи, а курганские дамы позднее в знак благодарности за освобождение от большевиков обшили наш полковой стяг ленточкой. Сейчас же в городе организовался русский добровольческий отряд, который совместно с нашими частями занялся преследованием разбегающихся большевиков.

На станции из длинных американских вагонов¹ для перевозки угля составлялся бронепоезд. К металлическим стенкам вагона до самого верха докладывался песок², и с двух сторон устанавливались пулеметы, таким же образом защищалась и паровозная будка с поездной бригадой. Полк, разбившись на несколько групп, занимался очисткой края и непосредственно железной дороги от большевиков на востоке, западе, севере и юге. Несколько человек из нашего подразделения были приданы группе, которая освобождала дорогу на восток в сторону станции Петухово³. В числе этих разведчиков были и Коуржил, который после этого уже не был способен к несению строевой службы⁴.

устаревшей (заменялась с 1891 года), но по-прежнему использовалась и производилась из-за недостатка стандартных трехлинейек Мосина.

¹ Американские вагоны – полувагоны со стальными бортами для перевозки сыпучих грузов, то есть гондолы без крыш с нижней или боковой разгрузкой. Длинными их называли, потому что у такого вагона было четыре колесных пары и, соответственно, он был в два раза длиннее стандартной двухосной теплушки.

² На самых ранних из дошедших до нас чешских фотографий подобных полувагонов они остаются открытыми, с дополнительной стенкой из мешков песка, которые также формируют амбразуры для стрелков с двух сторон вагона. На более поздних можно увидеть уже полувагоны, покрытые крышей с проделанными в боковых стенках пулеметными амбразурами и легкими пушками, смотрящими вперед или назад по ходу, в зависимости от места расположения такого вагона в составе бронепоезда. Самое типичное место такого переделанного вагона в составе – перед локомотивом.

³ Петухово – железнодорожная станция в современной Курганской области. Открыта после строительства участка Западно-Сибирской железной дороги от станции Челябинск до Новониколаевска в 1896 году. От Кургана на Петухово – чуть меньше 170 километров на восток с небольшим смещением на юг.

⁴ См. комментарий «Коуржил» к главе «На Украине».

Центром сосредоточения сибирских большевиков был Омск, от которого мы сами находились на расстоянии 500 верст. Решающий бой за Омск произошел на станции Мариановка¹, располагавшейся на расстоянии около 45 верст перед² Омском. На этой станции в конце мая большевики неожиданно напали на эшелон нашего 6-го полка, которому это нападение обошлось в 27 убитых³. В том бою бросил против нас омский Совет свои лучшие силы. В числе которых было и подразделение венгров, бывших военнопленных. Все эти силы были окончательно уничтожены к началу июня, и сам Омск взят.

На станцию Мариановка наш собственный эшелон прибыл около трех часов утра на следующий день после боя⁴. Шесть нас, разведчиков, было в поезде, который следовал за эшелоном Сирови⁵. На станции было затишье после бури. Расстрелянные станционные здания, пулями пробитые вагоны, воронки от снарядов, все говорило о том, что тут было жарко. Правая сторона полотна выглядела так, как будто бы там еще проходила передовая. Один возле другого длинной полосой лежали убитые большевики, ровно там, где во время атаки нашел их наш пулемет. В направлении Омска перед станцией валялись сошедшие с путей и продырявленные пулями пассажирские вагоны, в которых сюда прибыла последняя надежда омского Совета – венгры. Еще один большевистский поезд – с артиллерией – успел въехать на станцию, но в бой ему вступить не дали. Теперь с его платформ скатывали пушки и снимали ящики со снарядами и на поляне у станции Крейчиржик⁶ уже формировал нашу новую батарею, раз уж теперь у нас и свои пушки есть. С целой округи собираются на станцию казаки с оружием и даже пулеметами, которые были спрятаны у них дома, организуются в противобольшевистские отряды.

Самая отталкивающая сцена открывается немного поодаль от станционного здания на небольшой поляне. Здесь пленные большевики, переданные казакам. Их довольно много. Они окружены вооруженными всадниками и копают глубокую яму. Далеко не все из них русские. Некоторые стоят на коленях и умоляют о пощаде. В ответ получают удар нагайкой. Большинство угрюмо молчит и копает себе могилу.

¹ Мариановка – это небольшая станция на Транссибе, открытая в 1894 году, рядом с которой возник позднее рабочий поселок с чуть-чуть измененным, но похожим названием Марьяновка.

² То есть западнее. Автор, как обычно, видит себя в центре события и все стороны света привязывает к положению своего тела.

³ Неожиданность боя на станции Мариановка у Омска связана с тем, что произошел он 25-го мая еще до того, как началось, собственно, само восстание чехов и захват ими Транссиба. Раздосадованный отказом одного из чешских эшелонов разоружиться при въезде в Омск на станции Куломзино (ныне Карбышево 1) и самовольным, мгновенным отходом на запад этого эшелона, большой отряд омских большевиков под командой самого начальника красной милиции Петра Успенского немедленно отправился вдогонку за беглецами. Догнал на станции Мариановке, к которой к этому моменту с запада подошел еще один, хорошо вооруженный после челябинского инцидента, эшелон чехословаков. Состоявшийся почти трехчасовой бой закончился разгромом красногвардейцев, захватом их вооружения и бронепоезда. Командир красных Устинов при этом погиб. Общие цифры потерь, которые приводит автор брошюры «Мариановка» Отакар Ханушка (Hanuš, Otakar. Marianovka: (z bojů ruských legií o západní Sibiř). Brno: Moravský legionář, 1924, s. 15) – со стороны большевиков 200 убитых и 139 взятых в плен. У чехословаков «убито 18 братьев и 19 ранено».

⁴ Бои на станции Мариановке и вокруг нее не закончились 25 мая. А продолжались с перерывами еще почти две недели.

⁵ Согласно брошюре Ханушки (с. 26) подкрепление под командованием Сирови прибыло в Мариановку 4 июня.

⁶ Возможно, Крейчиржик, Венцеслав (Krejčířik, Věnceslav, 28.6.1887 – ?), агроном, сокол, в России принял православие, службу в ЧВФР начал еще в Чешской Дружине (05.03.1915). Прошел две войны и вернулся в независимую Чехословакию. Последнее звание в легионе – майор (КЛ). Такой жизненный путь похож на путь воина по фамилии Крейчиржик, упоминаемого в Хронике, сначала как отважный командир разведчиков в 1916-м в звании прапорщика (с.15, 18), а затем штабс-капитана и капитана, командира батареи в 1918-м (с. 174, 177).

Нас с Витом¹ сразу отправили с депешами к подразделению 6-го полка, которое за несколько верст перед Мариановкой окопалось в лесочке у домика обходчика. На другой день мы приняли участие в разведке, которую казаки проводили с правой² стороны дороги. Осмотрели мы все отдельно стоящие в лесу строения, а также имение в верстах десяти от станции. В имении на работах были заняты и австрийские военнопленные. Мы там обошли все в поисках оружия или спрятавшихся большевиков. Хотя вначале пленные, узнав, что мы чехи, не хотели нас к себе пускать, и, вообще, в отношении нас вели себя весьма вызывающе. Даже грозили нам судом и повешением в Австрии. Тут уж мы не сдержались и как следует им напододали. Казаки, которые от нас узнали, что военнопленные нам угрожали, хотели их тут же поставить к стенке и расстрелять. Но мы им этого сделать не позволили.

Восьмого июня прибыли в Омск, который к этому времени уже был в руках наших. В тот же день уже ночью несколько человек из нас под командой Захарова и нескольких русских офицеров были отправлены в ближайший к дороге пригород произвести арест. Сам город от станции находится на расстоянии четырех верст³ и соединен со станцией местной веткой⁴. Предместье у городского вокзала называется, как мне кажется, Казачий хутор⁵. Вошли мы там во двор какого-то дома, который предварительно окружили, чтобы никто не мог сбежать. Двери и ставни на окнах закрыты. Начинаем вламываться. Открывается окошко рядом с сениями, и в нем возникает мужское лицо:

– Кто там?

Отвечаем:

– Солдаты, чехи!

Мужское лицо за окном исчезает, потом в доме зажигается свет и до нас начинает доноситься плач. Опять принимаемся стучать в ставни, но уже больше никто не откликается. Разбиваем прикладом одно окно и через него проникаем в дом. Мы были уверены, что тут какое-то гнездо большевиков, но ничего подобного внутри не обнаруживается. Большая семья повыскакивала из белых постелей и в чистых ночных сорочках сгрудилась вокруг своего отца, и в страхе и горьких рыданиях его обнимает. Одна мать стоит бледная и неподвижная у постели, словно лишившись дара речи. Наконец отец тихо, упавшим голосом, спрашивает:

– Господа, простите, что вам надо?

– Все ясно. И что теперь делать? – задаем вопрос поручику.

– Обыскать дом, а этого человека забираем!

Никто из нас не испытывал ничего кроме сочувствия к этой несчастной семье, которая по какой-то причине оказалась целью нашего рейда. И никто из нас не считал за честь участвовать в подобных операциях. Сто раз милее любому из нас с винтовкой и гранатами идти в атаку на передовой, чем выполнять такие полицейские обязанности. Недовольство было общее. Только подчиняясь приказу, мы ходим по горнице и смотрим, нет ли оружия. Дочка сама показывает, где висит винтовка. Они сейчас имеются в каждом доме. Отец семейства одевается и прощается

¹ С большой вероятностью Вит, Антонин (Vít Antonín, 13.06.1892 - ?), повар, социал-демократ, взят в плен 15.12.1914 у Горлиц, зачислен в ЧВФР 24.06.1916, прошел две войны, вернулся в Чехословакию и демобилизовался. Последнее звание в легии – младший унтер-офицер (КЛ). См. также комментарий «Тонда» к главе «На Украине».

² Надо полагать, на юге, если автор смотрит, как обычно, на вожденный восток. Это последний комментарий, относящийся к специфическому способу определения автором сторон света. Думается, далее читатель самостоятельно уже сможет сориентироваться, где и что в книге происходит.

³ Казацкая столица Сибири тех времен Омск располагалась севернее одноименной станции, у стрелки Иртыша и его притока Оми.

⁴ Местная железнодорожная ветка от станции в город доходила до района современных улиц Потанина и Иртышской набережной, где располагался внутренний уже Городской вокзал.

⁵ Возможно, Казачья слобода – район современных улиц Жукова, Пушкина в месте примыкания к улице Масленникова.

с семьей, которая валится на колени, моля не убивать отца. Ушли мы оттуда с огромным облегчением.

Нас всех интересовала судьба этого арестованного. Он был железнодорожным служащим. Несколько дней спустя после случившегося русские железнодорожники устраивали концерт в честь чехословаков в саду у станции. Там мы вновь встретили нашего знакомого. Он рассказал, что на него донесли люди, желавшие от него избавиться. Чехословацкий штаб в его деле честно разобрался и освободил. Он был в восторге от чехов.

Участвовали мы в арестах еще трех русских, но в дома больше не входили. Оставляли это казакам. Зато однажды сами со всей тщательностью обыскали дом одного военнопленного чеха, большевистского организатора. Нашли много обличающей его деятельность переписки, однако его самого кто-то успел предупредить заранее, и он сбежал.

В Омске вновь свалилась на нас неожиданная и не слишком желанная слава. Все наши части, которые оказались на станции, прошли по городу торжественным маршем, бурно приветствуемые населением, которое называло нас своими освободителями. В честь чехословаков давались концерты, банкеты, собрания, был устроен сбор средств на лечение наших раненых, газеты не переставали публиковать статьи, кипящие восторгами по поводу чехословаков. Ни одно общественное мероприятие не обходилось без присутствия наших представителей или речей в честь чехословаков, которые между тем продолжали с боями, освобождая за станцией станцию, продвигаться по бесконечной сибирской магистрали все дальше и дальше, открывая себе таким образом путь на восток¹.

Но во Владивосток наши эшелоны тем не менее не пошли, а были направлены назад на Урал. Необыкновенное воодушевление русского населения создавало впечатление того, что можно свергнуть советскую власть во всей бывшей империи и восстановить власть демократическую, возвращения которой все мы русским от всего сердца желали. Но для этого требовалась наша помощь. Союзники принятое нами решение поддержали и пообещали прислать уже нам в помощь и свои войска. По этой причине никто из нас не роптал, опять возвращаясь на запад. Вело нас убеждение в том, что делаем мы это для братского славянского народа, с его ведома и при его участии, и за это мы были готовы пролить свою кровь.

Из Омска мы отбыли 5 июля в направлении Тюмени. В этих районах² шли активные операции по их «очистке». Из вагонов мы выгрузились уже за станцией Вагай³ на разъезде № 27. Большевики, выбитые из Вагая, стянули свои силы к станции Заводоуковская⁴ и, согласно полученным сведениям, закрепились на станции Ялотуровск⁵.

Два наших эшелона, прикрываемые бронепоездом, двинулись в сторону станции Заводоуковская. Наше конное подразделение составляло боевое охранение бронепоезда по обе стороны дороги. Движение было не из легких, потому что дорога на Тюмень идет лесным краем. Но если среди берез мы могли поспевать за бронепоездом, то когда начинались густые кусты или болота, которые надо было объезжать, приходилось выстрелами давать знать бронепоезду, чтобы ждал. От разъезда⁶ до Заводоуковской 30 верст. Около полудня мы выехали к небольшой речке с железнодорожным мостом. Мы, разведчики, собрались у моста, чтобы проверить, не заминирован

¹ Транссиб или «магистраль», как его называли чехи, полностью перешел под контроль белых сил 30 августа 1918, после соединения у реки Онон на забайкальской станции Оловянная объединенного фронта русско-чешских войск под командованием Радолы Гайды с частями атамана Г.М. Семенова.

² Севернее Транссиба.

³ Станция Вагай – возникла при строительстве железной дороги Тюмень – Омск. Открыта в 1913-м. От Омска 200 километров на северо-восток.

⁴ Заводоуковская – станция на линии Тюмень – Омск. Открыта в 1913-м. От Вагая до Заводоуковской – чуть меньше 220 километров на юго-восток.

⁵ Ялотуровск – город на левом берегу реки Тобол. От Ялотруовска до Заводоуковской на больше 22 километров по прямой на северо-запад.

⁶ Разъезд № 27. См. ранее в тексте.

ли он. Нас несколько человек с Вагенкнехтом¹ во главе перешли вброд на другую сторону реки, но едва от реки поднялись на железнодорожную насыпь, из леса раздались выстрелы. Мы кинулись назад в воду и вернулись на другой берег. Коней спрятали у моста, залегли на насыпи и открыли огонь по лесу, из которого нас самих только что обстреляли. Никто уж не отвечал. Судя по всему, это был небольшой большевистский патруль, который тут же и отошел.

Но, как бы там ни было, бронепоезду нельзя двигаться дальше, пока мост не будет осмотрен. Поэтому он стоит перед ним и ждет. Зато два эшелона, что двигались за ним, заслышав впереди стрельбу, поддали ходу. И вот уже на всех парах появляются из-за поворота, ведущего прямо на мост. Бронепоезд отчаянно гудит им, чтобы тормозили, но расстояние слишком маленькое, столкновения уже не избежать. Первый эшелон еще смог притормозить на некотором отдалении от бронепоезда, а второй все же ударился в последний вагон первого. По счастью, уже совсем на малой скорости. Солдаты отделались синяками, разбитыми носами и прочими подобного рода мелочами.

Наконец мост нами внимательно осмотрен. Ничего подозрительного не найдено. Даем знак бронепоезду, и он самым медленным ходом въезжает на мост. За мостом уже в лесу дает несколько пулеметных очередей по кустам, вслед убегающим большевикам.

Большевики не стали нас ждать и на станции Заводоуковской. Бежали, перекрыв въезд сброшенным с путей паровозом, который русские железнодорожники сразу же по отходу большевиков начали поднимать и ставить на рельсы. Если бы не эти люди, всюду немедленно бравшие нашу сторону и оказывавшие неоценимую поддержку, не было бы у нас с первого же дня таких успехов.

В Заводоуковске пришлось задержаться. Согласно имевшимся сведениям, большевики создали укрепленные позиции на станции Ялотуровск, находившейся в 22 верстах отсюда. Наш конный отряд получил приказ до вечера произвести разведку дороги не менее чем в десять верст глубиной в сторону Ялотуровска. Покормили мы коней, сами съели скудный обед и отправились вперед. Большевиков не нашли. Вернулись уже поздним вечером. И кони, и мы для одного дня накатались более чем достаточно.

Согласно дальнейшему плану, предстояло обойти левое крыло большевиков и ударить по Ялотуровску с тыла. Для выполнения этой задачи наши части выступили рано утром 9-го июля в двухдневный охватный поход. Пехота двигалась на повозках, специально для этой цели реквизированных. На нас лежала обязанность вести передовую разведку. Дорогой мы на пароме переправились через реку Пышму². К вечеру пришли в местечко Петровский завод³, где староста и местное население встретили нас хлебом-солью. Здесь мы остановились на ночевку. Ранним утром следующего дня наш разведывательный отдел выехал, чтобы определить местоположение позиций красных до того, как выступит наша пехота. Но уже дорогой от местного населения мы узнали, что этой ночью большевики сами ушли из Ялотуровска.

В Ялотуровске мы нашли как брошенные окопы с натянутой перед ними колючей проволокой, так и наши собственные эшелоны. Сразу после бегства красных русские железнодорожники сообщили об этом нашим на станцию Заводоуковская.

Большевики стягивали свои силы к Тюмени, где у них был организационный центр и сильный местный гарнизон. В Тюмени также располагались большие лагеря военнопленных⁴. Оттуда к

¹ Вероятнее всего, Вагенкнехт, Алоис (Vagenknecht Alois, 01.08.1893 – 08.12.1919), зачислен в ЧВФР 08.12.1916. Погиб в дни декабрьского восстания в Иркутске (при подавлении бунта в Александровском центре) от случайно упавшей из рук бывшего рядом русского офицера гранаты. Последнее звание в легии точно неизвестно, поручик или подпоручик (КЛ).

² Пышма – извилистая сибирская речка с истоком в уральском озере, вопреки обычной природе больших сибирских рек течет не с юга на север, а с востока на запад. Приток Туры.

³ Петровский завод – точное определение местоположения затруднительно. Очевидно лишь, что это район северо-восточнее Ялотуровска до реки Пышмы и станции Винзили.

⁴ Согласно данным В. Вегмана (Вегман В. Военнопленные империалистической войны // Сибирская

нам пришло много наших добровольцев. Расстояние от Ялотруовска до Тюмени составляло 70 верст. Не встречая особого сопротивления, мы смогли продвинуться до станции Богандинская¹, что уже в 35 верстах от Тюмени. Здесь нас встретили очень хорошо укрепленные позиции красных, которые наглядно свидетельствовали о том, что Тюмень просто так они сдавать не собираются.

Целых семь дней на берегах Пышмы у Богандинской шли бои, на время которых наше подразделение было разделено на две части. Те, кто до сих пор не имели коней, пошли в окопы, а мы, конные, ежедневно вели разведку то на левом, то на правом фланге. Самые жаркие бои шли на правом фланге, где большевики поставили против нас интернациональное подразделение, составленное из самых опытных военнопленных. Были среди них и чехи. Но и это подразделение захлебнулось в крови, а потом и в Пышме, куда была сброшена последняя сотня составлявших его людей. Из наших разведчиков здесь, у Богандинской, был легко ранен осколком ручной гранаты Двишек.

Но на Тюмень, ключевой пункт, расположенный между Омском и Екатеринбургом, шло наступление не только с нашей стороны. С юга, со стороны Кургана, Тюмени также угрожали вместе с подразделениями русских добровольцев другие наши части. Таким образом, у богандинских большевиков возникла опасность лишиться путей отступления. Укрепленные позиции в Богандинской были оставлены, а вслед за ними и сама Тюмень. Двадцатого июля наши эшелоны прибыли в уже освобожденную Тюмень, уездный город², расположенный в 540 верстах от Омска. Здесь все началось снова: слава, музыка, концерты, букеты, речи – и все в честь чехословаков. На каком-то из этих торжественных мероприятий к нам обратилась сама бабушка русской революции Брешковская³. Но самую большую радость от прихода в Тюмень имел наш Юппа⁴, который еще будучи здесь, в лагерях, завел знакомство, что перетекло затем в долгий и запутанный роман.

советская энциклопедия. В 4 т. Т. 1 Новосибирск, 1929. Стб. 517–521) общее число военнопленных в Тюмени не превышало 5 тысяч, что немало, но много меньше, чем в таких действительно крупных лагерях, как Березовка (27 500 чел) или Чита (32 500). Всего в период Первой мировой в русском плену оказалось 2 322 378 военнопленных, из них 2 104 146 австрийцев, 167 082 германцев, 50 950 турок и 200 болгар. В Сибири содержалась десятая часть от общего количества, около 240 тысяч.

¹ Богандинский – станция (Богандинская) и рабочий поселок в Тюменской области.

² С 1796 года – уездный город Тобольской губернии. С воцарением большевиков весной 1918-го и возникновением Тюменской губернии – уже губернский город.

³ Брешко-Брешковская, Екатерина Константиновна 13(25).01.1844, Россия – 12.09.1934, Чехословакия) – прославленная социал-революционерка, согласно данным белой печати, приведенным в статье Елизаровой (Елизарова Н.В. Визит в Омск Е.К.Брешко-Брешковской в отражении периодических изданий белой столицы // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Западно-Сибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны. – Омск: Омский государственный технический университет, 2021. С. 72–79), прибыла в Тюмень нелегально еще 12 июня при большевиках и покинула ее сразу после освобождения 21-го, направляясь через Тобольск в Омск и меняя при этом не только города, но и пароходы. О том, какое мощное агитационное воздействие на тогдашних чехословаков производили выступления в ту пору семидесятичетырехлетней Брешко-Брешковской, можно судить по следующей цитате из романа Карела Терингла «Десятая рота под Казанью» (Terिंगl, s. 184): «В Челябинске пришла к нам на съезд бабушка Брешковская, спасители, голубчики тут, славянство там, запели все “Гей, славяне”, как на вечернике выпускников в пивной, и, привет, сидим мы тут, как приговоренные, у Казани». Согласно легенде, прозвище «бабушка русской революции» Брешко-Брешковской дал соратник по партии А.Ф. Керенский.

⁴ Юппа, Франтишек (Jurra František, 24.05.1892 – 22.05.1945), переплетчик, пражанин, взят в плен 10.12.1914, подал заявление о вступление в ЧВФР 19.10.1915, зачислен в ЧВФР 19.07.1916, прошел две войны, вернулся в Чехословакию и стал офицером в армии независимой республики. Последнее звание в легионе – младший унтер-офицер. Участник антинацистского сопротивления. Умер сразу после освобождения из концентрационного лагеря Дахау (КЛ).

Отовсюду приходили известия о победах чехословаков. Во все стороны от Урала и Омска – на восток, в Красноярске, Иркутске, у Байкала и во Владивостоке, и на запад к Волге, в Екатеринбурге, Самаре, Симбирске и в Поволжье – в небе гордо реяли победные чехословацкие флаги. Не было ни малейшего сомнения, что дело наше ждет полный успех. Освобожденная Россия стала приходить в себя. Формирует демократическую власть и собирает огромное войско, которое вместе с нами возьмет Москву. Никогда уже больше судьба нам не даст в руки такого огромного пространства земли, каким мы сейчас владеем. Какая маленькая наша собственная родина, по сравнению с ним.

Из Тюмени наш путь лежал дальше на Екатеринбург¹. Большевики, которых взятие Камышлова² на этой ветке лишило возможности отступления по железной дороге, уходили пешим ходом на север, и их преследовал полк сибирских казаков.

На станции Ощепково³, в 133-х верстах от Тюмени, наш эшелон остановился. Здесь уже стояли другие наши части и артиллерийская батарея. Нашему подразделению была поставлена задача наладить связь с полком казаков, который за сорок верст севернее гнал большевиков.

Ближе к полудню нас, восемь человек, выехало в указанном направлении. Здесь стояли наши полевые посты, которые пропустили нас только после того, как мы сказали пароль. Начинался жаркий сибирский день. Мы торопились, потому что к вечеру должны были вернуться домой. Наши кони шли рысью по мелкому, вязкому песку дороги, которая то и дело ныряла в рощицы. Так, проехав верст двенадцать, мы оказались на краю какой-то деревни. Березки здесь доходили до самого «сѣла». Одна из изб с просторным гумном была поставлена прямо возле лесочка отдельно от всех остальных, сгрудившихся у дороги, и таким образом за этой избой получалось что-то вроде площади, к которой вели дорожки справа и слева от гумна. Мы остановились на перекрестке у гумна. До нас доносились какие-то крики. Что-то происходило, либо в самой избе, либо перед ее крыльцом, находившимся на противоположной от нас стороне. У нас были сведения, что в этой деревне еще утром сегодня красных не было. Крики усиливались, и по тому, сколько одновременно слышалось голосов, не было сомнений, что на той стороне много народа. Посовещавшись, решили мы сделать так: галопом врываемся туда с правой стороны гумна, и если видим большевиков, делаем каждый по выстрелу из винтовок в их сторону, и пока большевики будут приходить в себя, стремительно уходим влево в лес. Обошли мы галопом избу и остановились перед ней, пораженные открывшимся нам отвратительным зрелищем. К избе была пристроена большая веранда, поставленная на столбах, крытая крышей, но ничем не огороженная. И на этой веранде толпа местных жителей избивала двух каких-то людей. Одного добивали уже лежащего на земле, а второй был привязан к столбу веранды, и к этому человеку, кто с чем в руках, только приступили. Немного поодаль лежала женщина, связанная веревкой, которую этой веревкой таскали по земле. При нашем появлении все разом остановилось. Но увидев наши бело-красные ленточки, тут же пришли в себя и стали нас радостно приветствовать. Захаров начинает выяснять, за что избивают этих людей.

– Еще до того, как вы приехали на станцию, они отвели всех молодых в красную армию, реквизируют лошадей, зерно, продукты и даже деньги мы им должны были отдать, – жалуются нам люди.

– А что с этой женщиной? – спрашиваем.

– Тоже ходила реквизировала вместе со своим мужем-комиссаром.

Окружили нас и горячо просят, чтобы мы им позволили наказать этих большевиков. Было понятно, что если мы уедем, то они непременно забьют их камнями и палками. Времени рассуждать не было. И Захаров нам троим дает команду «остаться и застрелить большевиков». Мы не стали скрывать, что нам такой приказ не по душе и нам стыдно его выполнять. Но

¹ От Тюмени до Екатеринбурга чуть более 350 километров по прямой на запад.

² Камышлов – город и станция в современной Свердловской области.

³ Ощепково – железнодорожная станция на северо-восточной окраине города Пышма.

прапорщик настаивал, указывая, что так мы хотя бы избавим этих людей от страшных мук. Пришлось подчиниться и остаться. Наши тут же ускакали вперед.

Мы потребовали немедленно прекратить избивание связанных. Женщину развязали и отпустили, строго всем наказав, чтобы ее больше не трогали. Но и получив свободу, она осталась на месте. Лишь только приподнялась на локтях и тупо глядела в землю перед собой. Один из двух избитых большевиков выглядел ужасно. Он уже мало походил на человека. Вся его голова была в крови и невероятно распухла. Кровь уже запеклась, и там, где некогда-то было лицо, лишь висели куски синего, рваного мяса. Глаз не было видно вообще, а когда бедняга зашевел языком, пытаясь что-то промычать, изо рта прыснула кровь. Одно ухо было отрезано, и левая рука болталась, как тряпка. Второй большевик тоже был сильно избит, но не до такой степени. Мы им приказали идти на кладбище, до которого было рукой подать. Но едва лишь самого избитого поставили на ноги, и он сделал несколько шагов, как какой-то инвалид так его ударил по голове костью, что несчастный снова упал. Нас переполнили жалость и злорадия. Пригрозили мы всем, что их тоже не пожалеем, если кто-то еще раз ударит кого-либо из большевиков. Упавшего отнесли на кладбище на перекладинах какой-то лестницы. Мы сами очень спешили, чтобы скорее покончить с отвратительным поручением. Тем временем едва ли не вся деревня собралась на кладбище, и женщины принесли нам столько еды, кувшинов молока, кваса, блинов, мяса, что всем этим можно было легко накормить и напоить целую роту.

Когда мы уже собрались отъезжать вслед нашим, заметили всадника, который приближался к кладбищу от края леса. Укрылись за новым, высоким плетнем, стали ждать, когда он подъедет поближе. Взяли его на мушку, заставили слезть с коня и подойти к нам. От страха он непрерывно кричился. А когда понял, что мы чехи, от радости едва не расплакался. Это оказался казак из того самого полка, который мы искали. Он нам рассказал, что во время разведки на их отряд напали большевики и вынудили разбежаться. Он даже не знает, что стало с его отцом, с которым был на разведке в одном отряде. Отправили мы казака на станцию, а сами поспешили за нашими.

И сразу за деревней встретили троих, которые вели двенадцать не просто коней, а оседланных. Оказалось, что в следующей ближайшей деревне сделала привал большевистская конная разведка, скорее всего та самая, что разогнала казаков. Наши бросились на нее, сделали несколько выстрелов и такой ужас этим навели на большевиков, что те словно зайцы кинулись через гумно в лес. Всех своих коней при этом оставив привязанными у изб.

В деревне едва только увидели чехословаков, снова понесли все лучшее, что только имели из еды и питья. Вновь явились блины, огурцы, молоко, мясо, квас – всем этим мы были просто завалены. Особенно был к месту лебяжий квас в посуде из березовой коры, которым мы славно освежились. Стояла в этот день сильная жара. Наши рубахи были полностью расстегнуты¹, и все равно пот с нас просто лил, а кони под нами – одна пена. Поели, переседлали коней и вновь двинулись искать казаков. Мы с Новотным² ехали впереди и с нами молодой паренек из деревни на домашнем деревянном седле, который сам нам предложил показать место, где еще вчера совершенно точно был казацкий полк. Проехали мы еще десять верст, прежде чем наконец нашли казаков. Они отдыхали в деревне, в которой по всем признакам еще недавно шел бой. На деревенской площади около лужи, у которой бродили поросята, лежало несколько трупов. Никого не беспокоило то, что свиньи, возившиеся у луж, возились и возле мертвых.

Когда мы пришли, казаки обедали, поили и кормили коней. Нас привели к командиру.

¹ Чехословаки той поры носили, как недавнее регулярное подразделение русской армии, русскую военную форму. Летней рубахой, соответственно, была гимнастерка, которую даже расстегнув все пуговицы можно было распахнуть едва лишь на треть.

² Новотни – одна из самых распространенных чешских фамилий. Только в списке бойцов одного 2-го чехословацкого стрелкового полка таких числится, согласно КЛ, 58 человек. В списке погибших в Хронике (с. 234) два имени, Антонин Новотны (1891) и Мартин (1885). Оба сложили свои головы в 1918-м, Мартин ранее описываемых событий, в июне, а вот Антонин позже – в августе у Далматова, что в современной курганской области. Первым был простым стрелком, второй – унтер-офицером.

Встретил он нас с неописуемой радостью. И тут же приказал дежурному офицеру объявить полку, что тот выступает и движется дальше, потому что пришли чехословаки.

– «Gospodin» полковник, нас всего лишь восемь, – обрачаем его внимание на ситуацию.

– Не имеет никакого значения, – отвечает. – Главное, чтобы вы просто здесь находились.

В конце концов, это было дело нашего прапорщика принимать решение. Как скажет, так и будет. Прапорщик согласился.

Казачи сами напоили и даже накормили наших коней, а нам предложили пообедать. Мы им в свою очередь рассказали, что казак, который у них пропал во время утренней разведки, жив, и нами направлен на станцию к нашим. Его отец, который уже успел оплакать сына как взятого в плен и убитого, выражал нам такую благодарность за новости о нем, как будто это мы сами каким-то образом в самом деле спасли жизнь его сына.

Было уже где-то четыре часа дня, когда мы с казаками выехали из деревни искать большевиков. Наш отряд двигался впереди и вел разведку. Примерно после трехчасового похода на запад мы услышали стрельбу. Перед нами в этот момент была какая-то деревня. Ближе к ней подходивший лес позволил вплотную приблизиться к деревянной ограде, которой бываю окружены со всех сторон сибирские деревни (в нее на ночь загоняют, а утром из нее выпускают пастись скот). Сзади к нам подошли казаки. Только сейчас мы увидели, сколько их на самом деле. Не больше ста верховых. А говорили, полк!¹

Совместно пытаемся определить, откуда и куда стреляют. Очень мешает заходящее солнце как раз в той стороне, где надо что-то разглядеть. То тут, то там, то прямо над нами, нет-нет да просвистит шальная пуля. То, что это большевики, сомнений не было никаких, потому что где-то здесь они и должны были уже остановиться на ночлег. Но вот в кого они палят, мы не могли понять.

Наконец вспомнили, что еще перед нашим выездом в том же направлении уходили куда-то разведчики нашей собственной батареи. Тут уж мы потеряли всякое терпение. Вместе с казаками через дыру проникаем за ограду и входим в деревню. Пытаемся выяснить у местных, в кого стреляют. Подтверждается только то, что наши здесь действительно были. Со всей возможной осмотрительностью едем через деревню, узкую и длинную, как кишка, которая своим западным концом упирается в лес. Где-то там и стреляют.

Тут из какого-то сарая выбегает и оказывается между нами солдат, он без оружия. И это наш.

– Братья, выручайте!

Задыхаясь, рассказывает.

– Мы ехали через деревню к лесу, в который перед этим ушли большевики. И вдруг отсюда сбоку выскакивает и накидывается с тыла их кавалеристский эскадрон. А нас всего девять. Развернулись и шашками пробили себе дорогу назад. Некоторые потом соскочили с коней и спрятались среди дворов. Я смог укрыться в сарае с перегноем. Большевики меня не нашли, а местные не выдали.

Успокоился, только увидев, что нас вместе с казаками много. Потом уже выяснилось, что наши все смогли уцелеть, лишь одного большевики схватили и убили, а еще одного ранили. Также местные жители показали нам большевистского кавалериста, лежавшего в стороне на земле и умиравшего. У него было несколько сабельных ран на голове и шее. Он отходил. Из найденных у него писем стало понятно, что это был венгр.

Приближалась ночь, и нам надо было возвращаться. Станция лежала отсюда в 35 верстах. Казаки оставались, а нас местные жители пообещали отвести назад самой короткой дорогой. Один из них, с лошадкой, запряженной в легкую тележку, взялся нам показать дорогу. Лишившийся коня разведчик из батарейцев сел рядом с ним. Ночь была ясной, и кони легко находили путь, да еще и тележка все время виднелась впереди.

¹ В русской армии численность полка могла быть от 1000 до 1500, но не более 2000. Сто человек – это рота, и не самая большая.

Около полуночи мы въехали в какую-то деревню. Перешли на шаг, чтобы не пропустить колодец и утолить жажду. Внезапно в ночной тиши засвистел рожок. И сразу из всех домов стали выбегать вооруженные люди, мгновенно окружили нас и заставили остановиться. Мы, не задумываясь, выхватили из ножен шашки.

– Кто вы?

Отвечаем:

– Чехи!

Тут же облепляют каждого из нас и начинают просить, чтобы остались у них переночевать. В соседней деревне расположился отряд большевиков, и местные боятся, что большевики могут прийти и к ним. Но мы уже не могли задерживаться. Успокоили всех, заверив, что завтра утром сюда придет целый полк чехословаков. Поверили и отступились от нас. А когда выяснилось, что ищем колодец, принесли столько кваса, что весь мы просто не смогли выпить.

Начинало уже светать, когда мы вернулись на станцию. Вороная кобыла Вагенкнехта, когда ее расседлали, упала на землю, а все остальные лошади даже не притронулись к еде. В ближайшие несколько дней пришлось списать троих. Мы их загнали.

Вскоре наш эшелон двинулся дальше до станции Камышлово, неожиданный обход и захват которой сделал невозможным для большевиков отступление по железной дороге. Отсюда они ушли на север к городу Ирбит¹, а мы снова начали их преследование. Обнаружили у села Стриганки², где они оказали сильное сопротивление. Была там пехота, кавалерия и даже пушки.

Уже в лесочке перед самой Стриганкой наша разведка наткнулась на разведчиков большевиков. После пары наших выстрелов большевики бежали, оставив часть своих коней, на которые мы и пересели, сменив наших утомленных. Ближе к деревне по нам самим был открыт огонь уже артиллерии. Пришлось отойти. У казаков оказалось ранено несколько лошадей.

Больше в наступлении на Стриганку наши уже не участвовали. Чехословаков сменили подошедшие к этому времени части сибиряков, а мы сами отправились в Омск, а оттуда уже в Поволжье.

*

Отъезд из Камышлова внешне больше походил на бегство, чем на что-то иное. Так быстро наш эшелон двигался только однажды, когда мы первый раз спускались с Урала³ и локомотив в одиночку не справлялся с товарными вагонами, многие из которых не были оборудованы тормозами. Но ныне-то мы ехали по равнине. Особенно ощущали необыкновенную скорость нашего движения мы, находившиеся в последних вагонах.

– Как будто где-то фронт прорван! – говорили мы между собой. Но какой фронт? И где он? На востоке, на западе, на юге, в какой стороне света? Невозможно сказать, со всех сторон тогда у наших был фронт.

Во время остановки в Ялоторовске солдаты сибирской части привели к нам австрийского военнопленного – чеха. Якобы занимался организацией большевистских отрядов. Приговор короткий: «Будет расстрелян на какой-нибудь станции, как только стемнеет». Посадили его к нам в одну из теплушек. Едем. Уже близился вечер, когда от быстрой езды заварилась ось у одного из вагонов, как раз того, в каком был пленный. Под непрерывный визг заплывшейся оси, охваченной дымом и огнем, мы въехали на ближайшую станцию и остановились. Солдаты из теплушки выгрузились и стали переносить все в другую, поданную на замену. Со всеми вышел и пленный, к которому приставили охрану. Сидел с безнадежным видом на штабеле досок, также

¹ Город в современной Свердловской области. От Камышлов чуть меньше ста километров на север.

² По всей видимости, село Стриганское в современной Свердловской области. От Камышлова – 45 километров прямо на север.

³ Очевидно, уральских гор.

выгруженных из вагона¹. Подошел командир поезда, прапорщик Паукнер², чтобы поторопить работающих, а заодно и посмотреть на приговоренного, которого он до сего момента еще не видел.

Некоторое время эти двое молча смотрели один на другого, а потом подали друг другу руки. Приговоренный оказался старым товарищем Паукера по юнкерскому училищу. Со слезами на глазах он стал уверять, что ни в чем не виновен, и просил провести следствие.

В Казань

Судя по той дали, в которую нас завезли от ирбитского фронта, через Тюмень, Омск, к Волге и Симбирску, и по той скорости, с которой мы двигались, всем было понятно, что едем мы не на отдых и что в нас испытывают где-то здесь большую нужду. Вечером 17-го августа погрузились мы на пароход и утром 19-го отплыли из чистого, белого Симбирска – города с первого взгляда всем полюбившегося. По могучей волжской глади легко плыл против течения наш «Мефодий» в сторону Казани, лежавшей в 150 верстах севернее Симбирска. Был это один из самых больших волжских пароходов. Он взял на свой борт несколько сот человек с лошадьми, обозом, фуражом и амуницией. Люди заняли все доступное пространство на корабле, некоторым счастливым даже достались комфортабельные каюты первого и второго класса. Наше подразделение конной разведки разместилось под палубой, рядом с нашими лошадьми.

Легко, как будто лениво, погружались лопатки пароходных колес в волжскую гладь, и со скоростью в тринадцать верст толкали нашего «Мефодия» все дальше и дальше от Симбирска. Казань была нам мало знакома, потому что в ней не было сколько-нибудь известных лагерей военнопленных, из которых бы к нам приходили добровольцы, таких, какие были в Ташкенте, Дарнице, Тюмени и т.д.

В те долгие, отвратительно бесконечные дни, что мы тащились из Прилук в сторону Урала, мы смогли в деталях изучить карту дороги, ведущей на Дальний восток. Мы наизусть знали названия городов на сибирской магистрали от Самары до Владивостока. Сейчас там от Волги на восток, мы это точно знаем, везде наши. Их мало, очень мало, но мы знаем, что в их руках станции и целые города – Уфа, Челябинск, Петропавловск, Омск, Чита, Манчжурия³, Владивосток, а также много городов и станций, лежащих по соседству. Все они связаны железнодорожными путями, телеграфными и телефонными линиями, и наши бронепоезда в случае нужды всегда могут прийти на помощь в любое место. Всей магистралью от Волги и до Байкала мы овладели за два месяца. Быстро были взяты и ответвления от Омска на Тюмень и Пермь и от Уфы до Симбирска. Но теперь мы уходим в сторону от этих основных путей сообщений и намереемся войти внутрь самой Великой Руси через Казань и Нижний Новгород. Связь с основной частью нашей армии, рассеянной от Поволжья до Сибири, можно будет поддерживать только речными

¹ По всей видимости, новая сменная теплушка была обычным пустым товарным вагоном. И при замене старой на новую нужно было перенести и всю походную «мебель», которую составляли в теплушках чехословаков самодельные полки и двухэтажные нары.

² Паукнер, Отакар (Paukner Otakar, 01.12.1893 – ?), учитель, австрийский офицер запаса, взят в плен 06.06.1915 в Галиции, принят в ЧВФР 21.06.1916, прошел две войны и вернулся в Чехословакию, где продолжил службу в армии независимой республики. Последнее звание в легии – майор (КЛ). Фотографию Паукнера в русской форме и воспоминания о службе под его командой в Дуржине можно найти в книге Карела Прашила (Karel Prášil. Upomínky na můj vojenský život: Vzpomínky legionáře Karla Prášila. Nakladatelství Epoque, Praha 2020, s. 181, 198, 218-219 и 236).

³ Речь о южной ветке Транссиба, построенной Россией в 1897–1903 годах и соединявшей Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Первоначально носила название КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога. Окончательно и безвозмездно подарена Сталиным Китаю в декабре 1952 года.

путями¹. С Самарой и Симбирском по Волге, а с Уралом и Уфой по реке Белой² и Каме³. Иными словами, лежала Казань «за тридевять земель». От Симбирска – 150 верст, а от Урала сколько, одному Богу известно⁴.

Но дело надо было доделывать. Сейчас в Казани только горстка наших из первого полка. Оттуда, соединившись, пойдем вместе на Нижний и Москву. Северные области России вместе с Петроградом, конечно, тоже будут взяты. Это сделают союзники, которым до тех краев из Архангельска много ближе, чем нам отсюда. А южная Россия? Там, говорят, также сильные противобольшеви́стские армии Деникина и других, эти точно справятся и без нас.

Да и на все нас и не хватит. Наш эшелон из Сибири первоначально направлялся в Самару, но в Абдулино⁵ повернул в сторону Симбирска и Казани. Там мы нужны более всего. Вот только нечеловечески утомляет бесконечно долгое движение. Какая же огромная эта Россия.

*

Там, где Волга резко меняет направление своего течения с восточного на южное и принимает в свои воды текущую с северо-востока реку Казанку, составляющую с ней в месте впадения прямой угол, располагается Казань⁶. Своим непривлекательным западным предместьем город связан с пристанью, расположившейся как раз там, где Волга делает поворот на юг, а на северной стороне на высоком берегу реки Казанки словно гордо поднятая голова стоит белая крепость, и смотрит в сторону Нижнего Новгорода, своего вечного соперника по части ярмарок⁷.

Был уже вечер, когда на горизонте возникла Казань. На протяжении нескольких верст тянется вдоль левого берега Волги казанская пристань. Некоторые из больших пассажирских пароходов, стоявших на якоре у самой южной оконечности пристани, были освещены и казались издали огромными морскими судами. Когда же мы подошли так близко, что стали уже видны развевающиеся в небе наши бело-красные флаги, со всех сторон раздался оглушительный рев паровых сирен и гудков, которым нас приветствовали, и он не прекращался до самого момента, покуда наш «Мефодий» не нашел себе места в огромном скоплении пароходов, грузовых и пассажирских, барок, барж, пароводиков, которые еще недавно и предполагать не могли, как

¹ Казань в описываемое время была фактически «железнодорожным тупиком». Конечной станцией на линии Москва – Казань, которая с ее станциями и важнейшим мостом через Волгу – Романовским вскоре станет центром настоящего повествования. Что же касается продолжения ветки Москва – Казань до Екатеринбурга, рельсы которой можно увидеть на некоторых чешских картах, опоясывающие Казань по периметру на юге и востоке, и далее уходящие в направлении на северо-восток, то ее строительство, начатое в 1914-м, еще не было завершено к моменту начала Гражданской войны. За Сарapulом пути обрывались на станции Куеда в нынешней Пермской области. До Екатеринбурга оставалось еще больше 300 километров из общих семисот с небольшим. О существовании этой стройки чехословаки хорошо знали, потому что на ней работало много австрийских военнопленных, в том числе чехов и словаков. (Уржумов В. Железная дорога «Казань – Екатеринбург» 80 лет / В. Ганькин // Вперед. – Красноуфимск, 1999. – 24 мая. – С. 3-4).

² Белая – левый приток Камы, на котором выше по течению места впадения в Каму стоит Уфа.

³ Кама – могучий левый приток Волги, впадающий в нее в полусотне километров на юг от Казани.

⁴ На современных картах от Казани до Уфы, если следовать по Волге, Каме и Белой – более 660 километров. Чуть меньше 620 верст. То есть казавшемуся автору быстрым и сильным пароходу «Мефодий» потребуются на преодоление такого расстояния ровно двое суток – 48 часов непрерывного плавания со скоростью 13 верст в час.

⁵ Абдулино – город и ж.д. станция в современной Оренбургской области. По прямой до Симбирска (нынешний Ульяновск) – 350 километров на северо-запад и чуть меньше 250 на юго-запад до Самары.

⁶ Все описания левого берега реки Волги у города Казани отражают его вид и состояние до создания огромного, третьего в мире по площади, Куйбышевского водохранилища (1955–1957), изменившего низкий восточный берег до полной неузнаваемости.

⁷ Очевидное преувеличение. Все вместе взятые ярмарки не то чтобы Казани, а всей Казанской губернии, не могли конкурировать со всемирно известной, едва ли ни главной европейской чаеразвесочной, Нижегородской.

быстро сменит их предназначение пара мешков, наполненных песком, сложенных затем на палубе перед пулеметом или легкой пушкой, и взвившийся над ними бело-красный флажок. Как смешно все это, должно быть, выглядело бы в мирное время. Но сейчас перед нами навоящая на всех страх волжская флотилия. Первый и последний раз в своей истории имели мы собственный военный флот на Волге в России.

Встали мы на якорь рядом с «Карамзинным», на котором располагалось командование тех частей 1-го полка, что вместе с небольшой группой сербов около двух недель тому назад взяли Казань¹. Первое впечатление от всего увиденного было самое благоприятное. Прибыли мы в большой, очень богатый город, все население которого единодушно стоит на стороне новой русской демократической противобольшевистской власти. И уж, конечно, город такой величины уже имеет свою армию или вот-вот ее сформирует. А нас сюда пригласили больше для моральной поддержки этого нового войска. И наверняка те бои, в которых совместно с этой армией мы примем участие, будут нашими последними славными победами, которые приведут к окончательному падению большевизма в России.

Однако близкие пушечные выстрелы демонстрировали и то, что путь на Нижний Новгород не будет простым, а ранний налет красных аэропланов² на пристань, взорванный ими склад на берегу и поврежденный нос одной из барж говорили также и о том, что и о самой Казани большевики совсем не забывают.

Рано утром 19-го августа получаем приказ подготовиться к выдвигению на позиции. Выступаем вечером. О парадном проходе через город, подобному тем, что проводились в других городах для поднятия духа местного населения, и речи не было. Непрерывным потоком к пристани текли повозки с несчетными воинскими материалами. В Казани, как говорили, были самые большие армейские склады в России³. На одно из судов сквозь два плотных ряда вооруженной охраны непрерывно несли что-то в крепких ящиках. Позднее мы узнали, что это был русский золотой запас⁴, который не смогли с собой при отступлении забрать большевики.

¹ Корректнее говорить, что Казань была взята 6 августа 1918-го частями Народной армии КОМУЧа (всего около трех тысяч штыков и сабель), в составе русских и чешских частей (два батальона), которыми, как русскими, так и чешскими, командовали русские офицеры, соответственно В.О. Каппель и А.П. Степанов. Батальон сербов (300 человек) – это остаток Сербского добровольческого корпуса, воевавшего, как и чешские соединения (Дружина, Дивизия, Корпус) во время Первой мировой на стороне России против Германии и Австрии. Этот батальон, находившийся в момент атаки Народной армии в Казанском кремле, перешел на сторону белых, чем немало облегчил последним задачу захвата города. Командовал сербами майор Матия Благодч, погибший спустя всего пару недель в боях с красными у Романовского моста.

² В августовских боях 1918-го у Казани большевики имели то, что в наши дни называется «полным господством в воздухе». Удары с неба по позициям белых, как на правом берегу у Верхнего и Нижнего Услона, так и на левом по самой Казани, наносились ежедневно. Буквально по расписанию, как об этом вспоминает в своей книге Карел Терингл, и, если на узком, как нож, правобережном оборонительном рубеже «*šemodáni*» ложились не слишком удачно (Teringl, s. 122, 124: «Бомбы, которые сбрасывали летчики, падали по большей части в Волгу. Огромные водные гейзеры, которые поднимали взрывы, сами по себе выглядели красиво. А вслед за ними на поверхности воды появлялись брюхом вверх мертвые или оглушенные рыбы. Из-за этих рыб большевистских летчиков и прозвали рыбаками»), то на левобережном, казанском, как следует из текста Мнехуры, страдала не одна только рыба. Фотографию «гейзеров» на Волге, упоминаемых Теринглом, можно увидеть в одном из томов книги военных воспоминаний, собранной Адольфом Земаном (*Cestami odboje. V Praze: Pokrok, 1928. sv. Díl IV, s. 349*).

³ Во время Первой мировой в глубоком тылу, в Казани, действительно, были созданы огромные резервные запасы всевозможных армейских материалов и вооружения.

⁴ Золото (монеты и слитки) из самых разных близких к фронту хранилищ вывозили в казавшуюся застрахованной от любых неприятностей военного времени Казань с начала 1914-го. Сначала это планомерно делало царское правительство, а затем, весной и в начале лета 1918-го, в большой спешке, еще и большевики. По разным данным в момент захвата белыми Казани в августе 1918-го там находилось до половины всего тогдашнего государственного золотого запаса России. По указанию

Еще ни в одном освобожденном нами от большевиков городе, мы не видели эвакуации, да еще проходившей с такой необыкновенной быстротой, как здесь. Уже самое первое утро в Казани дало нам понять, что ситуация, в которой находится город, далеко не безоблачная.

С «Карамзина» и «Мефодия» мы ходили друг к другу в гости. Ребята из 1-го полка жаловались, что на фронте много боевой работы и совсем мало отдыха. Помощь со стороны русских очень слаба. Почти никакой. После этого, как будто в утешение нам за испорченное первое впечатление, протянулась к нам щедрая рука казанских складов, все мы получили новенькое чистое белье и форму. А еще никогда мы не получали столько сахара и чая, как тогда. До этого все, что у нас было – это невкусный чуть сладкий песок, который к тому же надо было очень экономить. Сейчас в сахарный мешочек не влезал весь выданный запас ядерного, твердого кускового сахара, от одного вида которого текли слюнки. Сколько раз потом, спустя совсем недолгое время, кусок хлеба с несколькими кубиками сахара будет заменять нам горячий обед.

Снова против красных

Ночью в самую египетскую тьму мы построились где-то на пристани и двинулись через Казань в северном направлении. Первоначально мы входили в боевую группу поручика Кани¹, состоявшую из двухсот человек и собранную из всех нестроевых «komand» 2-го полка. Еще утром мы увидели, что к нам подошла 12-я рота 1-го полка, русские артиллеристы с двумя пушками, а к нашему конному подразделению добавились пятнадцать верховых, казанских добровольцев, в основном офицеров. Таким образом под командой Кани оказалось человек четыреста, включая нашу роту конных разведчиков.

Не могу объяснить, почему мы шли с такой оглядкой. Останавливались каждую минуту и к полуночи все еще были где-то в Казани. В очередной раз встали где-то уже в предместье на улице с совсем уже деревенского вида домиками. Наше внимание привлек один из них, из открытого окна которого раздавались звуки «harmošky», без устали повторявшей мелодию известной народной песенки:

«Vot tak těbě nadá –
něchodi, kuda nĕnada...»

В избе, набитой до отказа людьми, около печи скакали, танцевали, пели и просто кричали молодые, старые, женщины и мужчины. Из окна валил табачный дым, и пахло водкой. Парни топали ногами по земле, а бабы и гармошка повизгивали им в такт. Как люди могут вообще не думать о той ситуации, к которой все оказались привязаны? Уже на рассвете большевистский снаряд может поднять на воздух эту самую халупу вместе с целой свадьбой. Но может быть мы к этим людям несправедливы? Может быть жених сам должен идти на фронт биться с большевиками, и потому скорее женится. Примеры такого не так уж и редки.

Между тем разгоряченный жених в военной форме (в которой в ту пору ходило все мужское население), заметив нас из окна, протягивает нам какую-то выпивку:

– Выпейте, братцы! А воевать мы уж точно больше не пойдем!

С выпивкой протягивает и тусок чего-то съестного. Не знаю, прикоснулся ли кто-то из нас к чему-либо из этого.

КОМУЧа эвакуация из Казани в Самару этого золота началась 12.09.1918 и продолжалась не менее 20 дней, задействовав несколько волжских пароходов и барж.

¹ Кания, Бонифац (Káňa, Bonifác, 14.05.1893 – 14.07.1941), инженер, сокол, взят в плен 04.07.1916 в Галиции в звании юнкера, принят в ЧВФР 04.03.1917 простым солдатом, прошел две войны и вернулся в Чехословакию, где продолжил службу в армии независимой республики. Преподавал инженерное дело в офицерской школе. Последнее звание в армии – капитан. Участник антинацистского сопротивления. Умер в тюремной больнице Брно после жестоких допросов (КЛД).

Еще не начало светать, когда мы остановились в небольшой деревеньке Караваяво¹ в шести верстах от Казани, а утром дошли уже до Сухой Реки², располагавшейся на версту или две дальше.

На какое-то время Старая Река станет для нашей группы поручика Кани неким подобием штаб-квартиры. В большом доме буквой «Г» с обширным двором и садом смогло разместиться все наше конное подразделение. В этом доме также проживал и небогатый помещик, у которого тем не менее до сих пор работали какие-то польские беженцы военной поры.

Как только мы немного устроились, сразу стали знакомиться с нашим свежим пополнением. Были это одни офицеры от прапорщика до штабс-капитана. И не одни лишь русские из Казани. Среди новеньких оказалось пять югославов, три серба и два хорвата, а может быть, словенца. В числе прочих был и высокий, сухой капитан с бородой, которому чуть позже приклеилась в виде прозвища фраза «Prinimajté mĕgu», которую раз сто в день мы от него слышали, когда вместе были в разведке. Еще был невысокий, улыбчивый прапорщик, необыкновенно худой, который сейчас же с нами всеми так близко и прятельски сошелся, что ели мы из одного «котёлка», а бывало и стреляли из одной винтовки. Один из сербских офицеров, черноокий и черноволосый красавец, всегда нам давал свой бинокль. Да и другие офицеры вели себя по-дружески без обычной им свойственной заносчивости.

Особенно мы привязались к симпатичному фронтовому поручику Билету³, который без особого приглядывания и присматривания совершенно по-товарищески нас к себе позвал:

– Ребята чехи! Идите сюда, посмотрите, куда вы попали! – и тут же разложив в саду под деревьями карту казанских пригородов, познакомил нас с ситуацией:

– Мы сами здесь, – показывает пальцем на карте, – Восемь верст от Казани. Стрельба, которую слышим вправо за собой⁴, это стреляют ваши, на северо-восточной окраине города, на так называемом Арском поле⁵ сдерживают красных, которые уже несколько дней пытаются проникнуть в Казань с той стороны. А вот канонада слева за нами – это дерутся у пристани Верхний Услон на правом берегу Волги, здесь красные отчаянно стремятся прорваться на позиции, с которых могли бы обстреливать казанскую пристань. Там и ваши, и наши. Рвутся также красные к Нижнему Услону, что южнее Верхнего, и мимо которого вы прошли, подплывая к Казани. Хотели бы нас таким образом окружить. Большевиков здесь намного больше, чем нас, но теперь, когда на помощь пришли вы, будет их легче отовсюду выбить.

– Теперь дальше, чтобы вы окончательно сориентировались, – продолжает показывать, – вправо от нас никого, ни ваших, ни наших, а вот там, на Арском поле и далее влево, где стрельба ближе всего к нам, там один ваш батальон, который чистит берег Волги в сторону Романовского моста⁶. От нас до них шесть верст. Прямо перед нами, как вы можете сами видеть, множество

¹ Караваяво – ныне часть Авиастроительного района Казани. Во времена похода Мнехуры – небольшое село, ровно в семи километрах на север от правого берега реки Казанки, если точка отсчета где-то у казанского Кремля.

² Сухая Река – ныне также часть Авиастроительного района Казани. Во времена похода Мнехуры – небольшое поселение, получившее название по имени протекавшей через него речки. Известно тем, что здесь останавливалось разбитое под Казанью генералом Михельсоном в июле 1774-го войско Пугачева.

³ Билет – идентификация затруднительна, офицер в звании поручика в 1918-м с такой фамилией или фамилией Билетов отсутствует в базе данных сайта <https://www.ria1914.info/>

⁴ Очевидно, что у говорящего и слушающих Казань за спиной.

⁵ Арское поле – район современной улицы Николая Егорова в Казани. Исторически – равнина, между реками Казанка и Булак сразу на восток от Казанского кремля.

⁶ Романовский мост – железнодорожный мост через Волгу между станцией Свяжск (на правом берегу) и Зеленый Дол (на левом) – последний на пути из Москвы в Казань. Город Свяжск, лежавший немного восточнее одноименной станции – был главным военным центром большевиков в период битвы за Казань. Местонахождение Льва Троцкого. Название «Романовский» присвоено в 1910 году еще на стадии проекта Николаем II. Выведен из эксплуатации после создания Куйбышевского водохранилища и строительства нового одноименного моста ниже по течению, окончательно разрушен в 2011 году. Любопытно, что среди большевиков в военную пору было в ходу другое название сооружения – Красный

деревень, которые мы должны все осмотреть. Думаю, там должно быть полно большевиков, которые лезут к Казани со стороны Романовского моста.

Романовский мост – один из огромных волжских железнодорожных мостов¹, по которому ежедневно кидали большевики из центра России к Казани все новые и новые силы, два других, симбирский и сызранский, были в наших руках и не могли быть ими использованы. От нас до Романовского моста – три дневных перехода².

То, что нам сказал Билет, мы несколько раз сами повторили, обсуждая положение уже в своем кругу. Получается так, что непосредственно справа и слева от нас самих «ничего нет». Это означает то, что наши фланги небезопасны. А справа уже за нами, там, где лежит то, что называют Арским полем, большевики уже стучатся в ворота Казани. За нами же, но слева, и в этом мы сами вчера могли убедиться, большевики без усталости атакуют казанскую пристань, а чуть дальше к югу и пристань у Нижнего Услона, мимо которой прошел наш пароход, подходя к городу. А что у нас здесь самих слева в шести верстах от нас то, что Билет назвал батальоном – это три роты 1-го батальона 2-го полка под командой поручика Хасала³. Сколько в каждой его роте штыков? Не более восьмидесяти⁴. Вправо за нами также какая-то рота 1-го полка. Возможно, там даже больше, чем одна рота⁵. Нас здесь, в Сухой Реке, человек 400. В конечном счете этого было бы вполне достаточно, если бы мы были все вместе. Но нас так разбросало, что мы даже толком не знаем, где и кто.

И ощутимо тут не хватало русских частей. Пустое пространство вокруг со всей очевидностью требовало армию. Для такого большого города, как Казань, уж конечно, пустяк заполнить его своими добровольцами. Тем более что, как нам рассказали приданные нам офицеры, есть уж и штаб фронта и несколько штабов разных полков, которые формируются, чтобы как можно быстрее нас сменить на фронте. Только пока, к сожалению, рядом с собой мы не видим сколько-либо многочисленной русской части. Оборону Сухой Реки, достаточно важного стратегического пункта, пока держат всего несколько постов немногих казанских добровольцев, если не принимать во внимание того, что в обороне этого участка принимают участие три роты чехословаков, воюющих слева, или другая горстка чехов в восьми верстах справа, отбивающих большевиков непосредственно у врат Казани⁶.

мост (см. напр.: Тихомиров (Герман), Т.П. Борьба за Казань // Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредиловской интервенции № 1. – Казань: Издание Комбината Издательства и печати, 1924. – С.91, и далее там же).

¹ Протяженность исторического Романовского моста – чуть более километра.

² От деревни Сухая Река до Романовского моста по прямой немногим меньше 40 километров на запад.

³ Хасал, Антони (Hasal Antonín, 07.01.1893 – 22.04.1960), бухгалтер, сокол, до войны жил и работал в Житомире, вступил в Чешскую дружину 26.08.1914, прошел две войны и вернулся в Чехословакию, где продолжил службу в армии новой независимой республики. Последнее звание в легии – подполковник. В межвоенное время – генерал. Участник антинацистского сопротивления, что привело к эмиграции в Лондон в 1940. По окончании Второй мировой член демократического правительства, военный советник президента республики. После коммунистического путча 1948 года вновь эмигрировал. Умер в США (КЛ).

⁴ Штатный состав полностью укомплектованной роты может доходить до двухсот человек.

⁵ Ярослав Фингл в своей небольшой заметке «Последние дни Казани», опубликованной в сборнике «Путиями борьбы» (Fingl, Jaroslav. Poslední dny Kázaně. В кн.: Cestami odboje. V Praze: Pokrok, 1928. sv. Díl IV, s. 342) пишет о составе этой группы в следующем фрагменте: «В Казань мы прибыли вечером 21-го августа, а утром 22-го по приказу русского полковника Степанова, который командовал казанским фронтом, мы прошли через город до старой крепости и от нее дальше в Караваево. Там переночевали на голой земле и 23-го осадили Выселки. Первая рота нашего полка, которой командовал поручик Франек, перед этим уже была вместе с 9-й и 10-й ротами 1-го полка отправлена на Арское поле в район екатеринбургской железной дороги, где готовилось наступление».

⁶ Из очерка одного из непосредственных участников тогдашних боев на Арском поле Йозефа Кинсла «Фрагменты большого казанского действия» (Kyncl, Josef. Fragmenty z velikého kažaňského dramatu. В кн. Cestami odboje. V Praze: Pokrok, 1928. sv. Díl IV, s. 325–327) можно сделать вывод, что восточ-

Все это вместе взятое наводило на мысль о том, что группа Кани – это самое сильное из боевых подразделений на левом берегу, и задача, возложенная на плечи его участников, еще больше убеждала в правильности этого предположения.

И на первый взгляд не было ничего проще и яснее, чем задача, поставленная Кане: со всеми необходимыми предосторожностями пройти через дюжину татарских, чувашских, черемисских и русских деревень, лежащих на пути, зайти в тыл к той группе, что противостоит Хасалу, при этом как можно ближе к Романовскому мосту, решительной атакой сломать ее оборону, и затем и вообще сопротивление, таким образом батальоны красных на левом берегу окажутся отрезанными от своих, и их судьба решена – часть будет уничтожена, часть сдастся в плен, а остальные разбегутся. С последующим захватом нами Романовского моста у красных уже на правом берегу возникнет угроза в непосредственном тылу, им придется спасаться бегством, и через пару дней мы уже окажемся перед воротами Нижнего Новгорода. Задача – ясная как день. И есть у Кани для ее выполнения 400 человек. Какой-то помощи откуда-то еще ждать не приходится.

При этом важнейшее место в операции отводилось нашему конному подразделению – осуществлять со всех сторон прикрытие идущей маршем колонны Кани. На пути и в районах ее продвижения осматривать деревни, выяснять местонахождение противника, либо осуществляемые им маневры, определять силу и вооружение, не давать в свою очередь его разведчикам наблюдать за нашими маневрами, чтобы исключить любую возможность непредвиденной атаки с какой-либо стороны. И, конечно, мы обязательно будем участвовать во всех боях, которые нашей группой предстоят.

Для того чтобы все перечисленное осуществить, мы разделились на несколько партий, каждой из которых, как правило, командовал кто-то из самых старших в партии по званию казанских офицеров, командиром всего эскадрона остался наш прапорщик Захаров.

Не было и минуты времени на то, чтобы обсудить, а не лучше ли вместо этой партизанской акробатики усилить не слишком многочисленные ряды подразделений Хасала, чтобы общим постепенным нажимом отгеснить противника к мосту, или уйти вправо на Арское поле и там помочь отбросить красных, что лезли туда как мухи на съестное, потому что Кания должен был начать свою робинзониаду, в той череде пестрых событий, из которых складывалась богатая, подобная этому, и вся истории обороны Казани, уже на следующее же утро – 21 августа¹.

На первом этапе нашего похода мы должны были ночью через Черемисские Ковали² до татарской Бишни³, а затем оттуда уже выйти к полурусским-полутатарским Ивановке⁴ и Ключам⁵,

ный фронт тех дней тянулся от современного жилмассива Чебакса на севере до села Богородское на юге, с главными боями, происходившим по обе стороны нынешнего Мамадышского тракта (жилой массив Самосьерово, Константиновский и Белянкинский лес, деревня Званка, село Кошачково). Это все в радиусе 15-16 километров на юго-восток от Сухой Реки.

¹ Дата выступления и сам обход левобережной группы красных, с захватом Романовского моста, очевидно, увязывался с одновременным проходом русских частей под командованием В.О. Каппеля на другой стороне Волги по правобережным тылам красных и последующей атакой на Свияжск. Это те самые красиво задуманные клещи, о которых пишет в своей летописи В.О. Вырыпаев, что сжавшись могли были решить исход Гражданской. Но военное счастье не улыбнулось ни чехословакам Кани, ни частям самого Каппеля. На Романовском мосту им встретиться не довелось.

² Черемисские Ковали – на самом деле Русско-Черемисские Ковали, так называлась деревня до переименования в 1928-м в Русско-Марийские Ковали. От Сухой Реки около 17 километров по прямой на северо-восток.

³ Бишня – село в верховьях реки Сумки в Зеленодольском районе современного Татарстана. От Русско-Марийских Ковалей меньше четырех километров на юго-восток.

⁴ Ивановка – поселок Ивановское на реке Сумка в Зеленодольском районе современного Татарстана. Немного южнее Больших Ключей.

⁵ Ключи – ныне Большие Ключи – село в Зеленодольском районе современного Татарстана. От Бишни восемь километром преимущественно на запад.

на северо-западе от Сухой Реки. Эти две деревни находились уже в таком глубоком тылу частей, противостоящих Хасалу, что мы предполагали, если и столкнуться, то с резервом красных.

В тылу большевиков

В назначенное утро началась работа нескольких наших партий, одна ушла вперед на Ковали, вторая – вправо на Щербаково¹, а третья, нас восемь человек, в сторону Бишни, чтобы таким образом с разных сторон прощупать противника. Нашим командиром был назначен уже упомянутый высокий и сухой казанский капитан с бородой, который всю войну, как мы выяснили, провел в тыловом гарнизоне. По всей видимости, он не отличался особым здоровьем. По привычке скрутили мы сигаретку с махоркой и с удовольствием закурили, пока еще было далеко до определенного нам места разведки. Сухому капитану эта вольность очень не понравилась.

– Господа, как же можно так игнорировать предписания? Разве это допустимо – курить в непосредственной близости от неприятеля? Нужно определенно «měту přinimat!»! – выговаривал он нам в большом раздражении.

Никому из нас не хотелось с самого начала портить складывавшиеся товарищеские отношения с казанскими офицерами, и поэтому, хотя до предполагаемого места расположения неприятеля было верст восемь лесом, сигареты мы затушили.

Проехали мимо хутора Выселки² и вступили в лес, который, согласно карте, тянулся уже до самой Бишни. Мы с Хрибом³, как два дозорных, ехали впереди, и едва лишь лес скрыл нас от остальных, сразу же спокойно закурили.

На дороге нам встретилось несколько человек. Всех мы расспросили. Все подтверждали, что большевики в Бишне есть, вот только один говорил, что видел четырех кавалеристов, другой, что больше, третий уверял – там целый конный взвод⁴, а еще кто-то, что лишь дозор из шести-восьми конных.

Вправо по ходу в лесу немного в стороне обнаружился домик. Мы свернули к нему, чтобы и там задать свои вопросы. В доме жил лесник, простой, хороший человек, семья которого отнеслась к нам с явным недоверием. Кто мы такие, они не знали. Расспросили мы их, нет ли в лесу каких-то военных.

– В лесу, нет, – сказал лесник, – но из Бишни ежедневно навдываются верховые с обысками.

– Видите, тут все истоптано копытами, – показал он на мягкую землю вокруг.

Он тоже уверял, что в Бишне взвод большевиков, а в Ивановке, лежащей четыре версты левее, уже целый эскадрон. Когда же мы попросили немного воды, чтобы таким образом заглянуть в горницу и проверить, нет ли там кого-то, «chazajka» нам дала хлеба с молоком. После этой короткой остановки мы продолжили путь к Бишне.

Когда мы уже были в небольшом борку перед самой деревней, то увидели четырех верховых, выехавших в нашу сторону. Дали условленный знак нашим сзади, и спешили. Коней привязали к деревьям, а сами с винтовками наготове стали ждать, когда верховые проедут мимо нас в

¹ Щербаково – некогда деревня, ныне часть Авиастроительного района Казани. Самая его северо-восточная часть, что у Голубого озера. От Сухой Реки больше 10 километров на северо-восток.

² Выселки – на чехословацких картах времен Гражданской помещены точно между Сухой Речкой и Осиново. Где-то пять километров на запад от первого, и столько же на восток от второго. Дорога на Бишно проходила севернее Выселок. Или «выше», если в терминологии самого Йозефа Мнехуры.

³ Вероятнее всего, Хриб, Карел (Hřib Karel (Taras), 25.10.1894 – ?), родился неподалеку от Угерского Брода (см. далее главу «Угроза нарастает»), важная подробность, подтверждающая правильность идентификации, специалист по охолощиванию скота (zvěrokleštič), сокол, взят в плен 25.08.1914, подал заявление на вступление в ЧВФР в Смоленске 21.02.1916, принят 26.06.1916, прошел две войны и вернулся в независимую Чехословакию. Последнее звание в легии – младший унтер-офицер (КЛ).

⁴ Кавалеристский взвод – до 30–40 сабель. В одном эскадроне – четыре взвода.

сторону наших. Тогда уж мы им перекроем путь и придется им сдаться. Но не зря говорят: «где черт не сможет, там баба поможет». Весь план пошел насмарку из-за нескольких женщин, вместе с каким-то мужиком внезапно возникших прямо у нас за спиной. Должно быть, шли на какую-то работу в лесу или в поле. Увидев нас, готовых к стрельбе, все они с криками кинулись наутек. Большевистские верховые заметили неладное и начали отступать назад в деревню. Послали мы им вслед пару выстрелов, но что они были в сравнении с возможностью взять большевиков живыми.

Но раз мы большевиков в Бишне все-таки вспугнули, то решили уже спешившимися прямо за ними зайти в деревню и выгнать их оттуда, пока они захвачены врасплох. Наши товарищи тоже слезли с коней и приготовились к атаке. Но неожиданно вмешался сухой капитан:

– У нас была задача выяснить только, есть ли в Бишне большевики, или нет. И это мы выяснили, больше мы ничего предпринимать не должны, – объявил он. А когда увидел, что никто из нас не испытывает желания просто так возвращаться домой, то скомандовал, как на плацу:

– Krugóm, marš! – после чего повернул коня и поскакал назад.

Дали мы еще залп по деревне, сели на коней и поехали за ним. Случившееся нас совершенно рассорило с сухим капитаном. С нашими собственными офицерами во время наших разведок никогда ничего подобного не бывало. Всегда мы пытались использовать выгоды сложившейся ситуации. Можно было ожидать, что красные, напуганные неожиданной стрельбой, и не зная, сколько нас действительно в лесу, просто убегут из Бишни. И вот она уже освобождена. А теперь все придется делать заново. Решили мы между собой, что будем просить прапорщика Захарова больше не назначать командиром нашей партии сухого капитана.

С поручиком Билетом наступаем на Бишню

После нашего возвращения в Сухую Реку сухой капитан вопреки нашим ожиданиям с докладом о выполненной разведке к капитану Кане не направился. Вся группа Кани уже была готова выступить в тыл большевикам, через Черемисские Ковали на Бишню. Уже ночью мы все там должны оказаться.

– Зря вы только катались в эту Бишню и обратно, – сказал нам наш Захаров, – Нужно прямо сейчас в нее возвращаться. Прежде чем туда придет вся группа, нужно оттуда выгнать большевиков. Не будем же мы посылать целую роту пехоты против нескольких большевистских кавалеристов.

Придали нашей партии еще шесть конных, так что нас всего стало четырнадцать, а нашим командиром мы попросили назначить поручика Билета, на что сам он с радостью согласился. И в то время, как пехота двинулась на Ковали, мы снова отправились в Бишню. Второй раз навестили знакомого нам лесника, но чего-то нового от него не узнали. Перед самой деревней мы остановились, чтобы договориться, как будем атаковать. То, что красные не ушли, мы увидели, когда под прикрытием молодого бора подошли совсем близко. У самой первой избы стояли четыре оседланных коня и возле них часовой.

Атаковать будем спешившись, но как именно, мы не могли сразу решить. Либо «всеми силами, что есть» набросившись на тех двадцать человек, что предположительно сидят в Бишне, с надеждой забрать себе их лошадей, либо оставив сильную стражу у наших собственных коней в лесу. Целых четырнадцать. И ни одного нам никто не подарил за просто так. Всех до единого мы должны были захватить в боях у большевиков. Два месяца вот так собираем коней, и до сих пор они не у всех в нашем подразделении. Безлошадные вынуждены нести караульную службу на пароходе и ждать, когда мы возьмем в бою новых. Уходя, каждый обещал товарищам, что сделаем мы это как можно быстрее и отправим ребятам, чтобы они могли поскорее к нам присоединиться. Но если внезапно сейчас здесь появятся красные из Ивановки, то тогда мы можем лишиться и тех коней, что сейчас имеем.

Практичный Билет разрешил задачу так: четверо останутся стеречь коней, еще четверо пойдут лесочком влево в сторону Ивановки и, если не обнаружат ничего подозрительного, залягут у небольшого кладбища, что с левой стороны дороги, и там будут ждать остальных. С конями остались Кухарж¹ с Шимеком² и два русских офицера, к кладбищу отправились Хриб, Пржепейхал, Юнг и один из казанских офицеров, а основную атакующую цепь, которая пойдет прямо на деревню, составили нас шестеро оставшихся вместе с поручиком Билетом.

Бишня – татарское село, расположенное на взгорке, стоит высоко над нами, а вот прямо под ним на расстоянии полета камня от нас станция Бишня³, это кучка, три десятка домов, расставленных по обе стороны большака. В тридцати-сорока шагах от ближайшего к нам дома течет ручей, и сразу перед ним мостик, по правую сторону от которого, если смотреть от станции, кладбище. Молодые посадки подходят к самому ручью. К этому кладбищу мы подбираемся с нашей стороны и прячемся у плетня, ограждающего кладбище, ожидая, когда Хриб даст нам знать, что он со своей группой готов атаковать с другой стороны кладбища и дома. Вести себя при этом мы должны были исключительно осмотрительно, чтобы нас не заметил стоящий совсем близко большевистский часовой.

Между тем начался проливной дождь, и мы стали промокать. (Этот же дождь оказался виноват и в том, что Каян пришел в Бишню не ночью, а только к утру, в грязи размокшей дороги беспрерывно везли его пушки.)

Как только наши объявятся с той стороны кладбища, мы первым делом застрелим большевистского часового, стерегущего коней, и сразу кинемся через мостик к дому, сколько бы большевиков там уже ни было.

Наконец с той стороны раздался тихий свист, и наши помахали фуражкой. Мы ответили тем же. Часовой большевиков насторожился. Он стоял, не шевелясь, возле коней, вперив глаза в край леса.

– Внимание, ребята, – дал Билет нам команду готовиться. – Не спускать с него глаз, как только он сделает шаг от коней в сторону, стреляйте. Цельтесь хорошо, чтобы вместо часового не попасть в коней. Будет до слез жаль!

Все мы, лежащие в траве, прицелились к прицелам, и только ждали момента, когда часовой станет самостоятельной целью. Но большевик словно приклеился к коням, и все смотрел в сторону леса. Ждать больше нельзя, в конце концов он и нас увидит, поднимет тревогу и тогда прости-прощай наши кони. Решили мы его взять хитростью. Два раза громко и отчетливо свистнули. Большевик дернулся, рванулся было вперед, но тут же и отскочил назад. Было видно, что он никак не может определиться, что ему делать, бить тревогу или сначала все же понять, кто это и где свистит. Наконец он сделал пару шагов в сторону, остановился у обочины дороги и снова вперился глазами в лес. И это стоило ему жизни.

¹ Идентификация затруднительна. Согласно КЛ, во 2-м полку, было как минимум два воина, принятых в ЧВФР не позднее 1917-го, с достаточно распространенной фамилией Кухарж (Kuchař). Ян (16.05.1896) и Вилем. Наиболее вероятным из двух кандидатов кажется первый, воевавший с русским против немцев с лета 1916-го, в то время как Вилем (11.05.1896) присоединился к чехам-патриотам лишь в декабре 1917-го. Оба, и бывший портной, и бывший каменщик, прошли две войны и вернулись в независимую Чехословакию.

² Идентификация затруднительна. Списки КЛ насчитывают два десятка Шимеков-однофамильцев в одном только втором полку. А с учетом того, что в КЛ принадлежность к подразделению очень часто приведена лишь к одному, первому или последнему в жизни солдата, даже попытка угадать не кажется особо продуктивной.

³ У села Бишня некогда проходил исторический Кокшайский тракт, и в непосредственной близости от села находилась почтовая станция, возможно, она была обозначена на карте, которой пользовался автор. (О селе Бишня см.: Субботкин, Артем. Бишня, что в верховьях Сумки // Республика Татарстан. № 96 (28865). 07.07.2020). По траектории тракта – Сухая Река, Бишня, Ключи – движется основная группа Кани.

Поручик дал команду стрелять, грохнул залп, и часовой упал в придорожную канаву у дома. Насквозь промоченные дождем, мы кинулись через мостик хватать четырех коней. Кто подбежал первым, клал на коня руку и говорил:

– Мой!

И этого было достаточно, чтобы трофей остался за ним. С винтовками наперевес мы тут же начали врывать в избы, искать в них красных. Часовой тем временем отходил в канаве. Местные в поле перед селом показали нам трех убегающих большевиков.

– На коней! Догнать!

Вскочили мы на трофейных лошадях и вчетвером помчались в поле. Но близок локоть, да не укусишь. Из стоящих на взгорке изб открыли огонь по нам самим, и пришлось откатиться от погони. Отвечали мы стрельбой как по избам на холме, так и по убегающим. Одного из них мы скорее всего даже ранили, так как он отставал от двух других и все время падал. Когда же все трое наконец скрылись, сосредоточились мы на Бишне, оттуда из-за домов на взгорке по нам велся очень опасный огонь. Спрятались и мы за избами, а то и в самих избах татар, и палили вверх, туда, где только замечали в селе вспышки выстрелов. Начинало уже темнеть, и дождь не прекращался. А нам надо до ночи во что бы то ни стало взять Бишню. Иное значило бы отступление, а этого никто не хотел допустить, потому к Бишне с другой стороны вот-вот подойдет уже Каня, и он уверен, что она в наших руках. Но спешившимися идти в атаку вверх по склону тоже нельзя, тем более что нас осталось всего восемь. Юнга и Новотного на трофейных конях Билет сразу отправил навстречу Кане доложить, что станция за нами, а за само село идет бой, и нам нужно послать на помощь несколько кавалеристов.

Отправили мы в лес гонца за нашими конями, чтобы были рядом с нами в полной готовности¹. Как только стемнеет, попробуем наскоком подняться к избам на взгорке и выбить оттуда большевиков. Большевики действительно растерялись. Среди дождя и в наступающей темноте им показалось, что к нам подошла подмога, и они кинулись вон из Бишни. Насчитали мы их двадцать два, галопом уносящихся один за другим прочь. То есть было их всего здесь двадцать шесть против нас десятерых атакующих².

Тем не менее, пока не подойдут наши, мы должны были оставаться на станции, потому что нас было слишком мало для обороны всей Бишни. Нас и для обороны станции не было достаточно. Мы должны были выставить пять постов по два человека в каждом, и еще один из нас вместе с Билетом остался охранять лошадей.

Местные татары приняли нас очень сердечно. Зажарили целого барана, заварили чая и принесли много белого хлеба. Когда же они выяснили, что мы будем в боевой готовности до той поры, пока не подойдут наши, стали ходить от поста к посту и предлагать постоять за нас, лишь бы только мы могли сходить поесть, попить чаю и обсушиться. Эти хорошие люди ни за что не хотели от нас отступиться. И в самом деле, когда один из наших уходил в дом немного насытиться и просохнуть, рядом с оставшимся нашим присаживался на корточки татарин и сидел ждал, как верный пес.

Всю ночь мы стояли на своих постах, так как положение было очень опасным. Эскадрон красных из Ивановки мог быть здесь уже в полночь. С целым эскадроном мы бы уже не справились и Бишню не удержали. С рассветом прискакал Захаров с нашими остальными ребятами. После этого мы уже заняли саму Бишню и спокойно стали ждать Каню.

¹ Из дальнейшего описания и подсчета наличных сил можно предположить, что с конями приехали и четыре человека охраны, и таким образом под командой поручика Билета оказалось, после отъезда двух верховых к Кане, двенадцать человек.

² Очевидно, речь о первоначальном числе тех, кто, оставив коней в лесу под охраной четырех товарищей, выступил к станции и селу Бишня.

Незадавшийся охват

Уже был ясный день, когда в Бишню со стороны ветряной мельницы стали въезжать первые залепленные грязью повозки с пехотой Кани. Даже его пушки, с их взмыленными и за ночь обессиленными упряжками, не говоря уже об измученных, мокрых, полусонных солдатах, не выглядели грозной силой. Все люди промокли насквозь. В мгновение ока вся Бишня превратилась в огромную сушильную, во всех татарских избах у печей висели шинели, обмотки и портянки чехословаков.

Но Кания даже краткого отдыха не мог позволить своим людям. Дойдя до Бишни, и таким образом проникнув глубоко в тыл большевикам, он вклинился между их резервами, и при этом непосредственно перед собой теперь имел свежие большевистские части, наступающие от Романовского моста на Казань. Даже краткая задержка на одном месте могла привести к тому, что красные, движущиеся от моста, окружат силы Кани и принудят принять кровавый бой раньше, чем он сам выйдет со своими к мосту.

Всем было понятно, что большевики теперь с нас глаз не спустят. Еще вчера и Бишню, и все деревни в полосе от нее до самой Сухой Реки они считали своей вотчиной, что было видно хотя бы по тому, как вольно здесь чувствовали себя всякого рода шпионы и многочисленные курьеры, ходившие как в Казань, так и обратно. Никем не охраняемые прифронтовые пространства вокруг Сухой Реки сами просили об этом. Та партия наших, что шла передовым дозором у главной колонны Кани, поймала трех из их числа. Отойдя от Казани на такое, по их мнению, далекое расстояние, шли эти гонцы уже ни о чем не тревожась, и если предполагали встретить каких-то вооруженных людей, то уже только большевиков. Какова же была степень их изумления, когда они попались в руки людям с бело-красными ленточками на фуражках. У всех были найдены большевистские депешы, и всем немедленно вынесен приговор, который каждому шпиону заранее известен.

После привала, который занял времени не больше того, что было необходимо для заварки чая и кормления коней, мы уже все разом двинулись на Ивановку и Ключи. Главная ударная группа разделилась на две части. Первая и главная продолжила движение на Ключи, а двенадцатая рота повернула к Ивановке, чтобы выбить из нее находившийся там эскадрон большевиков, который мог ночью стать угрозой в тылу Кани. Этот эскадрон стоял в Ивановке как резерв частей, ведущих южнее бои с тремя ротами Хасала. Наше подразделение разведчиков также разделилось, чтобы могло сопровождать обе группы.

Ивановка – по своему расположению анклав¹, окруженный с трех сторон лесами. Далеко на юг в сторону Осинова² протянулось, как будто высунутый язык, поле с какими-то озимыми. В свою очередь участок леса, как острый шип, выступает за околицу, а край его, опоясав поле, выныривает вновь с другой стороны села. Вдоль леса тянется дорога в Осиново, Туру³ и далее к Волге, тем местам, где сейчас идут упорные бои. Все это откроется пред нашим взором с небольшого взгорка, покрытого дубовым лесочком, когда от Бишни мы подойдем к Ивановке. Отсюда также прекрасно видна и низинка справа до самых Ключей и лежащей чуть дальше от нее Белой⁴. С этого взгорка сегодня должна атаковать Ивановку 12-я рота, а мы, двенадцать верховых

¹ Так у автора – *Ivanovka leží jako v enklávě, obklopena se tří stran lesy*. Но из дальнейшего описания очевидно, что речь все же о полуострове, вдающемся в лес, а не острове земли, окруженном лесом. На современных картах картинка, следует заметить, та же – полуостров, ну, или мысок, в море леса.

² Осиново – село в Зеленодольском районе современной Республики Татарстан. Ныне ближайший пригород Казани. От Ивановки (Ивановского) чуть меньше 10 километров на юг.

³ Тура – Новая Тура, село в Зеленодольском районе современной Республики Татарстан. От Осинова до Туры меньше 3 километров на юго-запад. Волга уже в непосредственной близости.

⁴ Белая – по всей видимости, речь о современном селе Бело-Безводное в Зеленодольском районе современной Республики Татарстан. От Ивановки (Ивановского) до него около 6 километров по прямой на юго-запад. С хорошего взгорка увидеть, надо полагать, действительно, можно.

разведчиков, обязаны занять лесной выступ и зайти за село. Если большевистский эскадрон начнет отступать в сторону Осиновки, мы, конные, выйдем из леса, перекроем дорогу и постараемся им нанести наибольший возможный урон.

Вторая группа наших разведчиков одновременно с нами должна успеть взять Ключи, и если красный эскадрон пойдет в их сторону, постарается сделать то же самое, что и мы.

Таким образом, мы, шестнадцать человек под командой поручика Билета, ушли от станции Бишня раньше колонны 12-й роты, чтобы, пройдя лесом, выйти на дальней стороне Ивановки. В предыдущий день Хасал со своим батальном очень успешно потеснил красных, загнал их к самому Осиново, и сейчас атаковал уже это село. Одной из целей действий Хасала была поддержка Кани. Своими атаками на левом берегу Волги в направлении моста он должен был отвлекать на себя внимание и силы красных, и тем самым облегчить Кане задачу выхода к мосту.

Сразу за Бишной мы вошли в березовый лесок и двинулись к Ивановке по дороге, скрытой лесом. У самого села она из леса выныривает, и здесь мы остановились. Ивановка лежала прямо перед нами. И тот выступ леса, в который предстояло зайти, был также хорошо виден. Если поехать прямо по открытому полю, то окажешься там махом.

В поле, примерно шагах в трехстах от нас, у стога сена или клевера располагался большевистский дозор. Три верховых. Один из них сидел на стоге лицом к лесу, а два других отдыхали внизу возле коней. И такой соблазнительной целью представлялся большевик на стогу, что у всех буквально чесались руки его свалить хорошим выстрелом. Но это бы нас выдало. Мы должны были отойти поглубже в лес, чтобы дозорные нас не увидели, и двигаясь по лесу, обойти поле, уходящее дальним своим краем в сторону Осиново.

Все было бы просто, если бы в Осиново прямо сейчас не шел бой. Стрельба слышалась именно в тех самых местах, куда мы должны были выйти, обойдя поле. Бой там явно разгорался, и выстрелы звучали так близко, что нам казалось просто невозможным зайти на ту сторону леса, не столкнувшись с воюющими. Но кто это будет? Люди Хасала или красные? Начинаем рассуждать. Если бы одно крыло наших, наступая на Осиново, оказалось здесь, то ни у кого нет сомнений, что был бы выставлен хотя бы малочисленный дозор у Ивановки, чтобы заранее обнаружить возможный выход для охвата стоящего здесь красного эскадрона. Если же здесь крыло обороняющихся красных, то никакие дозоры им не нужны, когда известно, что за спиной своя собственная кавалерия. Хорошо. Тогда вперед. Если наткнемся на дозор, то это могут быть только наши, в ином случае пройдем за спиной обороняющихся красных, чтобы во что бы то ни стало выйти на ту сторону леса.

Но едва лишь мы решились тронуться, как у нас за спиной на дорожке возник какой-то парень с бабой. Идут они в Ивановку. Этого нам только не хватало. Нам нельзя их пропустить в деревню, потому что они могут нас выдать. Но и весь день таскать их с собой по лесу тоже невозможно.

– Да чтобы их гром поразил! – ругаем про себя парня и его бабу. Но выход из положения нашелся.

– Куда направляетесь? – строго начал допрос наш Билет.

– В Ивановку, ваше благородие, – самым заискивающим тоном отвечает мужик, мгновенно поняв, что очутился там, где быть бы ему совсем не надо.

– А что там собираешься делать? Кто тебя туда послал? Что туда несешь? – продолжает с прежней строгостью поручик.

– Да иду домой с женой с работ, – говорит мужик, заикаясь, и мнет в руках шапку.

– Рассказывай, с работ он! Ты большевистский шпион и несешь им сообщение. А, ну, ребята, давайте-ка веревку, повесить его – с самым серьезным видом отдает команду Билет.

Мужик с женой валятся на колени и «Gospodinem» клянутся, что ни о чем таком не знают и что никакие они не шпионы, а бедняки, и большевиков ненавидят, и, вообще, все это не их ума дело, и в этом ничего они не понимают, и еще Бог знает какую бы напраслину на себя со слезами не наговорили эти люди, если бы их не прервали:

– Ладно, а ну подойдите сюда. Общем вас и увидим, правду говорите или нет.

И хотя и так было понятно, что это никакие не шпионы, мы их по всей форме обыскали. Ничего, конечно, не нашли. Хотели всего лишь так их напугать, чтобы сегодня в Ивановку они не пошли.

– Послушай, – говорим мужику, – только чтобы ты увидел, что мы совсем не такие, как большевики, мы тебя простим.

При том, что бедняге и понять-то невозможно, что же такое ему должны прощать.

– Но смотри, если ты сейчас же не исчезнешь там, откуда пришел, и мы снова тебя сегодня здесь встретим, будешь висеть!

После этого кинулись оба назад – только пыль за ними вилась. А мы сами, кажется, радовались тому, что от них избавились, еще больше, чем радовались они, избавившись от нас.

Теперь хочешь не хочешь, но нужно выполнять задачу. Шальные пули шуршали листвой над нашими головами, и время от времени тут и там смачно вонзались в стволы деревьев. А когда прилетел с отвратительным свистом стакан от шрапнели, перерубил стоявшую поблизости от нас березку и зарылся в землю, никаких сомнений не осталось, что мы находимся в двух шагах от передовой. В небольшом овражке мы слезли с коней и решили оглядеться. Передовая совершенно очевидно была перпендикулярна линии нашего движения, во всех других случаях нас должен был бы поливать дождик из пулеметов, стрекот, которых мы слышали совсем рядом. Все это вместе взятое свидетельствовало о том, что мы находимся на фланге большевиков, у которого нет никакого охранения, поскольку с этой стороны у них своя собственная кавалерия. Сомнений уже больше не было. Если теперь мы пройдем между ними на другую сторону леса за Ивановку, то окажемся у обороняющихся большевиков за спиной, и если в бою их ждет неуспех и они побегут в сторону Ивановки, то просто нас зажмут между собой и своей кавалерией, и закончится это для нас плачевно.

Некоторое время мы колебались. Двигаться дальше или возвратиться? Хорошо, что с нами были казанцы. Нам не хотелось перед ними ударить в грязь лицом, а им, как офицерам, еще больше перед нами. И так совместно мы решили, что приказ – это приказ, и его надо выполнить. Занять лесной выступ за Ивановкой мы должны, чем бы это нам ни грозило.

Мы, несколько человек под командой Билета, пошли вперед для разведки. С предельной осторожностью, укрываясь за пнями и кустами, предприняли попытку обойти чертово поле, которое в тот момент казалось нам бескрайним. И у нас это получилось. Дали мы знак оставшимся, и они быстро краем леса по нашим следам пришли и привели коней. Стрельба осталась в стороне.

На этой стороне леса не было берез, дубы и много кустарника, через который лучше было идти спешившись. Дорогой попало нам несколько примитивных пазек, на некоторых работали татары. Все нам в один голос подтверждали, что в Ивановке около сотни большевистских кавалеристов с пулеметами и кухней. Сидят, бездельничают.

Уже было за полдень, когда мы дошли до цели – лесного выступа над Ивановкой. Все это время мы боялись, что наша пехота с противоположной стороны села начнет атаку раньше, чем мы дойдем до места. В самом селе, которое лежало перед нами как на ладони, покуда царил полный покой. Большевики беззаботно расхаживали тут и там, как на плацу в казарме. Дозорные, которые теперь были у нас справа, сменились, а за ними дальше на взгорке мы не могли увидеть ничего такого, что бы выдавало присутствие войск. По очереди мы смотрели в бинокль, в надежде, что хоть кто-то из нас высмотрит нечто подозрительное. Для самостоятельной атаки на эскадрон нас было слишком мало с учетом того, что минимум трое должны оставаться с лошадьми. Можно только ждать. Лежать, как мы лежали, на самом краю леса.

После вчерашнего ливня стоял теплый солнечный день, и в лесу в траве был большой соблазн отоспаться после бессонной ночи. Но бдительность терять нельзя было. Совсем рядом с нами по дороге из Ивановки в Осиново и обратно непрерывно сновали посыльные красных. В сорока шагах от края леса проезжали по двое или по трое. Достаточно нам было выйти из укрытия, наставить на них винтовки, и они наши. Но что потом с ними делать? Застрелить нельзя, мы бы выстрелами себя тотчас же выдали, а закалывать словно свиной шашками или ножами, к этому ни

у кого из нас не было охоты. Просто взять в плен? Ну, так может быть до вчера мы их нахватаем столько, что будет уже больше, чем нас самих? И окажутся тогда у нас большевики не только перед нами, за нами, но и среди нас. Поэтому мы вместо этого всего еще глубже втянулись в лес, зарылись в траву и большевистских вестовых не трогали.

И без них нам хватало дел. Как мы и предполагали, никаких неприятностей здесь со стороны Осиново красные не ждали. И поэтому никак не мешали местным жителям, если только они сами этого не боялись, ходить на работы, что доставило много забот и неприятностей, потому что под вечер, возвращаясь краем леса домой, местные натыкались на нас. И просто напугать их, как утреннего мужика, всех сразу не получилось бы. Вместо того пришлось их задерживать и не пускать в село. В конце концов задержанных оказалось уже столько, что мы и сами их начали бояться. Со взрослыми хоть как-то можно было договориться:

– Нельзя вам идти домой, – объясняли мы. – В селе с минуты на минуту начнется бой.

И этого хватало, чтобы они сидели и не шумели. Хуже было с детьми, которых оказалось у нас несколько. Этим, чтобы громко не ныли, должен был Кадлец подслащивать «плен» сахарком. Но был и один среди всех, на которого не действовал ни сахар, ни угрозы. Тому приходилось просто зажимать рот, когда мимо проносились посыльные красных. Зато другой мальчишка оказался весьма полезен. Он, получив кусочек сахара, тотчас же с нами совершенно подружился. И когда он стал вертеться возле нас, у него поинтересовались:

– А ну-ка, скажи нам, Ванька, ты знаешь, сколько у вас там солдат?

– Семьдесят три, – ответил мальчик не задумываясь. – А еще три маленьких пушки и одна кухня.

– Откуда тебе это так точно известно?

– А я подсчитал, когда они к нам в село заходили.

Мы не хотели верить, что такой маленький мальчик так хорошо умеет считать, но взрослые «пленные» подтвердили, что мальчик «шпунј». Только пушки он спутал с пулеметами. Все остальное оказалось верным, в чем уже вечером мы смогли убедиться.

Между тем наша пехота все не шла и не шла. Мы уже потеряли надежду на то, что сегодня будет атака, и даже начали обсуждать, как нам самим отсюда выйти. Порешили, что дождемся темноты, потом поскачем прямо через поле к дозору красных у леса, схватим всех и с этой добычей вернемся в Бишню.

Неожиданно мы увидели, что дозор отделился от стога сена и галопом понесся в село. Мы сразу приободрились, хотя именно с той стороны никакой атаки не ждали. Это бы означало, что 12-я рота шла тем же путем, что и мы, в то время как план, как его нам разъяснили, был совсем иной. В любом случае мы приготовились перерезать путь отступления эскадрону, и в последний раз позволили проехать мимо себя посыльным красных.

Между тем в селе все пришло в движение. Эскадрон вскочил на коней и стремительно исчез из вида. Нельзя было даже понять, кинулись они отбивать атаку наших или просто бежать в противоположном направлении. Мы перестали прятаться в лесу. Растянулись в цепь, и решили наступать на село, что бы там ни происходило. Навстречу нам вышло несколько мужиков с известием о том, что красные бежали в сторону Белой. Тогда мы вернулись в лес за лошадьми, чтобы начать преследование. Но не успели вскочить в седла, как прямо на нас вышла наша же сильно опоздавшая пехота. Выяснилось, что они шли тем же путем, что и мы, обходя лесом длинный выступ поля, и это их, точно так как и нас, надолго задержало. И никто не мог объяснить, почему изменился первоначальный план атаки. В конце концов мы заняли уже оставленное красными село.

Ивановка – село небольшое, и населяют его татары и русские. Так что много времени не потребовалось, чтобы все обыскать и проверить, не остался ли здесь кто-то из растерявшихся большевиков. Но главное, конечно, не оставили ли красные коней. Ничего не нашли. Деревню словно вымели. В избе, где стояла кухня, квартировал и командир. С той быстротой, с которой все бежали, он даже забыл бумаги, несомненно, доставленные ему последними связными из Осинова.

В одной, которая касалась движения группы Кани, особенно подчеркивалось: «Opasajtēs utra!» – то есть ждали они нас завтра.

*

Зато наша вторая группа разведки под командой Ханака¹ в этот день участвовала в небольшой схватке с красными. Произошло это в Ключах, расположенных в трех верстах от Ивановки. Это большое русское село с церковью, существенно больше Ивановки. Там стоял большевистский дозор, составленный из двенадцати конных. Эти люди не были частью эскадрона из Ивановки, а относились к другой красной части, которая в тот момент находилась в Белой. У части была задача выдвинуться к Казани, но внезапное появление группы Кани этому помешало. И с тем, чтобы заранее знать о возможной атаке с нашей стороны, и был выставлен дозор между Белой и Бишей в Ключах. Но едва лишь Ханак со своим конниками подошел к селу, красные просто дали деру. Наши осмотрели деревню и расположились на первой улице со стороны Бишни, поджидая пехоту. В это же время красный дозор из Белой послали назад в Ключи, чтобы он следил за дальнейшим развитием событий. Дозор приехал и расположился на ближайшей улице со стороны Белой. Так полдня они и просидели, даже не подозревая о присутствии друг друга, наши с одной стороны Ключей, а красные с другой. Когда же местные пришли к Ханaku и рассказали о большевиках, наши немедленно их атаковали. Ранили одного, и еще убили у красных коня. Оставшиеся опять бежали в Белую.

Еще дальше в тыл красных

Бой за Осиново к вечеру утих. Поручик Хасал сумел выбить оттуда большевиков и отогнал их на запад к Туре². И тем самым облегчил нам наше собственное движение к мосту.

Давно мы ночью так сладко не спали. Наша партия ночевала на дворе зажиточного татарина, который велел нам на ужин сварить картошки, а утром дал два кувшина молока. Когда совсем уже рано мы стали собираться в это утро уже в сторону Белой, стал и хозяин³ также собираться на работы и сел с нами к столу, и пока мы вместе ели, рассказал о большевиках, которых мы вчера прогнали:

– У меня на дворе их с лошадьми стояло девять. Днем вчера они вообще не находили себе никакого «zafatia», кто-то бездельничал на улице, а другие валялись на дворе. А я сам стоял здесь, – показывает «chazajin» место на крыльце, где висел на веревке чайник с водой для умывания, – как вдруг вбегают все разом с улицы во двор. Глаза вытаращенные и ничего не могут из себя выдать кроме одного слова: «Чехи, чехи!». Скорее седлают коней и прочь. Даже пики свои оставили на дворе. И остался еще у меня стоять один их конь. Подошел я к нему и думаю: «Ну, и хорошо. Небось уже за ним не вернутся».

¹ Скорее всего, Ханак, Ян (Hanák Jan, 27.12.1893 – ?), поскольку, что само по себе большая редкость в КЛ, его место службы указано с отменной определенностью, не просто 2-й полк, а конная разведка этого полка (jízdní roztvédka 2.stř.pl.), в гражданской жизни приказчик, а австрийской армии драгун, взят в плен 12.05.1915, подал заявление на вступление в ЧВФР в Бобруйске, принят 27.05.1917, прошел две войны и вернулся в независимую Чехословакию. Смущать может только одно, согласно КЛ, с первого и до последнего дня – простой солдат, но не исключена и ошибка, которых в КЛ, к сожалению, немало. Единственный возможный кандидат из офицеров с фамилией Ханак во втором полку, а именно они командовали партиями в описаниях Мнехуры, – Антонин (11.11.1891). Но согласно КЛ – и в австрийской, и в русской армии он служил в пехоте.

² На карте в книге самого Мнехуры (с. 177, далее Карта), не всегда точной и приведенной без указания какого-либо масштаба, от Осиново до Туры (Большой Туры) меньше трех верст на юго-запад.

³ На этот раз в тексте все на своем месте, то есть чешское слово – hospodář.

– Да только там у того «zábogu», – показывает «chazajin» на довольно высокую ограду в дальнем конце своего двора, – слышу, кто-то изо всех сил пытается открыть калитку, что ведет в поле. Ну, знаете, я ее сразу предусмотрительно закрыл на замок. Солдаты бы ее оставляли всегда открытой, и где бы я тогда искал свой скот? И я этому большевику, что рвется наружу, кричу:

– Эй ты, солдатик, лошадку-то с собой не заберешь? – а тут и эти, что раньше уехали, возвращаются за своими пиками, начальник их погнал назад, ну, и забрали с собой своего застрывшего дружка.

– Так что, не сомневайтесь, бояться они вас страшно, – продолжал татарин. – Думаю, будут убежать от вас до самой Москвы. И это хорошо. Мы будем тогда работать в поле, ничего и никого не опасаясь.

Расстались мы с ним и поехали дальше воевать с большевиками, чтобы он мог спокойно работать в поле...

В тот день (23 августа) группа Кани продолжила движение к мосту двумя колоннами. Сегодня целью у главной было чувашское село Большие Параты¹, от которого до моста только один дневной переход². Двинутся они в Параты прямо из Ключей. Наше подразделение конной разведки снова было разделено на две партии. Наша, тринадцать человек, сопровождает 12-ю роту, идущую на Белую, а оставшиеся пойдут с главной колонной.

Если смотреть со стороны Ивановки, то Белая начинается прямо у края леса, через нее бежит речушка³, протекающая и через Ивановку, а потом впадающая в Казанку или Волгу. Мы выступили намного раньше нашей пехоты, поэтому, когда подошли к Белой и начали изучать обстановку, пехота была еще далеко за нашими спинами. Задачей было понять – есть ли у красных позиции на поле и где стоят их передовые дозоры. От села мы были недалеко и его хорошо видели. Но кроме людей, работавших в поле, больше не обнаруживалось ничего. Решаем выехать из леса и широкой цепью растянуться по полю. Если дозоры большевиков спрятаны за избами, мы их так побудим к стрельбе. С ружьями наперевес, не спеша выезжаем вперед и останавливаемся. Снова двигаемся вперед и снова останавливаемся, еще раз повторяем то же самое, но стрелять никто не начинает.

Люди, работавшие в полях, как только увидели нас, все побросали и бросились бежать к селу. Самые же умные залегли среди борозд, в углубления, в ямки, из чего мы сделали вывод, что в Белой есть красные, и люди опасаются боя. Остановились мы у канавы, в которую вжался мужик, а с ним и его жена.

– Есть в деревне солдаты?

– Есть, есть, еще вчера там они точно были, – подтверждает мужик.

– И много их там?

– О, много. Вчера к ним еще и конные приехали.

– Откуда эти конные приехали?

– Да, с той же стороны, что и вы. А вот пехота, что пришла раньше, она от монастыря⁴, – охотно сообщает мужик.

Понятно, эти конные, мы про них уже знаем, это кавалерия из Ивановки. Зато пехота –

¹ Историческое название объединенных одной церковью деревни Старые Параты и села Новые Параты. От последнего дома деревни до первого дома села ныне чуть больше полукилометра лесочком. От Больших Ключей до Новых Парат немного меньше 10 километров по прямой точно на восток. И деревня, и село находятся на территории современной Республики Марий Эл.

² Согласно Карте, от Старых Парат до начала Романовского моста на левом берегу примерно 15 верст на юго-юго-восток.

³ Река Сумка – левый приток Волги.

⁴ Раифский Богородицкий монастырь – большой мужской монастырь на берегу Раифского (Сумского) озера на территории современного Татарстана. От Белой – километра 4 на юго-юго-запад. Мужик в рассказе Мнехуры подчеркивает, что пехота и кавалерия подходили не только в разное время, но и с разных сторон. Первые с юга, вторые с севера.

какая-то новая, нам еще неизвестная часть, с которой только еще предстоит встретиться. А вот монастырь, о котором упоминал мужик, расположен в лесу, что отсюда на запад в сторону моста. Думаем, там был штаб красных, управлявший всеми их операциями на левом берегу Волги. От Паратов мы потом видели в разрывах лесов отблески белых стен его строений.

Между тем стрельба по нам все не начиналась. Внезапный заход Кани в тыл красных привел их на какое-то время в замешательство, но прекрасно осознавая огромное численное преимущество на своей стороне, они быстро решили поменять тактику. Без всякого дальнейшего сопротивления красные стали нас пропускать все глубже и глубже в свой тыл, чтобы потом резко у нас за спиной захлопнуть ворота Казани¹.

Из Белой таким образом красные быстро ушли перед самым нашим приходом, лишь оставив в лесу у деревни небольшой дозор, задача которого была определить направление нашего дальнейшего движения – пойдём ли мы к монастырю или к Паратам.

Белая – совсем маленькая «dërevña». Когда местные жители нам показали, куда отошли красные, мы, четверо, отправились в ту сторону проверить окрестности. Проехали мы немного вдоль леса, и ничего особенно не увидев, повернули обратно. И снова очень внимательно вглядываясь в край леса, который теперь у нас оказался слева. Большевикский дозор, прятавшийся там в кустах и ничем себя не выдавший, когда мы ехали от деревни, на сей раз каким-то движением себя обнаружил среди зарослей. Мы тут же соскочили с коней и бросились туда. Но дозорные не только не сделали ни одного выстрела, не просто бросили свои винтовки, но даже, убегая в лес, оставили стоять немного в стороне двух оседланных коней. Мы же послали им вдогонку пару-другую пулю.

В деревне мы нашли еще одного коня. Но этот был совсем больной, и для верховой езды непригодный. Особых трофеев в седлах не обнаружилось: грязное белье, немного сахара и чая, сверток махорки, да патроны.

В Паратах у чувашей

В восьми верстах на северо-запад от Белой лежат Параты. Дорога туда ведет по краю леса полем, и у самых Парат поднимается на небольшой взгорок. От Парат поэтому можно видеть и Белую, и далее леса до самого монастыря. Можно за и этими лесами разглядеть даже Осиново с Турой. Сделав короткий привал в Белой, мы двинулись в Параты и вошли туда почти в то же самое время, когда и главная колонна группы Кани.

Вторая партия наших конных тут же отправилась на разведку к мосту и выяснила, что большевики сидят там в основательных окопах, и взять их будет непросто.

В Паратах местные жители приняли нас очень тепло. Почти все оно чувашское. Советский режим, когда он к ним пришел, приняли с нескрываемой неприязнью. Поэтому комиссаром в селе назначили человека не из среды чувашей. Это был один из русского меньшинства, который перед нашим приходом бежал вместе с большевиками. Изба его стояла на краю деревни у дороги в Монаки², и ее быстро обыскали.

Чуваши, живущие в Паратах, земледельцы, своим образом жизни и домашним укладом мало чем отличаются от окружающих их русских. К ужину у нас на столе в избе дымилась полная картошки миска из цельного камня, и к ней были поданы пришедшиеся нам очень по вкусу ледяное молоко и огурцы. Для гостеприимной семьи мы сами между собой собрали немного сахара и чая. Сахара тогда в России не было совсем.

¹ Здесь, по всей видимости, речь не только и не столько о возможности отступления, сколько в первую очередь о необходимых линиях снабжения, связи и какой-либо помощи резервами.

² Monakû – по всей видимости, местное прозвище места (см. далее по тексту). На Карте правильно – manajkino. Иманайкино – деревня в Волжском районе современной Республики Марий Эл. Два километра от Новых Парат на северо-восток.

Мы очень внимательно слушали речь хозяев, пытаюсь уловить какой-то смысл. Так что, когда пришло время расходиться ко сну, мы уже всю по-чувашски поддакивали: «Ule, ule! Uke, uke!» (Да, да! Нет, нет!)

Взяв Параты, мы завершили подготовительный этап наступления на мост. Дальше, мы все предполагаем, начнется движение не в походном, а в боевом порядке, так как отсюда уже начинаются оборонительные позиции красных. Не знаем только, завтра выступаем или послезавтра, но без сомнения очень скоро, поскольку мы уже в таком глубоком тылу у неприятеля, что связь с нашими в Казани почти невозможна. Из Ивановки или Ключей еще могли наши конные через Бишно пробираться в город, могли приходиться и к нам с той стороны. Но ситуация меняется каждый час. И никто особенно не удивится, если уже завтра утром наши связные на пути в Казань в Ключах или Ивановке попадут в руки красных. Та же опасность грозит и связным, отправленным к нам из Казани. Еще вчера путь к нам был открыт, а теперь не проберешься.

С этого момента в тылу красных Каня со своей группой уже сам по себе. Связи с Хасалом больше нет, и о положении его частей Каня может теперь судить лишь по тому, где сейчас стреляют пушки и горят пожары. В ближайшие дни единственным источником сведений о ситуации для нашего командира будут только наши собственные разведчики, рассылаемые во все стороны. К мосту, в противоположном направлении, к Казани, а также к Хасалу, постоянно будут уходить небольшие партии наших конников, которые едва ли не все вернутся с одним и тем же докладом:

– Брат подпоручик, они везде!

Угроза нарастает

Двадцать четвертого августа наше подразделение, разделенное на четыре партии, провело разведку на всех четырех возможных направлениях и везде столкнулось с красными. Нас десять человек под командой поручика Билета поехало назад к Белой. Поскольку маневры красных непосредственно у нас за спиной представляли наибольшую опасность, мы должны были провести в Белой весь день до вечера, чтобы в случае их выдвижения от монастыря к Казани определить силы большевиков, имеющиеся у них вооружение и точное направление движения.

Когда перед самым полуднем мы прибыли в Белую, там никого не было. Мы выставили три дозора. Два – по два конных, а там, где вчера у нас была перестрелка с красными дозорными, расположились мы трое – я, Кухарж и Юнг. На смену рассчитывать не приходилось, еще двое наших остались с поручиком, и они всегда должны были быть при нем для объезда дозоров и иных поручений.

Стоять в дозоре без смены, в такой необыкновенно жаркий день, каким было двадцать четвертое августа, очень тяжело и утомительно. Там, где был наш собственный пост, располагались «bánpě» (купальни) всей деревни. С виду обычные деревянные избы, с большим котлом под воду, рядом с ним печь с горкой камней, иногда камни над котлом, как бы ни было, они всегда нагреваются одновременно с водой. Рядом расположены нары, которые стараются поднять как можно выше, иногда они бывают в два или даже три яруса. И здесь каждую субботу должна вымыться каждая семья. Заготовят березовых веничков с листиками, обмоются водой, а потом плеснут воды на раскаленные камни, и получается паровая купальня, в которой ложатся на высокие нары или, если есть ярусы, выше или ниже в зависимости от того, какой жар могут выдержать, и оведают себя березовыми побегими. Бывает, что возле бани отведет иной «chazajñ» еще четверть земли для молотьбы, чтобы там цепями выколачивать зерно. В этот самый день, когда мы стали возле бань, около одной или двух, как раз били цепями по снопам. И те молотильщики, что были ближе всего к нам, довольно скоро попытались завязать с нами беседу:

– Эй, товарищи, как думаете, нападут сегодня на вас? – как будто бы слегка нас задирая, крикнул от ближайшей бани какой-то молодой «chazajñ».

– Иди ты, чего болтаешь, дурачина, разве не видишь, что это никакие не товарищи, а чехи? – сейчас же одернул его отец.

– Да что ж я, слышу разве, как они говорят¹? – отвечает молодой старому.

Между тем после обеда пошел непрекращающийся поток людей из деревни в поле, и запретить это хождение мы не могли. Только каждого спрашивали, из Белой ли он сам и куда путь держит. Не пускать их не имело смысла, потому что не было возможности за каждым углядеть. Они бы все равно уходили, скрытно, где-нибудь за гумнами, а мы бы сами их только таким образом против себя настроили. А мы, разведчики, лучше всех знали, как может помочь или наоборот осложнить дело приязнь или неприязнь местного населения. Поэтому никак не мешали этому хождению в деревню и обратно. От тех, что возвращались, говорили ли они правду или врали, ничего о красных узнать не удавалось. А красные уже стояли в лесу прямо перед нами.

К середине дня у нас уже слипались веки от скуки и жары. Немного взбадривал либо приезд связного от поручика, интересовавшегося, что нового, или не перестававший дерзить молодой молотильщик, время от времени кричавший нам что-нибудь дурацкое:

– А хорошо вот так бездельничать, правда, да?

Или:

– Может, хватит-то уже воевать, нет? У нас тут уже мало дураков, которых заманишь на войну. Уже по горло сыты!

Было уже всем очевидно, что это местный «товарищ». Его отец время от времени пытался вполголоса одергивать сына, а жена, которая пришла какое-то время тому назад помогать, после каждого замечания мужа подолгу не спускала с нас глаз. То ли удивлялась нашему терпению, то ли считала такими же придурками, как и своего мужа, или же все ждала, что наше терпение лопнет, и мы прикладом разобьем ему голову, что в те времена было делом вполне обыкновенным.

Наконец, около шести часов вечера наше полусонное состояние сняло как рукой. У края леса прямо перед нами выехал на дорогу конный, с интересом огляделся и тут же развернул коня и снова скрылся. Было очевидно, что он нас заметил. Мы сделали ему вслед пару выстрелов. И уже через минуту возле нас появились два связных от поручика.

– Что случилось?

– Только что здесь была разведка красных, – объясняем. – Хорошо бы осмотреть край леса.

Поехали мы туда все вместе. Увидели свежие следы конских копыт и две брошенные казацкие пики. Недалеко виднелась одинокая изба, должно быть, лесника, там нам сказали, что только что здесь было четыре конных. Глубже идти в лес мы не решились, красный дозор мог преспокойно укрыться где-нибудь поблизости в кустах и нас легко перестрелять. Вернулись мы и сообщили о ситуации Билету, который тут же послал Юппа к Кане в Параты доложить, что возле Белой появились красные.

Мы вернулись на свое старое место у бань, но теперь были все внимание. Между тем молодой молотильщик у ближайшей из бань начал дерзить уже открыто:

– Экие придурки! Одного конного испугались. С кем тогда воевать думаете? – гоготал он на всю округу.

Тут уж у нас наконец терпение лопнуло. Ринулись мы с Юнгом на него. «Товарищ» отбросил цеп и побежал между бань наутек. Мы вскинули винтовки, но к нам бросились жена молодого и с ней старик, оба с умоляюще сложенными руками. Не знаю, помогли бы эти мольбы, но, на счастье этих людей, именно в это мгновение сзади закричал Кухарж:

– Ребята, все назад! По седлам!

От леса в диком беспорядке мчались люди, что днем отправились на работы в поле. Мужики на повозках норовили обогнать один другого, неслись буквально сломя голову. Мы остановили первую повозку:

¹ Возможно, еще раз стоит напомнить, что и белые, и красные в тот период носили одну и ту же форму – бывшей царской армии.

– Чего так несетесь? – спрашиваем насмерть перепуганного мужика.

– «Gospodi», бой будет. На нас идет целая армия.

Быстро вскакиваем в седла и пытаемся понять, откуда нам грозит опасность. Удары цепов за нашей спиной прекратились, да и вся деревня разом переменяла свой вид. Как скот перед ужасной грозой, так теперь люди, не разбирая дороги, как будто их ветер гнал, бежали с полей в свои дома. Хрипя, неслись мимо нас, и некоторые, лишь добежав до первой бани, падали за ней задыхаясь, лишь бы поскорее укрыться от пальбы, которая может начаться в любую секунду.

– «Oh Gospodi! Oh Gospodi!» – только и слышалось за нашей спиной. Но были и те, кто не терял хладнокровия, они кричали нам:

– Уходите, уходите, их там много!

Наконец, из леса в поле вышла цепь красных. Мы пришпорили коней и поскакали к Билету.

– «Gospodin pogučik», – стучимся в окно избы, где он расположился, – красные наступают!

– «Nu, čort' vozmi!» Я только что открыл банку консервов, – ругается Билет. – А сколько их?

– Надо ехать вон туда, оттуда они видны. А здесь можно только гадать.

Дал нам Билет свой бинокль и мы, немного отъехав назад, стали рассматривать цепь красных в поле перед лесом. К этому времени прискакали и все наши, и мы все вместе стали прикидывать силы красных. В тех цепях, что мы видели перед собой в поле, их было не больше трехсот. Но левое крыло цепи уходило за лес, и его нельзя было видеть, там могла быть еще сотня. Скорее всего, в лесу еще резервы, так что, наверное, тут батальон.

К нам подбежали несколько женщин, от страха не находящих себе место.

– Ради Бога, солдаты, скажите, в нас тоже будут стрелять?

– Нет, нет! В вас никто не имеет права стрелять, – пытаемся успокоить перепуганных матерей.

– А если выстрелы услышите, так все ложитесь в избе на пол!

Спокойно разворачиваемся и собираемся уезжать. И тут Вит, который все это время стоял поодаль и внимательно следил за той частью леса, по краю которого нам возвращаться в Параты, срывается с места, как будто по нему начали стрелять, и влетает на коне прямо в нашу гущу:

– Ребята, мы окружены!

– Где?

– Со стороны Парат!

– Спокойно, господа, только спокойно! – разумно советует нам Билет.

Край леса, вдоль которого нам возвращаться в Параты, впереди где-нибудь в сотне шагов. Он в самом деле густо обсажен цепью красной пехоты, которая пошла бы дальше к деревне, если бы не речка. И мы, и они видим друг друга прекрасно. И хотя стояла жара, было похоже, что особого желанья промокнуть у красных нет, и поэтому они перекрикиваются на том берегу и пытаются найти место помельче. Этим промедлением мы и воспользовались, чтобы укрыться за каким-то срубом и быстро решить, что нам делать. Винтовки сняли с груди и приготовили, а коней горячили, слегка пришпоривая, чтобы в любую секунду были готовы пойти галопом. Кинуться в сторону Ивановки нельзя. Цепь красных с той стороны уже подходит к деревне. Решаем, что надо все-таки идти к Паратам прямо под носом красной пехоты за речкой и будь что будет. Иного выбора уже просто не было. Пока не раздадутся первые выстрелы, поедем шагом, а за деревней, как только повернем вправо в поле, перейдем на галоп, чтобы поскорее уйти на расстояние недостижимости выстрелов. В той стороне в поле стоят три ветряные мельницы, за ними, если потребуется, мы можем отлично укрыться. Кроме того, один другому обещаем, что если будет кто-то из нас ранен, или под кем-то падет конь, то за ним обязательно вернемся, пусть и ценой жизни. Никто никого не оставит. Здесь, в чужом краю, где мы сами по себе, мы и полагаемся можем только сами на себя, не можем никому верить, кроме самих себя, и можем надеяться только на себя и на помощь своих. В такие минуты мы всегда чувствовали, что значит вера в нас самих. Если бы с нами в Белой был целый батальон казанцев, мы так на него не полагались бы, как нас восемь полагались сейчас один на другого. Да, совсем иное дело, если бы в таком положении оказался

всего лишь один из нас. Тогда он бы об одном думал, как вернее всего подорвать себя ручной гранатой. Но нас восемь и Билет, который с нами сжился, а мы с ним, и он девятый.

Шагом выезжаем из укрытия и не спускаем глаз с пехоты, которая кричит у леса.

– Сюда, сюда! Эй, здесь! – зовут один другого, показывая, где мелко. По телу пробегает легкая дрожь от напряженного ожидания первого выстрела и готовности тотчас же перейти на галоп.

Изб пять нам оставалось проехать до конца улицы, когда справа из-за самой дальней вынырнула перед нами группа конных. Они и мы разом остановились. Полминуты, а может быть и целую минуту стояли мы молча друг перед другом и вглядывались один в другого. Было их на одного больше, чем нас, и по удивительному совпадению, и у нас, и у них был конь белой масти. У нас это кобыла Вита. Но то, что это были большевики, не было ни малейшего сомнения.

– Черт бы их побрал! Вылезли на нас. Окружили! – негодовал маленький Юнг, который всегда волновался за своего такого же маленького, красивого жеребчика больше, чем за себя самого.

Конники, стоявшие пред нами, ни на что не решались. Две казацкие пики, которые мы сегодня нашли брошенными в лесу и подобрали, принадлежали кому-то из них или каким-то их товарищам. Сейчас в наших руках эти две пики нам придавали вид казачьей большевистской разведки. Да и формой мы никак не отличались друг от друга, а наши бело-красные ленточки на фуражках с такого расстояния не разглядеть. Может быть, мы другая партия верховых, приданная охватному крылу, что слева от нас, и эти пытаются понять, так это или нет.

Больше ждать невозможно. Пехота слева уже переходила речушку и подходила к нам. Слышно было, как с той стороны командуют:

– «Vpirood! Vpirood!»

Билет повернулся к нам, словно хотел черпнуть в нас веры и храбрости:

– Прорвемся, господа?

– Господин, поручик, галопом прямо на них, а то будет поздно! – в ответ воодушевляем и его, и себя.

Билет делает пару шагов вперед, останавливается и бодро кричит колеблющимся кавалеристам:

– Кто вы?

– А вы кто¹? – отзываются в свою очередь на той стороне.

Для разведчиков в этой партизанской войне одна из больших сложностей – невозможность с уверенностью определить неприятеля до той минуты, покуда он не начнет в тебя целиться или же не сунет штык тебе под самый живот.

– Так подъезжайте ближе, что ли! Вы бабы там, или солдаты?

Эти слова Билета, произнесенные на чистом русском языке, да так громко, что и наступающая пехота их слышала, придали кавалеристам уверенности. Все же не может чех так чисто говорить по-русски. И конник на высоком белом коне поехал нам навстречу. Но, не доезжая двадцати шагов, остановился и вскинул винтовку, разглядев, наконец, наши бело-красные ленточки.

– Огонь! – не раздумывая командует Билет. Восемь щек мгновенно прильнули к прикладам, грохочет залп, у высокого белого коня подгибаются задние ноги, и к ним падает сам сраженный нами большевик. Один из его кожаных патронташей при этом подкидывает в воздух. Он взорвался от одной из наших пуль. Оставшиеся кавалеристы исчезают там же, откуда и появились.

– Галопом, марш, марш! – командует поручик.

В тот момент мы уже поняли, что уходить вправо в поле, как мы первоначально уговорились, означало бы снова выйти прямо на красных, которые с той стороны уже окружали деревню. А еще мы знали, что шагов за 500 отсюда дорога на Параты пересекает глубокое ложе пересохшей речки, тянущееся от самых Ключей. Если доскочим до него, мы спасены. Ничего иного уже не остается.

¹ Типичный диалог противников, одетых и вооруженных совершенно одинаково в этот период Гражданской. Именно такой или подобный встречается перед началом боя или бегства в каждом втором тексте того времени.

С винтовками в руках, и секунды не было перекидывать ремень через голову, чтобы повесить ее на грудь, с головами, зарывшимися в конские гривы, понеслись мы самым быстрым галопом к высохшей речке. Каждая секунда на вес золота.

Первоначальный щebet винтовочных выстрелов от края леса слился в один общий оглушающий грохот. На таком близком расстоянии свист пуль уже не слышен, зато звук самого выстрела бьет прямо в ушную раковину. Чувство такое, будто тебе рукою кто-то крепко врзал по уху. Песок, летящий из-под конских копыт, залепляет глаза, забивается в уши и хлещет прямо в распахнутую рубаху. И если бы не адский грохот выстрелов, над всем бы этим стоял стон коней, подгоняемых шпорами. А случись, чтобы кто-то из наших сзади был ранен и стал звать на помощь, никто из передних его бы не услышал.

Минуты, наверное, не прошло, как мы очутились в ложе высохшей речки. Проскакали еще чуток направо, подальше от линии красных и, не сговариваясь, без всякого приказа соскочили с коней.

– Все здесь?

Смотрим один на другого. Пара человек взбирается по склону, чтобы с берега высохшей реки посмотреть на дорогу, не остался ли там кто-нибудь раненый. Смотрим молча во все глаза минуту, две, три. Никого на дороге нет. Пересчитываем всех. Девять. Считаем еще раз, второй, третий. Невероятно! Мы все. Ни с кем ничего не случилось.

Теперь внимание на коней. Поправляем седла и осматриваем, нет ли ран. Кроме кровящих садин под ребрами от наших шпор, ничего ни у одного нет¹.

– А что с Юппом? Его не схватили красные?

Поручик смотрит в бинокль на дорогу к Паратам.

– О, нет, – говорит, – едет себе не спеша ваш Юппа к Паратам, да так, как будто бы и стрельбы не слышал. Даже не оборачивается.

Никто из нас и не надеялся, что мы так дешево отделаемся, и угеро-бродский² словак Хриб, известный весельчак, и тут расхохотался на всю округу:

– Ну, уж большевички³ теперь со злобы лопнут от того, как мы от них смылись.

Только невозможно понять, почему у красных не прекращается стрельба. Еще раз поднимаемся на край ложа и пытаемся понять, в чем причина. Пули, свистящие над нашим головами, не оставляют сомнений, что начали стрелять еще и цепи красных, наступающие на Белую с другой стороны деревни.

– Они теперь стреляют друг в друга, – становится нам ясно. – Все говорит о том, что мы их запутали, и они теперь атакуют друг друга.

Так оно и оказалась. Завтрашний день принес тому полное подтверждение.

Но сейчас нас это уже не касалось. Мы спустились с откоса сухого ложа к нашим коням. На дне мы позволили им идти шагом. Бешеным галопом мы их здорово загнали, пусть теперь хорошенько отдышатся. Славные животные. Сегодня нам всем спасли жизнь.

Так по дну речного ложа мы хотели дойти до леса, здесь уже подняться наверх и повернуть к Паратам. Между тем ложе становилось все мельче и мельче, и с каждым шагом было опаснее

¹ Далеко не все были так удачливы и неуязвимы, как разведчики отряда Мнехуры. Участник обороны Верхнего Услона Йожка Холуб в небольшой заметке «Чертова мельница» (Holub, Jožka Čertův mlýn. В кн.: Zeman, Adolf. Cestami odboje. V Praze: Pokrok, 1928. sv. Díl IV, s. 338) замечает: «Бои за Казань и за ее удержание были упорными и изнурительными. Не было ни минуты отдыха, и потери (убитыми, ранеными и больными) были значительными. В моих записях написано: 3-го августа выезжаем (2-я рота 1-го полка) на пароходе “Карамзин” из Симбирска в Казань. 138 штыков. В Казани к нам присоединятся двенадцать чехов, добровольцев из сербской роты, задержанной в городе. 8-го сентября в момент отступления от Казани численность нашей роты – 80 штыков».

² См. комментарий к главе «В тылу большевиков».

³ В тексте Мнехуры солдат употребляет весьма ходовое в среде чехословаков прозвище – bolšani.

идти, красные могут опять нас увидеть и открыть по нам пулеметный огонь. Но времени было вдоволь, поэтому мы остановились и решили дождаться темноты. Залегли на откосе и стали рассматривать Белую.

Много времени не потребовалось, чтобы стрельба у деревни прекратилась, цепи красных втянулись в улицы и наступила в природе Божья тишь и благодать. Никто из нас уже и не вспоминал, что совсем недавно речь шла о нашей собственной шкуре. Когда ни одной живой души не стало видно ни в полях, ни в самой Белой, мы подумали было о том, чтобы до того, как красные выставят передовой дозор, быстро подняться и доехать до леса. Но не успели мы сесть в седла, как увидели, что из деревни выезжает пушка. За ней вторая. Совсем рядом с тем местом, где мы накануне столкнулись с конниками, обе пушки останавливаются, кони отъезжают от передков, и начинается подготовка к стрельбе. По кому? По нам? Мы просто рядом. И если так, то нас просто размотят в кашу. На мгновение душа уходит в пятки. Смотрим, куда будут повернуты стволы. Огромное облегчение. Оба пушечных ствола направлены в сторону Ключей¹. В кого они там собираются стрелять? Там ведь никого вообще нет. Но проходит минута, и вечернюю тишину уже разрывают выстрелы из большевистских пушек, эхом отзываются взрывы в Ключах. С такой настойчивостью ведется стрельба по Ключам, что у нас зарождаются сомнения, а может быть там, в самом деле, наши? Может быть, подошло нам на помощь какое-нибудь подразделение из Казани? Иначе разве стали бы с таким упорством расстреливать русскую деревню, если бы не были уверены, что там противник?

Но, может быть, конечно, у командира красных в Белой сведения двадцатичетырехчасовой давности о Кане, группа которого еще вчера действительно была в Ключах. Сухое речное ложе тянется до самых Ключей, может быть из-за этого они решили, что мы уходили по нему туда к своим? А если сам Кая почему-либо из Парат вновь отошел в Ключи? Всех охватывает беспокойство.

До самой темноты обстреливали большевики Ключи, и мы все это время должны были прятаться в сухом речном ложе. В ночной темноте и прохладе наконец уже вышли из него и через поле без промедления поспешили в Параты искать своих.

*

– Кто идет? – остановил нас дозор Кани перед селом.

– Свои, свои! Разведка из Белой. Не стреляйте, ребята! – кричим в ответ во весь голос от радости, что Кая здесь. Дозор нас пропускает, и когда мы к нему подъезжаем, и ребята начинают расспрашивать, что нового.

– Что нового? – говорим. – Белую прямо сейчас у нас на глазах взяли большевики.

– А где Монаки? – спрашивают ребята. – Туда вроде бы тоже сегодня пришли большевики.

– Монаки? Монаки – это совсем с другой стороны, – сообщает Билет и показывает рукой, где лежат Монаки.

– Да, что за черт, куда нам теперь самим идти, когда они и перед нами, и за нами? – вслух начинает рассуждать какой-то вконец раздосадованный братишка. – Вы приезжаете с этой стороны и говорите: «Они за нами», вечером вчера другая ваша партия приехала, получается, с той стороны и тоже говорит: «Они пришли туда за нами». Да что это за дьявольщина?

– Да не горячись ты попусту, – приводит его в чувство другой брат, – Ну, так и должно быть, когда мы у большевиков в тылу. Всюду они и будут, и перед тобой, и за тобой.

– Ты сам посмотри, – теперь уже мы втолковываем разгорячившемуся братишке, – Вон там перед тобой Казань и все большевики, что на позициях перед ней. А повернись в другую сторону, так здесь уже большевички, что им спешат на помощь. И так оно и было все время, тут – перед тобой, а тут – за тобой, везде, куда ни глянь.

¹ Ключи – на северо-восток от Белой, а Параты на северо-запад.

– И перед тобой, и за тобой – везде эта красная сволочь! – рассуждая, повторяет за нами брат, голова у него висит, и в своей повернутой шинели он как пулеметчик, что словно груды земли, насыпанная у пулемета в мелком «окорёйку».

– Это по вам стреляла большевистская батарея? – спрашивает нас уже в селе наша собственная батарейная охрана, дежурящая у своих орудий.

– Нет, это они по Ключам!

– Прямо по Ключам! А там, что, кто-то есть?

– Сами бы хотели узнать, – отвечаем.

Известия, доставленные сегодня Кане его разведчиками, взволновали всю его группу. Со всех сторон обнаружилось движение красных сил. Ночь все провели в полной боевой готовности.

Планы рушатся

На следующий день (25 августа) пришлось Кане поумерить горячее желание скорее пойти на Романовский мост. Сведения о перемещении красных сил, доставленные вчера, были такого рода, что требовали самым внимательным образом оценить положение в тылу его группы, потому что сейчас создавалось впечатление того, что, начав атаку моста, он попадет в уже подготовленную ловушку.

Еще ночью наш отдел получил приказ с рассветом выступить для проведения разведки ближайшей местности вокруг группы. Партии Билета была поставлена задача сделать круговую разведку в направлении Казани через села Монаки, Ключи и до Ивановки, а затем попытаться пройти к Белой и вернуться в Параты¹.

– С такой сегодня к мосту не двинемся! – делились мы друг с другом сомнениями.

Параты еще спали, когда нас десять во главе с Билетом до первой утренней росы направились к Монакам. Монаки – это либо совсем маленькая деревня в двух верстах от Паратов в сторону Казани², либо расположенное несколько дальше уже большое татарское село, до которого почти 6 верст³. В маленькой деревеньке мы не предполагали кого-нибудь обнаружить, на таком близком расстоянии от нас красные едва ли могли расположиться этой ночью без того, чтобы это не заметили наши сторожевые дозоры.

Монаки – уже то, второе дальше село, только пробуждалось, когда наша цепь остановилась над ним на взгорке в поле. Село лежало под нами в романтической долине, противоположная сторона которой упиралась в заросший лесом склон холма. Мы какое-то время постояли, глядя вниз на село, пытаясь разглядеть хоть что-то выдающее присутствие в нем войск. Нет, в Монаках красных не было.

– Кто-то из наших вчера обознался. Где они тут большевиков видели? – пробормотал кто-то из нашей партии, и мы неспешно спустились в село, чтобы согреть себе еду. Вскипятили воды, всыпали в нее щепотку чая, достали по куску хлеба. Съели, выпили и отправились дальше в Ключи.

Дорогой через лесок мы выехали на поляну, покрытую кустами лесного ореха. Соблазн был велик на минутку остановиться и посмотреть, нет ли уже орехов, но два наших дозорных, двигавшихся впереди, подали нам знак остановиться. Без дополнительной команды мы растянулись в цепь и приготовили винтовки к стрельбе.

Прямо перед дозорными кто-то был.

¹ Около 20 километров при оговорке о неопределенности положения села «большие» Монаки, см. далее здесь же.

² Современная деревня Иманайкино находится в двух с половиной километрах на северо-восток от Парат. То есть это как раз две версты, из приведенного описания.

³ На Карте за Imanajkino – только обрез карты. На современных картах, приведенному описанию соответствуют как марийская деревня Утянгуш, так и Соловьевка в Республике Татарстан.

На лесной дороге на противоположной стороне поляны нерешительно вертелись на месте два верховых. Было видно, что они не знают, что им предпринять. Сейчас же уехать или все же выяснить, с кем имели честь встретиться. Кажется, они склонялись к первому.

Наши дозорные крикнули им по-русски:

– Кто вы?

Но ответа не услышали. На той стороне лишь продолжали нерешительно вертеться. Наши, разглядев, что за этим двумя конными никого больше нет, подъехали ближе и крикнули уже по-чешски:

– Мы чехи. А вы кто?

Оба верховых радостно пускают коней вперед и протягивают нашим руки. Подъезжают и все остальные. Это были связные из Казани, которых именно здесь мы меньше всего ожидали встретить. Оба русские. Еще не оправившись совсем от волнения, рассказывают:

– Вчера, «bratčí», мы целый день вас искали. Одна пара связных, которая должна была вас найти, не вернулась. Наверняка попали в лапы большевикам. Мы сами выехали ночью и избегали деревень. Думали, что вы где-то уже у Романовского моста, раз мы вчера здесь поблизости вас не нашли.

– А что нового в Казани? – хочется нам скорее узнать.

– «Ей», да, кажется, все плохо, как в городе, так и вокруг него, – говорит старший, старый казак с густыми, как будто солнцем выбеленными усами и бровями, на маленькой, живой лошадке под казачьи рогатым¹ седлом, что все вместе свидетельствовало о том, что этот старый доброволец пошел служить в белую армию по убеждению.

– А мобилизация идет? – спрашивает Билет.

– Какая «k čertu» мобилизация, господин поручик, – жалуется в ответ казак, – когда никому не охота из дома от бабы?

Больше мы с ними задерживаться уже не могли, выкурили вместе по папиросе, и все. Показали, где они смогут, не подвергая себя опасности, отыскать Каню, и разъехались каждый в свою сторону.

Ветерок со стороны Ключиц приносил запах горелого.

– Наверняка большевички устроили там вчера пожары своими мухобойками! – говорим между собой.

Долго и внимательно рассмотрев село издаലെка в бинокль, въезжаем в него, здесь действительно несколько изб сожжено большевистской артиллерией из Белой. Но пострадали не только избы. Тяжко ранены и простые жители.

– Это зверство – посылать снаряды и шрапнель на женщин и детей! – злятся на большевиков казанцы, которых с нами, не считая Билета, два. – Им, большевикам, все равно, как и чем хоть немного напугать чехословаков². Пусть даже при этом они наделают калек и среди своих приверженцев.

Мы направляемся к церкви, у которой заметили большое сборище народу. Стоят пред входом со своим батюшкой-попом. Большая святая икона в руках повернута в сторону Белой, откуда вчера по деревне стреляли пушки, и молятся об отвращении повторения напасти.

¹ Очевидно, автор имеет в виду две выступающие рукоятки, прикрепленные к передней и задней лукам – характерная особенность именно казачьего седла.

² Практика применения большевиками артиллерии в городах и селах, без всякой оглядки на гражданское население, началась вовсе не с чехов или Казани. См., например, описание подавления Ярославского восстания, 6–21 июля 1918 в кн.: Васильченко А.В. Ярославский мятеж. – М.: Издательство «Пятый Рим», 2018. С. 174: «Вся артиллерия работает, как легкая, так и тяжелая... И такая поднялась канонада, что за все время пребывания на фронте в русско-германскую войну я такой канонады на слыхал»; с. 3: «По большому счету к 1919 году город прекратил свое существование. Из живших в нем ста пятидесяти тысяч горожан осталось не более тридцати».

– Вот ведь дьявол! Уж не нас ли отгоняют? – шутим между собой. Но стало совсем не смешно, когда вскоре выяснилось, что дело обстоит именно так. День был воскресный, и у храма собрались мужчины, женщины, дети, чуть ли не все село. И едва лишь мы подъехали ближе, вся толпа повернулась к нам, иные женщины с молитвенно сложенными руками, и начали просить:

– «Ох», батюшки-чехи, не стреляете больше в нас, когда тут нет ни одного солдата!

Какие-то мерзавцы уже успели нас здесь очернить. Желая выяснить, от кого исходит это вранье, слезаем с коней и идем расспрашивать.

– Кто вам сказал, что это по вам вчера стреляли чехи? – начинает Билет выяснять у батюшки.

– Не знаем, можно ли этому верить, господин офицер, но конники, которые здесь были перед вами, утверждали, что это по нам стреляла вчера ваша артиллерия! – отвечает поп.

– А что это были за конники?

– Не могу знать, откуда они точно приехали, но были это большевики. Дали нам немного бинтов для раненых односельчан и утверждали, что это по нам вчера стреляли чехословаки.

– А сколько их было и куда уехали?

Тут уже разом заговорили все. И мы, наконец, со всей определенностью выяснили, что это была большевистская разведка силой в двенадцать верховых, которая приехала со стороны Белой. Появилась в семь утра, пробыла здесь очень недолго, отправила двух конников в Белую сообщить, что здесь, в Ключах, как вчера, так и сегодня никого нет, и уехала в сторону Ивановки. Раздали немного бинтов тем из местных, которых сами же вчера искалечили, и наврали, что вчерашнее безобразие устроили мы.

Мы не пожалели слов, чтобы переубедить селян и доказать, что большевистские конники лгали. Получилось это у нас очень хорошо. Под конец уже Билет добавил:

– Одно только это должно вас убедить. Большевистские пушки стреляли из Белой. И именно оттуда рано утром приехала большевистская разведка. Если бы вчера в Белой были чехи, то разведка бы приехала чешская. А вы сами видите, что мы приехали совсем с другой стороны!

– Да и вообще, чехи таких зверств никогда не совершают. На такое способны только большевики. Они же в Бога не верят, – продолжил Билет, видя, что перед ними православные со своим попом. – Вот и ведут себя, как скот, и убивают женщин, детей и священников, да, и все, что не может само от них отбиться.

– «Ох», они мошенники! Та еще сволочь! Те еще звери! – ругались вокруг.

– Если только будет такая возможность, приедем к вам с нашим врачом, – пообещали мы уже напоследок и распрощались с местными.

– Хорошо, что мы к ним заглянули, – говорили мы друг другу удовлетворенно, неспешной рысью уходя из Ключей к Ивановке. – А то эти большевики способны настроить против нас все села вокруг.

Какая задача была у красной разведки в Ключах? Нет сомнений, что большевики в Белой посланы для перехвата Кани. Как мы сами могли вчера убедиться, они полностью подготовлены для самостоятельных операций и имеют для этого все необходимые виды вооружения: винтовки, пулеметы, пушки и кавалерию. И способны атаковать Каню. Готовясь к этому, они отправили разведку в Ключи, чтобы выяснить наши силы и расположение, поскольку, судя по вчерашнему обстрелу, полагали, что мы там. Разведка большевиков нас не нашла в Ключах, поэтому, предположив, что мы отошли, поехала нас искать в Ивановке. Там также нас не найдет, и с этим вернется в Белую, и тогда нас уже начнут искать где-то еще, вполне возможно в той стороне, где сейчас и находится Каня. А это значит, может быть уже завтра нам предстоит неминуемый бой. В любом случае сегодня через Белую нам домой не пройти, потому что там красные. Не исключена и встреча с их разведкой, если она станет возвращаться домой той же дорогой, через Ключи. Но возможно и другое, красные передвигаются из Белой через Ивановку в сторону Казани, и тогда разведка, которая недавно здесь была – это фланговое охранение.

И тот и другой ход событий мы всерьез рассматривали, когда удалялись от Ключей. В полях между Ключами и Ивановкой пахал мужик. Счастливая возможность еще что-то для себя прояснить. Подъезжаем к нему и останавливаемся.

– Откуда ты, – на чистом русском обращаются к нему наши казанцы. Хотя по нашим ленточкам на фуражках мужик сразу понял, кто мы такие.

– Я из Ивановки.

– А когда уехал из дома?

– Я? Да сегодня, – отвечает, и понукает волов в упряжке пахать.

– Подожди, подожди! Ты должен стоять, когда с тобой разговаривает офицер! А то так тебе распишу спину, что будет жарко! – уже грозит ему нагайкой кто-то из наших казанцев, поняв, что мы наткнулись на человека из враждебного стана.

– Не видишь, работы у меня непочатый край! Мне хлеб поважнее всей вашей войны! – отбивается мужик.

– Да, как не видеть, проклятый безбожник. Сегодня Божье воскресенье, никто не работает, один ты в поле. А ну, говори, были утром у вас какие-нибудь солдаты?

– Не знаю. Я не видел!

– Что, и кавалеристов, которые мимо тебя проехали, тоже не видел?

– Да некогда мне смотреть по сторонам!

– Может быть, ты и нас сейчас перед собой не видишь, осел? – на рубашку мужика уже сыпались удары нагаек, от которых он скулил и дергался, как пес.

– Были бы большевиками, ты бы иначе, наверное, разговаривал, ублюдок!

Нам это избиение не нравилось, но если бы мужик так себя вел с большевиками, нет никаких сомнений, что они бы его просто уже пристрелили. Совершенно ясно, что разведка большевиков прошла мимо него, потому что следы копыт ее коней были отчетливо видны на дороге, и шли они поверх следов от копыт волов. Это говорило о том, что большевистская разведка прошла здесь, когда мужик уже был на поле, и не видеть ее он никак не мог.

– Он за большевиков? – спрашиваем, уже отъехав. – Похоже, таких тут предостаточно среди местных в деревнях.

– К сожалению, господа, к сожалению, – подтверждают казанцы. – Эти наши дураки простых вещей не понимают. Потом первыми вспомнят про нас и заплачут, да будет поздно!

Ивановку мы уже хорошо изучили и знали, что уже издали из полей она очень хорошо вся просматривается. Но открыто это делать нельзя, куда неизвестно, где сейчас та разведка большевиков, что шла в село перед нами. Трое из нас спешились и незаметно подобрались к самой околице, остальные в ожидании знака медленно ехали сзади. В селе никого не было. Когда мы въехали на сельскую площадь, от которой начинается дорога на Бишню, то по обилию следов поняли, что пару часов назад тут прошло и проехало целое войско. Приступили к опросу местных. Здешние татары дали самые точные сведения. Рано утром через Ивановку прошло большое армейское подразделение с пулеметами, двумя пушками и эскадром кавалерии. Пришло оно со стороны Белой и ушло в направлении Бишни. Подтвердили они и то, что следом за ними приехала из Ключей небольшая конная команда, которая, узнав дорогу на Бишню, тут же отправилась догонять основную группу. Не возникло никаких сомнений, что это были уже знакомые нам большевики из Белой, их численность, согласно сведениями местных, могла составлять человек 600. Это существенно больше, чем все силы отряда Кани. И уже сегодня они выйдут к нам в тыл.

– Совсем нас уже не боятся, – шутим с горечью висельников, – так и прут на Казань, не глядя на то, что мы у них тут в тылу.

– А, впрочем, все это пустяки, – сами же себя успокаиваем. – Вот отберем у них мост, так они все разом за нашей спиной и разбегутся.

Был уж полдень, и мы сделали остановку для еды и отдыха. С едой было тяжелее всего. Последний раз горячий, только что приготовленный обед прямо с кухни мы получали в Сухой

Реке¹. С той поры мы без остановок только и мотаемся от села к селу. Утром уходим, а вечером, когда возвращаемся к колонне, ничего нам уже не остается, кроме все тех же консервов и чая. В хлебе не было недостатка, и по вечерам нам его давали свои, и в селах, случалось, предлагали кусок лепешки к чаю, не было только ни разу горячего, только что приготовленного обеда. И сегодня, поскольку до вечера у нас было много времени, попросили мы в одной из изб сварить нам «boršč» – капустный суп с мясом, очень популярный в России. Заплатили за него «chazajke» сахаром.

В Ивановке таким образом мы пробыли достаточно долго, и затем уже хорошо знакомой дорогой направились в Белую. Тут нас ждало много интересного. Едва мы выехали на улицу, на которой вчера столкнулись с большевистскими конниками, нас сейчас же узнали местные. Стали выбегать из изб и приветствовать. Сгрудились вокруг нас и закидали вопросами, все ли мы живы и здоровы?

– Все, все! – отвечаем, – ни у кого даже волос с головы не упал!

– Ну, значит, вместо вас досталось нам! – начинают тогда рассказывать люди. – Посмотрите только на эти расстрелянные избы и выбитые окна. И хорошо бы, если бы только это.

И дальше пошел рассказ о вчерашнем наступлении красных на село.

– Как только те, что шли от леса, стали в вас стрелять, так та цепь, что наступала с другой стороны, принялась стрелять в ответ. Решили, что те, у леса, чехословаки. И так они долго стреляли один в другого. А вы как раз успели в это время счастливо ускакать. И только когда обе цепи, и с той, и с другой стороны, уже вошли в село, красные поняли, с кем воюют. Стало им, наконец, ясно, что стреляли они один в другого. Было у них четверо раненых, кроме того кавалериста, которого вы сами сбили с коня. Этот получил от вас несколько пуль в живот. Его сразу же осмотрели и перевязали, но он все равно кончился. Тогда вся их злоба вылилась на нас. Оказались мы виноваты в том, что не сказали им, что чехословаков в деревне нет, и не надо стрелять друг в друга. Да кто же при такой стрельбе мог бы выйти из дома, чтобы что-то сказать?

– Начались допросы. Хотели знать точно, сколько вас было, кто с вами разговаривал, откуда вы приехали, куда уехали, как вообще выглядите, какие у вас кони и какое имеете оружие. А что мы им могли ответить? Вы же с ни с кем тут и не говорили. Только красные не могли в это поверить, что за полдня мы и словом не обменялись, и вот смотрите, что они нам за это сделали.

«Mužik» стягивает с себя косоворотку, нижнюю рубаху и показывает бурые рубцы от ударов нагайки.

– Но это еще пустяки, – продолжает рассказывать дальше. – Это я еще легко отделался. А вон в той избе, – показывает нам, – сходите посмотрите сами, со вчерашнего дня лежит «chazajin» в горячке, так они его отделали, а его жене, что просила отпустить мужа, выбили прикладом зубы. Еще одного из наших избил в кровь, объявили контрреволюционером и увезли в их штаб в монастыре. И все за то, что не хотим сознаться, что с вами говорили. Он уж из монастыря не вернется. Уж мы знаем, что эти паршивцы его застрелят!

Женщины вокруг нас утирали слезы передниками. Но чем мы могли помочь этим хорошим людям, и что пообещать, зная отлично, как нас тут у Казани и мало, и если еще больше красных будет подходить, то и нам самим уже несдобровать.

– Такое у нас черное выдалось воскресенье!

– А еще к вечеру мы им должны были еще скосить десятину моего овса, – жалуется другой мужик. – Дескать, им нечем кормить коней. «Och», сукины дети!

Задержали нас местные в Белой до самого захода солнца. Сели мы вместе с ними в одной хате, нагрели «kurjatku» и попили чая. Мы поделились своим сахаром, и избитому еще собрали между собой и послали немного сахара и заварки.

¹ Дата выхода из Сухой Реки, согласно главе «Снова против красных», – 21 августа. События текущей главы отнесены к 25-му. Таким образом, разведчики без нормального обеда уже пятый день.

– Вы уж, «bratcí», прогоните от нас скорее большевиков! Вы «golubčící!» Наши защитники! – говорили местные на прощанье, пожимали нам руки и гладили наших коней.

– Выгоним их, граждане, очень скоро. Недолго будете ждать. Ваши придут нам на подмогу, и тогда будем гнать большевиков до самой Германии! – обещаем на прощанье и мы, хотя сами едва ли верим своим собственным словам.

Итог сегодняшней разведки: Казань куда как более опасное для нас направление, чем сторона моста.

В опустевшие Параты мы приехали уже в сумерках. Перед селом нас не задержал полевой дозор Кани. У пустого окопчика, где еще вчера лежали с пулеметом дозорные, мы остановились, некоторое время молча переглядываясь.

Что случилось? Почему Каня ушел из Парат? Может быть, он уже двинулся на мост? Но нас бы о такой возможности предупредили еще утром перед отъездом. Ну, будь что будет. С ружьями наизготовку шагом приближаемся к селу. Вытаскиваем из крайней избы старого чуваша и начинаем расспрашивать о наших.

– О, нет, никакого боя тут не было. Ваши отошли сами. А вот куда пошли, не знаю! – объясняет испуганный чуваш. И мы не сомневаемся в его словах, знал бы что-то большее, конечно, сказал бы. Пришлось расспросить еще несколько человек, прежде чем выяснилось, что наши ушли в направлении Ключей. Не задерживаясь больше ни одной минуты, поворачиваем туда. Дорогу уже знали так хорошо, что могли ехать лесом без особых предосторожностей. Сегодня мы осмотрели всю округу, и потому не опасались какой-то неожиданной опасности со стороны большевиков.

Въехали в лес, и тьма нас обступила, словно мы въехали в туннель. Краткий сегодняшний сон и целый день в дороге так нас утомили, что в ночной тишине леса сами собой у всех головы начали клониться к седлам. Слышалось лишь фыркание коней, да иногда, когда слишком резкий шаг коня кого-нибудь выведет из полусна, тот, словно желая убедиться, что не потерялся, спрашивает:

– Ребята, спите?

И чей-то голос пробурчит ему в ответ:

– Ну, да! Отстань!

Из этой дремоты, едва мы въехали в густую чащу с высокими деревьями, нас вывел рев, раздавшийся и справа и слева от дороги.

– Стой, стой! Кто идет?

– Ну, ну, не валяйте дурака, ребята! – кричим в ответ, после первого легкого испуга.

Это оказался дозор Кани. Целая команда окопалась чуть дальше, там, в лесу.

Начинаем искать штаб. Видим, светятся огни наших походных кухонь, где греют «купјаток», чуть дальше слышно, как что-то тяжелое падает на землю. Приглядываясь, при свете походных фонарей наши пушки готовят к стрельбе. То один, то другой взвод, затылок в затылок, пробегает мимо нас среди деревьев.

– Что происходит? Куда вы все собрались, ребята? – спрашиваем вполголоса.

– Вы, что не знаете? Будем наступать на Белую, – отвечают нам.

– На Белую? Но там же никого нет! – удивляемся мы.

Билет пошел искать Каню, чтобы ему доложить о результатах сегодняшней разведки, а именно то, что группа красных сегодня отошла из Белой ближе к Казани и во всех деревнях округи больше никого нет. Тем временем мы сами встретили других наших разведчиков. Завели разговор с Ханаком и его ребятами. И услышали удивительные вещи. В этот самый вечер отправился уже Ханак с несколькими верховыми на разведку в Белую. По времени почти сразу после того, как мы сами оттуда уехали. Направились они туда не столько высматривать большевиков, сколько нас самих. Узнать, были ли мы там или нет, и не случилось ли с нами какой-нибудь беды. Перед самым селом встретил их огонь красных, которые у околицы копали «окорѣіку». С той минуты все решили, что мы попали в руки красных. Ну, а Каня уже этой же ночью хочет выбить этих красных из Белой, чтобы они не оказались у него за спиной при атаке на мост.

Тем временем Билет вернулся от Кани и все сказанное ребятами подтвердил, одновременно с этим отдал приказ снова садиться на коней и ехать назад в Параты, поскольку при атаке на Белую наша партия должна будет охранять правый фланг Кани.

– Давайте только возьмем немного горячей воды на кухне заварить чай, господин поручик, и овса для коней, – просим у Билета.

– Ладно. Ночь холодная, согреемся чаем, и сразу на свое место, – разрешает Билет.

Не прошло и получаса, как наш отряд снова дремал в седлах в лесной темноте, медленным аллюром идя назад к Паратам.

Эти бесконечные круги очень не понравились нашим казанским офицерам. Та пара, что кроме Билета была с нами на обратной дороге в Параты, не скрывала своего крайнего недовольства:

– Никому вообще нельзя верить. Наше начальство в казанском штабе нам гарантировало, что больше десяти дней мы в поле не будем. Через десять дней нас отзовут назад в Казань. Между тем мы уже четырнадцать дней вне дома, а об отзыве никто даже не вспоминает. Это по меньшей мере бессовестно.

Напрягаем слух, вслушиваемся в эти речи, и не можем как следует понять.

– А что, в вашем штабе полагали, что за десять дней все под Казанью будет уже кончено? Ну, и даже если так, разве вы не собирались идти с нами на Нижний? – сон смежает веки, но вопрос очень интересный.

– Нет резона, господа, сейчас гадать, где в нас возникнет нужда, когда большевики будут отсюда изгнаны. Особенно сейчас, когда для удержания нашей власти нужно организовать мощную армию, офицеры будут нужны везде, как соль на кухне, не говоря уже о том, сколько потребуется гражданских специалистов, которых сейчас везде не хватает, для организации дел на освобожденных территориях.

«Все тот же неизменный журавль в небе!» – рассуждаем уже каждый про себя. Сколько уже мы слушали речей об этой их мощной армии. И если вместо этой армии и дальше будут лишь речи русских о ней, то в один прекрасный момент дождутся все эти фантазеры, что им уже чехословаки скажут:

– Сыты мы этими вашими разговорами!

И что тогда?

...

В Паратах Билет решил, что в первую очередь нужно сделать обыск в избе бывшего комиссара, чтобы проверить, не вернулся ли он ночью домой. Это бы означало то, что красные поддерживают с селом связь, и утром могут сюда нагрянуть.

В избе, в которой мы подняли на ноги семью комиссара, начался настоящий бедлам. Дети, которых оказалось четверо, с мамой наперегонки такой рев и такие мольбы на нас обрушили, что только утвердили в предположении, что большевик дома и они хотят его отбить. Со всей тщательностью осмотрели мы халупу, но комиссара в ней не нашли. При этом результат успокоил нас в гораздо большей степени, чем перепуганную семью. Тогда жене комиссара мы пообещали никого в доме не трогать, а самому старшему мальчику, подростку лет пятнадцати, предложили табак на самокрутку. Паренек, который неизвестно курил ли уже или еще нет, табак взял, сигарету скрутил, и все смотрел на нас, словно пытаюсь сам для себя выяснить, в самом ли деле мы такие плохие, или только вид делаем.

Расположились мы в удобной избе у чувашей. В самом селе мы оставили двух дозорных. Параты – трудное село для организации наблюдения. Прямо через него, деля на две части, проходит глубокая промоина. Поэтому дозорные должны выставляться и на той, и на другой стороне.

Чувашка заварила нам чай и согрела консервированный суп. И уже светало, когда, накормив и напоив еще и наших лошадей, мы прилегли возле них на гумне, чтобы, пока все тихо, немного вздремнуть.

*

Но из забывтья у седел под яблонями у гумна нас скоро вывели наши дозорные. В утренней мгле, в полях, возникли две фигуры, которые осторожно приближались к селу. Нас несколько человек незаметно по-пластунски выдвинулись на засаженное поле навстречу эти двум, и стали ждать...

Предполагали мы, что это как раз комиссар, который возвращается домой, узнав, что чехословаки из Парат ушли. Фуражки мы развернули ленточками назад и ждали, когда идущие подойдут совсем близко. Когда они уже были в паре шагов, вскакиваем с винтовками наготове:

– Стой! Руки вверх!

Оба замирают, как пораженные громом. От страха не способные даже поднять руки.

– Бросайте оружие! – кричим по-русски, потому что, хоть и нет у них в руках винтовок, но в карманах могут быть револьверы.

– Нет никакого! – едва выдавливает из себя один.

Идем к ним и осматриваем. Оба молоды, одеты в хорошо уже поношенную военную форму. При внимательном рассмотрении видно, что форма офицерская, пошитая у портного из очень хорошего материала, на плечах следы от срезанных «рогонов», и таких сапог, как у них, мы никогда не встречали у рядовых земляков. Все это дает надежду, что это не большевики. Смотрим револьверы в карманах. Находим лишь узелок с сухим хлебом.

– Кто вы? – спрашиваем.

Молчат.

– «Věloarmějci»?

Снова молчат.

– «Krásnoarmějci»?

Опять молчание. Оба бледны, и видно, как отчаянно они сами хотели бы, никак себя не выдавая, понять, кто мы.

– Не бойтесь нас, господа! Мы чехословаки, – открываемся мы и поворачиваем к ним наши бело-красные ленточки на фуражках. Невозможно выразить радость этих людей. Обнимали нас и благодарили Господа, что с нами встретились. Это были два бывших офицера царской армии. Несколько дней назад бежали из дома от верной смерти. Большевики их собирались арестовать как контрреволюционеров. Оба тут же скрылись и ночами пробирались к нам в Казань. Угостили мы их консервами и чаем и отправили в Ключи к Кане.

*

Утром к нам приехал Дивишек, привез мешок овса и немного прессованного сена. А еще новость о том, что атака Кани на Белую отражена. У нас есть убитые и раненные.

С рассветом также стали грохотать пушки у Осинова и Туры. Днем, сидя на стоге сена у гумна, мы смотрели в сторону Казани, и линии огня точно указывали расположение отдельных участков фронта. В тот день и Осиново, и Тура просто обратились в пепел. А в лесах между ними мы видели, как бушуют огромные пожары.

Сидим на стогу вместе с Билетом, смотрим в тыл большевикам и пытаемся сами для себя уяснить ситуацию. И не можем не видеть, что теперь имеем дело совсем не с тем войском, с каким еще недавно воевали в Сибири. Пока мы еще способны отбросить какие-то отдельные подразделения, разогнать разведывательные дозоры и атаковать, как этой ночью Каня, какие-то неприятельские силы, но все это больше не приводит к тем результатам, которые были привычны в Сибири – красные больше не эвакуируются в панике, едва лишь услышат залп наших пушек, и отовсюду к нам прибегают гонцы сообщить, что путь свободен. Теперь все иначе. Есть ощущение, что нынче мы имеем дело с регулярной армией, в которой есть уже определенная дисциплина. Но что особенно важно – этой армии много, очень и очень много, много больше, чем то, что мы видим во время своих разведок. И ее гонят вперед. И Белая тому пример. Вчера вечером пришли, и утром уже двинулись дальше, на Казань, и даже не стали выяснять, что там, в Паратах, а вечером

уже новое подразделение идет через Белую и опять на Казань, и вновь никакого внимания не обращая на присутствие группы Кани.

Если же вновь обратить взгляд к Казани, то справа, со стороны леса, где белеют строения монастыря, там отовсюду, от одного края земли к другому, доносятся звуки непрерывной ружейной пальбы, и сотрясается воздух от разрывов далеких и близких пушечных снарядов. Именно там, где над лесом висят облака дыма и пламя сжирает два русских села Осиново и Туры, находится Хасал со своей горсткой бойцов из каких-то трех неполных рот. Сегодня, можно не сомневаться, красные их просто топят своим численным превосходством.

– Хм, хм! – бормочет себе под нос Билет и вздыхает, не отводя от горизонта свой отличный бинокль.

– Как думаете, господин поручик, тяжело нашим придется сегодня у Осинова? – спрашиваем его, видя, как лицо нашего командира делается все мрачнее и мрачнее. Мы все полюбили Билета. Он был офицером в полном смысле этого слова. Образованный, храбрый, но при этом очень разумный, далеко не всегда одобрявший иные наши слишком горячие порывы, очень хорошо знавший окрестности Казани и говоривший с нами без обиняков обо всей казанской операции, от которой не ждал каких-то великих сюрпризов. Все тогдашние защитники Казани, все, кроме, пожалуй, чехословаков, связывали свои надежды на успех с именем Каппеля, русского полковника, воевавшего на правом берегу Волги под Свияжском. Ежедневно слышали мы с той стороны рокот пушек, и когда уже трудно было на что-то уже надеяться, начинали и мы верить, что русские на другой стороне Волги под водительством Каппеля все-таки добьются успеха, который будет, наконец, их собственным.

– У Осинова? – говорит Билет. – Полагаю, по тому, как там все сейчас разворачивается, придется уже задуматься и Кане!

– Кане?

– Да, конечно, это и непосвященному должно быть ясно, – начинает объяснять Билет. – Первое, если сегодня красные отгонят Хасала от Осинова, это будет означать одно, их там во много раз больше, чем наших. Кроме того, таким образом они существенно сократят линию своего фронта, северный полукруг у Казани заметно сожмется. И на этой сокращенной линии еще сильнее начнет сказываться их значительное численное превосходство. Ну, а второе? Второе тоже очевидно. Круг у Казани сожмется так, что оттуда к нам уже и мысль не проберется с каким-нибудь посланием, не то чтобы какая-нибудь рота на подмогу. Если же атаку на мост наши не будут поддерживать слева, то горстка людей Кани просто ничего не добьется. Что в этом случае остается? Только одно – пробиваться назад в Казань.

Именно в этот день (26-го августа) к нам пришло понимание того, что Казань уже сжата красным кольцом и группа Кани осталась сама по себе на милость судьбе. Отрезанную от своих, ее может спасти только удача, которая до самого прихода в Казань нас не оставляла.

Сегодняшняя осечка Кани у Белой словно открыла нам глаза.

– А где все-таки русские? – спрашиваем мы друг друга. И в самом деле, кроме нескольких казанских офицеров в наших собственных рядах, мы до сих пор не видели ни одного сколько-нибудь многочисленного русского формирования. Припоминаем Билету жалобы, которые мы слышали от его русских товарищей ночной дорогой, и говорим, что подобное выглядит просто неуместным в той ситуации, в которой сегодня оказалась Казань, да и все противобольшевистское движение.

– Да, многие из этих с удовольствием бы всю войну провели, прогуливаясь по городским бульварам, в блестящих сапогах, да с красивыми барышнями, – зло отвечает Билет.

Молча уже сидим на стогу и вслушиваемся в канонаду у Осинова, и от того, закончится ли она в нашу пользу или нет, зависит теперь исход всей операции чехословаков у Казани. Не удержим Казань, нас большевики тогда выгонят и из всего Поволжья. И что потом?

– К нашим-то хоть сможем вернуться? – сам себя спрашивает кто-то на стогу.

И словно в ответ ему где-то сзади нас раздается выстрел. Один, другой. Мы бросаемся к коням, затягиваем подпруги седел и ждем в полной готовности известий от наших дозорных. Это

Пиндюр¹ стрелял в большевиков. Приехали со стороны Зеленого Дола² на повозках, без всякого даже переднего охранения. Не считали нужным его иметь, и, действительно, чего им опасаться в глубоком тылу? Пиндюр в пятидесяти шагах от себя остановил первую повозку:

– Стой! Кто идет?

– Свои, свои, не стреляй, товарищ! – отвечают красные.

– ...я тебе покажу «свои», прошельга! – и первым же выстрелом Пиндюр сваливает одного, а вторым – ранит другого. Большевики с повозок бросаются враспынную, чтобы уже за ними растянуться в цепь и пойти на нас в атаку. Их так много, что обороняться нет смысла, поэтому мы уходим из Парат, оставляя большевикам в виде трофея мешок овса. Каню мы нашли в Ключах и там переночевали.

Начало конца

На следующий день (27 августа) вновь ожил фронт у Осинава. Огромные массы красных продолжили давление на Хасала и отодвинули его позиции еще ближе к Казани. Это отступление решило и судьбу группы Кани. Стало совершенно ясно, что небольшая горстка его людей никаким образом не может изменить ситуацию, и сама оказываясь во все более и более ухудшающемся положении, должна просто позаботиться о себе самой.

Из новой разведки в Параты мы приехали с сообщением о том, что большевики ее вновь оставили, две другие партии наших конников также сообщили о безостановочном перемещении красных сил. На всех направлениях вокруг нас шло непрерывное движение большевиков от Романовского моста к Казани, окруженной ими уже со всех сторон.

Положение, в котором мы на сегодняшний день оказались, настоятельно требовало закончить нашу робинзониаду раньше, чем за нее придется сурово заплатить. Именно сегодня, когда еще оставался шанс для группы Кани пройти через центр фронта между собирающимися силами красных назад к нашим в Казань и таким образом избежать кровавой бойни, что станет неизбежной, когда ряды большевиков уже плотно сомкнутся. И, слава Богу, этот шанс не был упущен.

После полудня вся группа Кани, вместе с пушками, которые так и остались для нее скорее отягощением, нежели чем-то полезным, начала отступление. От Ключей на Ивановку, а оттуда лесом к Сухой Реке. Наша группа разведчиков вновь была разделена на несколько маленьких партий, которые со всех сторон, впереди, сзади и на флангах составили походное охранение колонны.

Наша партия шла медленным шагом впереди. Дорогу мы теперь уже знали отлично и заблудиться не могли, все было памятно в лесу за Ивановкой.

На лесном проселке далеко впереди возникли фигуры двух велосипедистов, забуксовавших в глубоком песке. Направлялись они в нашу сторону, а велосипеды толкали пред собой.

– Гражданские?

– Да где же вы видели гражданских на велосипедах? – говорит один из наших казанцев и наводит на велосипедистов свой бинокль. – Это солдаты, с карабинами на груди, и, конечно, это большевики. Наши из города ехали бы к нам на конях.

В любом случае, с нами они должны встретиться. Бежать им просто некуда.

¹ Пиндюр, Антонин (Pindur, Antonín, 8.01.1896 - ?), рабочий, сокол, взят в плен 21.07.1916, заявление о вступлении в ЧВФР подал в Дарнице 1.08.1916, прошел две войны и вернулся в независимую Чехословакию. Последнее звание в легионе – ефрейтор.

² Зеленый Дол – село и узловая ж.д. станция в современной Республике Татария. Возникло при строительстве железнодорожной ветки Москва-Казань в самом конце XIX века. От Парат до Зеленого Дола чуть больше 17 километров на юго-запад.

Задыхавшимся, залитым потом велосипедистам и в голову не могла прийти мысль, что здесь они могут повстречать кого-либо, кроме своих. Поэтому они спокойно посторонились, утирая пот и давая нам дорогу.

– Куда торопитесь, молодые люди? – сами останавливаемся возле них, готовые их тут же схватить, если вдруг вздумают кинуться в лес.

– Да в монастырь нам надо еще сегодня, черт бы его побрал! – отвечают, ловя воздух ртами.

– Мы отменяем вашу поездку! – соскакиваем с коней и отбираем у пары карабины. И только тут они сквозь пот различили ленточки на наших фуражках и стали оба белыми, как мел.

– Не бойтесь, – успокаиваем и того и другого, что от страха едва держатся на ногах. – Мы вас убивать не станем, как это делаете вы с нашими, когда схватите!

Они понемногу приходят в себя, а один и вовсе даже готов задираться. Просто не верит, что здесь, в тылу, где кругом одни только большевики, может идти маршем целая колонна чехословаков, и потому решает, что все это дурная шутка.

– Да что за чертовщину вы тут выдумали? Отпустите или доложите в штабе, что задержали, – начинает нас отчитывать. Пришлось навести на него его собственный карабин и пообещать, что он будет убит, если не закроет рот. Велели им идти с нами и продолжили движение.

Уже темнело, когда мы остановились в том месте, где сходятся дороги от Ивановки и Бишни¹. Было это уже совсем близко от линии большевистского фронта, и требовалось выяснить, какие еще есть проходы в нем и в каких направлениях.

К линии фронта направлены две партии наших конников. Задача одной – лесом дойти до Сухой Реки и там в ночи выяснить, кто в ней сейчас стоит, задача второй – доехать до хутора Выселки² и определить, как там располагаются позиции красных, вокруг которых или через которые надо пройти. Разведчикам, которые поедут к Выселкам, будет очень тяжело в темноте что-то увидеть, поэтому им придется, чтобы выполнить поставленную задачу, вызвать на себя огонь красных. Вот почему для отправки туда выбраны три самых быстрых коня. В свою очередь к Сухой Реке уходят шесть человек.

Сама колонна группы Кани расположилась в глубине леса по обе стороны дороги. В сумерках под деревьями собрались взводы в кружки и ждут, что принесет разведка. Разговоров мало, большинство просто молчит. Даже папиросы, которые курили всегда и всюду, даже во время полевых дозоров, никто не курит, и ничего не светится в лесной полутьме. Серьезность момента ощущают все. Мы в двух шагах от кольца большевиков, которое смыкается между нами и Казанью.

Если большевики уже в Сухой Реке, значит кольцо уже сомкнулось, и этой же ночью нам предстоит бой не на жизнь, а на смерть. Или мы пробьемся, или сидим здесь все вместе в последний раз как единый боевой отряд чехословаков, остаток которого в случае неудачи разбежится по лесу, чтобы потом в одиночку или вдвоем искать щелочки в большевистской цепи, через которые можно еще проскользнуть к нашим. Винтовки с примкнутыми шткыками у всех в руках, и все готовы в одну секунду подняться против любого, кто встанет на нашем пути назад.

Те из нас, кто не поехал в разведку, стояли или сидели у своих коней вокруг двух пленных, которые с напряжением ожидали, что будет дальше. Были в плену, но так близко от своих, что если бы начали кричать, то те бы их должны были услышать.

– Вот ведь проклятущая переделка! – бормочет себе под нос длинный Кадлец по прозвищу Капелька. – Кто у кого в плену, бес поймет. Мы этих двух стережем или они нас?

Тем временем со стороны Выселок раздаются первые выстрелы. Сначала редкие, а потом все более и более частые. Весь наш лагерь пришел в движение. За каждым деревом – человек с

¹ Согласно Карте, в книге Мнехуры от Ивановки до этого перекрестка дорог должно быть приблизительно 12 верст. До Сухой Реки еще 15-16 верст на юго-восток...

² Согласно Карте в книге Мнехуры, от перекрестка дорог до Выселок что-то около 6 верст прямо на юг.

винтовкой, готовый ко всему. Пули свистят над нашими головами между деревьев. Оба пленных приободрились и посматривают по сторонам.

– Ребятаки, – еще раз решительно им объясняем, – только попробуйте куда-то двинуться, тут же останетесь без головы.

В это время на взмыленных лошадях возвращаются наши от Выселок. Все целы.

Позиции красных от нас далеко, у самых уже Выселок. Это была для нас отличная новость. Еще бы разведчики из Сухой Реки принесли такие же хорошие вести. Ребята вернулись оттуда незадолго до полуночи. Им пришлось в лесу дожидаться полной темноты, прежде чем войти в село. Подобрались к одной из изб, в окне которой мелькали силуэты солдат. Ко всеобщей радости они оказались нашими казанцами. Красных в селе не было. Ее оборонял лишь маленький отряд казанцев. Никого больше из наших там не оказалось. Немедленно вся колонна снялась и в обход Выселок двинулась к Сухой Реке. Движение с пушками не самое быстрое, но после полуночи мы уже благополучно вступили в Сухую Реку.

*

Из всей группы Кани, кроме нас, ежедневно выезжавших на разведки и так обеспечивавших спокойствие всех, никто так и не понял, какие опасные маневры мы совершали в тылу большевиков. Теперь, когда мы выскользнули из клещей красных, можно было наконец выдохнуть. Хотя особенно радоваться было нечему. Неприятеля, который еще вчера был у нас за спиной, уже завтра нам придется встретить лицом к лицу, и если при этом у нас самих за спиной будут греметь выстрелы где-то в Услоне или у казанской пристани, много легче, чем тогда, когда мы находились в Паратах, нам не будет.

Пехота уже спала, когда мы еще кормили наших лошадей и в «jizbě» у самовара поджидали новостей, которые принесет с собой Билет, который пошел к казанцам, чтобы выяснить, как обстоят дела.

Хасал отнесен уже к самой Сухой Реке на возвышенность с засеянными полями, под которыми мы как раз вчера и шли от Выселок. Наше счастье, что было облачно и темно. В ясную ночь передовые дозоры Хасала могли бы нас заприметить, и, не узнав, открыть по нам огонь. Что происходит в тылу, в той стороне, где Кадышево¹, никаких точных сведений. И завтра мы должны туда пойти на разведку, чтобы выяснить, нет ли там противника. Ничего хорошего не мог нам рассказать Билет и о ситуации в самой Казани. За целую неделю, что мы отсутствовали, оттуда не пришел сюда ни один солдат. О какой-то такой освободительной войне тогда идет речь, ни казанцы не понимают, ни мы!

*

На следующее утро (28 августа) все, кто находился в Сухой Реке, были разбужены выстрелами двух пушек, которые с рассвета открыли огонь по тем полям на возвышенности, где, как нам сказали, именно сейчас должен был располагаться Хасал со своим батальоном. Как это понимать? Пушки Кани обстреливают эти позиции по недоразумению? Или этой ночью Хасал снова отступил и его место заняли красные? Никому и в голову не пришло, что эти две пушки могут быть не нашими, а большевистскими, потому что звук был такой, словно располагались они у самой нашей околицы.

Между тем нас девять человек под командой Билета выехали в сторону Кадышево, чтобы разведать, нет ли там красных. Заодно мы хотели остановиться у ведущей огонь батареи и выяснить, в кого они, собственно, стреляют. Направлялись мы прямо на звук выстрелов. Выехали за село, но ничего там не увидели, кроме цепи казанцев в поле. Те нам показывают, где батарея. Едем в ту сторону. И видим еще одну цепь, которая уже залегла и приготовилась стрелять по нам.

¹ Кадышево – некогда село, а ныне часть Авиастроительного района Казани. От Сухой Реки до Кадышево чуть больше трех километров на северо-восток.

– Господи! Да это же большевики. Назад, ребята! – кричит кто-то из нас, и вот мы уже галопом летим назад в село. Провожают нас винтовочные залпы и стрекот пулеметов. Поднимаем всех на ноги. Невыспавшиеся, измученные ребята выбегают из изб с одними винтовками и патронами, все остальное свое бросая как есть. Наши повозки начинают уходить на Караваево¹. Мы сами едем к Кане, чтобы доложить, откуда наступают красные, и получить дальнейшие указания.

Заговорили и наши собственные пушки. Ребята держат оборону села, кто, где и как может. Прицельные выстрелы по фигурам в поле за околицей тут и там раздаются между домами. Между тем пушки неприятеля переводят огонь с полей на наше село.

Командный пункт Кани у церкви. С первого взгляда видно, что он не утратил ни грамма своего хладнокровия. Свинец шрапнели ударяет по колокольне. Каня остается на месте и продолжает управлять боем. Нам он приказывает оставаться в Сухой Реке, пока из нее не уйдет последняя наша повозка и последний солдат.

Мы прячемся за избами и, не слезая с коней, стреляем по большевикам, цепь которых в поле начинает останавливаться. Командир наступающего отряда еще вчера имел совершенно точные сведения, что Сухую Реку обороняет лишь небольшой отряд казанских добровольцев, которые после пары залпов убегут или сдадутся. Поэтому он и начал атаку на правый фланг батальона Хасала, расположившегося у Выселок, прямо через Сухую Реку. И те две пушки, которые мы считали нашими, были пушками большевиков, обстреливавшими Хасала. В успехе красные не сомневались, так как одновременно с атакой через Сухую Реку должны были начать наступление на Хасала и большевики у Выселок. И три наших неполных роты уже ничего не могли бы противопоставить такому напору при таком численном превосходстве противника. В результате оборонительные рубежи на левом берегу были бы прорваны, остатки наших сил должны были бы стянуться уже к самому городу, и его падение оказалось бы вопросом нескольких ближайших часов.

Однако неожиданное ночное возвращение Кани в Сухую Реку перечеркнуло все планы красных. Решительный отпор его группы привел большевиков в полную растерянность. Одиночный, но точный огонь со стороны села заставил наступающую цепь остановиться, а когда в контратаку на них пошло подразделение пеших разведчиков прапорщика Питнера², а затем еще и со стороны Караваева рота 1-го полка, то красные побежали. Неожиданная контратака так их напугала, что они нам оставили на поле боя в виде трофеев 11 пулеметов, обе пушки, что с утра привели нас в такое недоумение, и часть обоза с разного рода припасами. С обозом были также взяты и пленные. Они сообщили, что обоз предполагал уже сегодня ночевать в Казани, а также то, что всем солдатам, участвовавшим в наступлении на город, была обещана награда сверх того, что станет их собственными трофеями в Казани. И был это 1-й Полтавский полк в составе 1200 человек с пулеметами и пушками.

Так группа Кани в этот день задержала падение Казани, к сожалению, всего лишь на несколько дней.

*

На следующий день (29 августа) мы устанавливали связь с ближайшими к нам нашими частями, а Хасал со своей партией был направлен на разведку лесами в сторону Бишни. Там он обнаружил свежую группу красных, направляющуюся к Сухой Реке, чтобы после вчерашней неудачи усилить своих.

В последний раз перед тем, как кольцо красных вокруг нас окончательно сомкнулось, мы ходили к ним в тыл 30 августа. Задача была выяснить расположение сил у Щербаково, куда

¹ На Караваево – то есть прямо на юг к Казани. От Сухой Реки до Караваево чуть больше двух километров.

² Pitner. Идентификация затруднительна. В КЛ нет сведений о чешском офицере с такой фамилией. Нет данных и о русском офицере с фамилией Питнер в списках сайта <https://www.ria1914.info/>

большевики отошли после своего неуспеха и где собирались с силами для нового мощного удара по казанской обороне.

Казанские офицеры, едва лишь они оказались вблизи своих семей, немедленно испросили «коротенький» отпуск, чтобы навестить своих. Кто-то немедленно покинул нас, а кто-то через пару дней. Не удержался от соблазна и Билет, и тоже «ненадолго» собрался домой. Впоследствии, оказалось, что расстались мы с ним уже навсегда.

По этой причине в последнюю разведку нашу партию из восьми человек вел Ханак. У Кадышево мы прошли редкие «окорбику» наших, и направились прямо в село, за которым повернули на Ковали вдоль правого крыла красных, располагавшихся в лесу перед Щербаково. Либо мы сами сможем, зайдя в их тыл, разведать их позиции, либо нам удастся схватить кого-то из красных солдат, и он нам расскажет о расположении своих лучше, чем кто-либо иной.

Передовой дозор у села предупредил, что лес дальше на возвышении у Кадышево опасен, потому что оттуда время от времени стреляют, когда заприметят кого-то из наших.

Мы проехали Кадышево, перескочили через низкую оградку для скота у околицы, и очутились перед тем самым лесом, о котором говорила наша пехота. Как мы не старались что-то разглядеть в нем, ничего подозрительного не обнаружили. Весь склон небольшого хребта, который тянется далеко за Кадышево, здесь покрыт лесом. У самого подножья бежит дорога в Ковали. И мы отправились дальше по ней. Если большевики прячутся где-то наверху, едва ли они смогут удержаться и не начать по нам стрелять. В этом случае мы разбежимся веером влево в поле. Около версты мы проехали вдоль леса, никто не стрелял. Мы уже совершенно уверились в том, что в лесу никого нет. Может быть, туда время от времени заходят отряды красной разведки и это они стреляют в наших. Мы приняли решение взять вправо и поехать через лес в гору, с вершины которой, как мы предполагали, можно будет увидеть Щербаково и позиции красных возле него.

Между тем лесной гребень во всю свою длину до самого Кадышево был занят красными, которые просто не выдавали себя и не трогали нас, пока мы не удалялись от их позиций. Мы же, ничего не подозревая, направили своих коней в густые заросли вверх. Красные и тут себя не выдали. Очевидно, они хотели пропустить нас через свою цепь, а потом просто закрыть нам путь назад. И тут мы видим пулемет в кустах, буквально в двух шагах впереди. Пулеметчики припали к нему и готовы к стрельбе.

– Назад!

Это конец! Просто невозможно, чтобы с такого расстояния пулемет всех нас разом не смел. Мы кидаемся врассыпную вправо и влево и летим вниз, думая только о том, чтобы наши кони не сломали себе ноги, а мы сами не свернули шеи.

Застрочил пулемет. Потом умолк. Мы уже на некотором отдалении от него. Снова коротко та-та-та... И опять тишина. Мы уже понимаем, что пулеметный расчет нас потерял из виду. Перескакиваем через дорогу, по которой приехали, и кидаемся в небольшой овражек рядом. В нем хотя бы на несколько мгновений скроемся с глаз. Пулемет опять начинает стрелять. Овражек оказывается совсем маленьким, и в нем под прицелами красных мы оставаться не можем.

– Ребята, выбираемся, и ходом через поле до леса на той стороне! – в такие минуты и не знаешь, кто из нас отдает команды. Но в пятистах шагах от нас впереди край другого леса.

Поднимаемся по склону оврага, и летим по полю веером к дальнему лесу. Теперь по нам начинают стрелять уже из винтовок. Но эти нам не страшны. Попасть из винтовки в такую цель, как быстро едущий всадник, можно, только если очень повезет. Мы уже были достаточно далеко, когда снова застучал пулемет, пули засвистели над нашим головами, и впереди запрыгали фонтанчики пыли. А вот это уже опасно. Мы прямо на линии прицела пулеметчиков. Расходимся, как можно дальше вправо и влево от нее, еще пара скачков, и вот мы уже скрываемся в лесу. Заходим поглубже, останавливаемся и оглядываем друг друга. Хотя и знаем, что мы все вместе, потому что даже на лету не теряли один другого из вида.

– Здесь задерживаться тоже нельзя. Тут наткнемся на красных, которые вчера шли в нашу сторону от Бишни, – говорит кто-то из ребят, ходивших вчера в разведку к Бишне. Это означало еще один быстрый галоп из леса, через небольшую долинку к позициям наших, которые из своих укрытий видели как на ладони всю эту охоту большевиков на нас. Только заехав уже за первые «окорѣіку», мы находим место, где можно спешиться, наконец, и осмотреть наших взмыленных коней и нас самих.

Одному из коней, мерину в красивых красных пятнах, досталось. Словно кто-то ткнул его вилкой в бок, от которой осталась маленькая кровавая дырочка между передними ребрами. Пуля из тела не вышла, потому что дырки с другой стороны мы не нашли. Он еще побегал пару дней, а потом все равно пал. Всем нам было очень жаль красивого мохнатого мерина, которого так любил и холил его хозяин.

А еще одному из наших братьев прострелили фуражку. Он на радостях совал ее всем нам, чтобы мы посмотрели, и при этом как мог чихвостил большевистского пулеметчика.

– Этого неумеху никто больше к пулемету не подпустит. Это же надо, иметь нас перед собой в десяти шагах и упустить! – весело говорил он, вертя фуражку в руках всю дорогу, пока мы неспешным шагом возвращались в Сухую Реку.

*

После этого настало затишье уже перед бурей. В разведках больше не было никакой нужды. Красные стояли перед нами одной спаянной цепью, и не было ни одной деревеньки в округе, которой бы они не заняли. В их огромном численном превосходстве не приходилось сомневаться¹. Если бы нас была хотя бы половина того числа красных, противостоявших нам в конце августа у Казани, никакая помощь от русских бы просто не потребовалась. Сейчас же, если русские не пришлют нам на помощь хоть сколько-нибудь существенные силы, Казань будет потеряна, а это изменит положение всего пока еще нашего Поволжья². Теперь, когда путям снабжения и пополнения от Романовского моста к Казани уже ничего не угрожало, против накатывающей лавины большевиков стояла лишь горстка наших людей, рдеющая буквально на глазах³. И надежды на подкрепление никакой.

Наш отдел расположился в Караваево, откуда удобнее всего было выполнять задачу организации связи между группой Кани в Сухой Реке, батальоном Хасала слева от Караваево, и штабом казанского фронта в самом городе.

К сожалению, общение с казанским штабом и обитателями города не слишком воодушевляли на продолжение тяжелой обороны, которая день от дня казалась все более бессмысленной из-за равнодушия обывателей и негибкости воинского командования.

Казанскому штабу, по обыкновению, достаточно быстро удалось организовать несколько подчиненных штабов с массой офицеров, которые должны будут командовать батальонами и полками противобольшевистской армии. Но только солдат для этих полков и батальонов собрать все не удавалось. Когда же, наконец, смогли каких-то ребят из окрестных сел заставить явиться по мобилизационным повесткам, русские с головой погрузились в строевую подготовку на плацу у казармы, по-прежнему предоставляя нам, чехословакам, право гнать

¹ Согласно данным книги, далее – Энциклопедия (Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / редколл., гл. ред. С. С. Хромов. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 251–252) силы Левобережной группы 5-й армии РККА составляли – 4 тыс. чел., 19 орудий, 58 пулеметов.

² «Ровно через два дня после падения Казани (10 сентября) был сдан Симбирск. 13-го Вольск и 16-го Хвалынский» (Najbrt, Václav. Rozlet a rozlom sibiřského bratrstva. Brno: Moravský legionář, 1936, s. 115).

³ Точный подсчет сил белых на левом берегу затруднителен, но с учетом цифр, приводимых самим Мнехурой, а также данных книги комиссара первого полка Лангера (Langer, František. Za cizí město. Irkutsk: Inf. osvět. odbor čsl. vojska na Rusi, 1919, s. 41–43), можно говорить максимально о семистах или восьмистах чехословаках и примерно ста пятидесяти казанских добровольцах. То есть превышение сил на стороне красных было действительно многократное.

большевиков ко всем чертям, в надежде, должно быть, что их собственное участие в этом деле и не потребуется. И всякий день, когда с депешами мы подъезжали к штабу в казанском кремле, мы видели одну и ту же картину на площади перед кремлем: несколько перепуганных татарских парнишек усиленно обучают ходьбе «na městě!». И возле этих мальчишек, содрогавшихся от страха, когда где-то на ближних позициях взрывался снаряд, стояли группки местных богачей и блестящих офицеров с барышнями, рассматривавших в бинокли передовую. И было такое ощущение, что для казанских сливок общества происходящее – нечто вроде невиданного спектакля, на котором «oficírsci» в безукоризненной форме подробно разъясняют своим подружкам, как располагаются линии обороны. И от этого нам начинало казаться, что весь наш кровавый казанский поход устроен лишь для развлечения вот этих самых казанских щеголей и богачей.

Как мы ходили в казанские армейские склады

Из казанских военных складов день и ночь вывозили все, что только можно было вывезти. Но выглядело это как попытка вычерпать воду из моря. Несметные запасы по-прежнему казались нетронутыми. При этом из уст в уста передавались разговоры об отчаянном воровстве, которое там царит. И стали мы думать, раз уж так, может быть, и нам что-то может достаться. Красть мы, конечно, ничего не собирались, просто решили, что если там столько всего, что и вывезти нельзя, то, может быть, и нашему подразделению будет позволено без особых препятствий получить то, что нам необходимо из вооружения. Покуда же ничего кроме винтовок и сабель у нас не было вообще, а для успешных разведок нам бы очень кстати пришлось пара легких пулеметов, также револьверы, кроме того длинные пехотные винтовки хорошо было бы заменить на кавалерийские карабины, которых, как говорят, в Казани огромные запасы, ну, и очень нужны хотя бы два-три бинокля, которых у нас в отряде не было ни одного, и выручали нас до сих пор только казанские офицеры. А на разведке бинокль – первая необходимость.

В один из дней затишья у большевиков собрались мы трое (еще Ханак и Скленаж¹) и поехали на казанские армейские склады. Написали нужное «trebovánie», подписали у командира подразделения, заехали на пристань, взяли с собой Дивишка с повозкой и прибыли. Нас, конечно, предупреждали, что «снабжением» всей нашей армии занимается специальная служба, но что с того? На казанских складах столько добра, думали мы, что можно нам дать в два раза больше того, что мы просим, лишь бы только не досталось большевикам.

На армейских складах мы проехали через несколько больших дворов, прежде чем нашли здание управления, и в нем потыкались еще в несколько дверей, прежде чем нашли собственно дверь управления казанскими армейскими складами. Первому же русскому офицеру, который нас в канцелярии принял, мы показали наше «trebovánie» и еще дополнительно объяснили, почему приехали прямо с передовой, не дожидаясь того, как все необходимое получим от нашей собственной службы снабжения. Офицер замотал головой, дескать, так делать нельзя, и в любом случае все, что чехословакам необходимо, они получают по единственному требованию через свою собственную службу. Но потом смягчился и добавил, что сейчас сходит поговорит еще с «Jeho Vysokoblahorodiem», то есть начальником склада. После чего «Jeho Blahorodie» действительно ушло к «Jeho Vysokoblahorodiu» в соседний кабинет, вернулось через пару минут, и подтвердило, что ничего для нас сделать нельзя. Но если мы желаем, то можем сами попытаться объяснить дело «Jeho Vysokoblahorodiu». Конечно, попытаемся.

¹ Возможно, Скленаж, Карел (Sklenář Karel, 29.12.1888 – ?), бухгалтер, сокол, взят в плен 06.09.1914 под Равой-Русской в Галиции. Вступил в ЧВФР 04.05.1917. Прошел две войны и вернулся в независимую Чехословакию. Это единственный из десятка Скленажей в КЛ не только служивших во 2-м полку, но и со всей очевидность кавалерист. Последнее звание в легии – ефрейтор.

«Vlahorodie» отправилось с соседний кабинет вместе с нами, чтобы нас представить «Vysokoblahorodiu». Дорогой очень тихо, чтобы не могли услышать другие «Vlahorodia», которыми просто кишело управление, оно нам стало объяснять, как следует обращаться к полковнику. Нам очень не понравилось то, что здесь офицеры обращались друг к другу так, как это было принято еще в царской армии. И между собой мы решили, что будем звать «Jeho Vysokoblahorodie» «господином», и наплевать, даст он нам после этого что-то со склада или нет.

Однако, «Jeho Vysokoblahorodie», когда мы вошли в его кабинет, не стал дожидаться никакого обращения, и сам нас приветствовал, не сказать чтобы самым сердечным образом:

– Вы, чехословаки, вечно от нас чего-то хотите. Сначала забираете все по единому списку, а после этого снова являетесь уже поодиночке и опять требуете что-то уже индивидуально. Что у вас за дисциплина?

– Господин полковник, – отвечаем ему, – у нас на передовой не хватает оружия, и мы не можем ждать, пока нам что-то придет общим порядком. Наш отдел конной разведки прямо сейчас нуждается хотя бы в двух легких пулеметах, карабинах, револьверах и так далее, – перечисляем все то, что мы запрашивали.

Тут полковник замечает, что мы обратились к нему, как к обыкновенному гражданину, и сейчас же начинает кричать:

– Да как вы вообще себя ведете? Ничего я вам не могу дать! В первую очередь мы должны помнить об интересах нашей собственной армии!

Это уже было слишком, если только припомнить, что мы добровольно пришли сюда положить наши «головушки»¹ за жизнь этого самого полковника, и не удивительно, что нас просто охватило бешенство, особенно после того, как «Jeho Vysokoblahorodie»хватило чем-то по столу и указало нам на дверь.

– А, вас заботят интересы вашей армии? Так покажите нам ее! Притащили из деревень силком пару хлопцев, и объявили, что это солдаты! – обрушили мы на голову «Jeho Vysokoblahorodia» уже без оглядки и русский, и чешский. Из соседних кабинетов тут же набегали всевозможные «Vlahorodia» и попытались нас вытолкать. Притащили даже нашего чехословацкого офицера, прикомандированного к складу, и плотно окружив нас, звали бунтовщиками.

– Что с вами, ребята? – пытался выяснить наш офицер.

– Приехали из Сухой Реки, чтобы получить оружие, которого нам не хватает, а нам его здесь не хотят давать, говорят, получите у своих. А мы не можем уже ждать. Нам все это требуется немедленно!

После чего уже наш офицер сам стал повторно объясняться с «Jeho Vysokoblahorodiem», которое все также повторяло:

– Вы и так уже получили достаточно!

В конце концов он нам все же подписал наше «trebovanie», но только в части, касавшейся нижнего белья.

Среди дворов мы нашли нужный нам склад и показали работавшему там офицеру нашу «bimagu».

– Если вы со своей повозкой, – сказал он нам, указывая, где и что можно взять, – заезжайте и набирайте сколько и чего хотите. Здесь уже никто не будет считать, сколько осталось и чего.

Описать богатство казанских складов едва ли возможно. Тяжело было просто поверить, что после четырехлетней войны, во время которой Россия одевала и вооружала всем необходимым двенадцатимиллионную армию, могли по-прежнему существовать нетронутыми запасы всего, что только могло потребоваться такой армии, от маленькой пуговицы для гимнастерки, до тяжелых крупнокалиберных пушек. Кажется, просто не существовало на свете вещи, которой бы в казанских складах не было.

¹ В оригинале чешское резкое разговорное слово kejhák – шея. Здесь буквально жертвовать жизнью.

Мы были просто потрясены таким изобилием. Мы сами себе казались чем-то вроде русских земляков-выпивохов, которых после четырех лет строго сухого закона привели прямо на винокурню и поставили перед полной бочкой спирта. Забыли мы все скандалы в канцелярии, и целыми охапками таскали все, что попадалось, на наш воз. А когда необыкновенно приветливый прапорщик сказал, что можно брать не только одно белье, но и что-то иное из нужного нам, то мы отнесли назад часть уже взятого и стали вместо него грузить на наш воз брюки, блузы и сапоги. Потом мы спросили у прапорщика, а нельзя ли каким-то образом все же получить и нужное нам оружие. Он сам нас завел в другое отделение склада, где уже тамошний офицер под все ту же нашу «vithagu» выдал седла и прочую сбрую. Заглянули мы и в оружейный склад, где все-таки попытались получить еще и два легких пулемета, револьверы, но здесь у нас уже попросили получить разрешение на все эти вещи в главной канцелярии. Возвращаться туда мы не уже не решились из-за боязни, что у нас отберут и то, что мы только что нагрузили на нашу повозку. Выехали мы на ней доверху груженной, но без того главного, ради чего приехали. Оружия нам так никто и не дал.

А всего через пару дней все оно, как и прочие огромные армейские запасы, которые оставались на казанских складах, оказалось уже в руках большевиков.

Трусливый город

К вечеру 6 сентября красные подобрались уже к самой Казани. Было очевидно, что группа Кани в Сухой Реке их больше не пугала. Большевистские цепи пошли от Выселок в лобовую атаку на позиции Хасала, угрожая еще и левому флангу Кани. Одновременно от Бишни в направлении Сухой Реки двинулись взводы, которые вблизи села развернулись в наступающие цепи. При этом и нашим передовым дозорам под напором красных пришлось оставить Кадышево. С наступлением темноты к Сухой Реке уже с трех сторон подступались густые волны красных, которые и взяли ее без единого выстрела. Подразделения чехословаков были выдвинуты к железной дороге и заняли позиции уж в непосредственной близости от самого города.

За этим последовало еще несколько горьких дней, когда у самых врат Казани самодисциплина, упорство, храбрость, выдержка и горячая любовь наших добровольцев к России были противопоставлены с одной стороны упрямо накатывавшемуся прямо на них потоку большевиков, а с другой – разлитому непосредственно за их спиной общему безразличию к интересам нации¹, безволию, лени и трусости русских, ради которых были политы кровью чехословаков поля на всем протяжении от Казани до самого Романовского моста. И в эти дни каждая из редких винтовок, что выглядывали из «окорблкú» наших солдат, была сосредоточением личного одиночного сопротивления красным, и против каждого они могли поставить десять своих солдат, да еще и пулемет.

Группа Кани, до сей поры дошедшая без существенной убыли, немного укрепила и освежила ряды защитников нашего фронта, прореженные тяжкими, никак до сегодняшнего дня не восполняемыми потерями. Но это была лишь капля росы среди наводнения большевиков, которые уже видели пред собой на расстоянии протянутой руки свою главную добычу – Казань!

Наш конный отдел был все это время у самой линии фронта, продолжая выполнять роль службы связи. В самой же Казани командование ее обороной на всем левом берегу Волги было

¹ Здесь, помимо прочего, имеется в виду и то, что в рядах большевиков основной и главной ударной силой в ту пору были «интернационалисты». Латыши, венгры, немцы, и даже какое-то количество соблазнившихся чехов.

передано полковнику Швецу¹, который должен был сохранить те наши силы, которые еще можно было сохранить.

Несмотря на то, что сама линия фронта существенно сократилась, имеющихся в наличии войск совершенно не хватало для создания непреодолимой линии обороны города, судьба которого висела на волоске. Надежды, которые в части комплектования войск связывались с этим большим городом, оказались напрасными. Город, который сам по себе мог выставить армию, способную без всякой посторонней помощи гнать большевиков до самой Москвы, дал нам в помощь всего лишь несколько десятков своих добровольцев², энтузиазм которых, даже самых решительных, в конце концов сошел на нет, когда стало понятно, что за ними никто уже больше на фронт не придет.

Покуда большевики не пришли в себя после потери Казани с ее сказочными запасами армейских материалов и русского золота, и покуда не собрали столько сил, чтобы могучим ударом отбросить все то, что обороняло потерянные ими, обыватели Казани находились в плену сладких иллюзий и воображали себе какое-то несметное множество чехословаков, которые неизвестно откуда сюда явятся и с большевиками всегда разберутся. Неизвестно отчего, вообще, чехословаки им представлялись какими-то наемниками, для которых война нечто вроде работы. Покуда бои не начались в непосредственной близости от города, жители только и занимались тем, что говорили о помощи чехословакам, требовали мобилизации, расклеивали по городу вдохновенные плакаты с призывами вступать в народную армию и кичились один перед другим своим патриотизмом, но как только заговорили винтовки, то все моментально попрятались каждый в своей берлоге.

В эти дни группки богачей начали уезжать из Казани в сторону Урала, а люди менее обеспеченные не только не стали вступать в армию, но и боялись теперь произнести хоть слово против большевиков, предупреждавших в листовках, которые с аэропланов сбрасывали на город, а также устами своих агитаторов, наводнивших Казань, что любой обнаруживший хоть какую-то симпатию к чехословакам будет повешен сразу после взятия города.

Мобилизация, объявленная казанским штабом, не могла вызвать ничего, кроме смеха. У штаба не было ни власти, ни сил, чтобы добиться исполнения своих собственных приказов. Результат оказался ничтожным. Только из ближайших к Казани сел татары, чуваша, черемисы, башкиры отправили или были вынуждены отправить сотню-другую своих односельчан. Группки этих необстрелянных юношей, едва ли ни детей, зывали, скорее, к немедленному наказанию тех, кто пригнал их воевать, чем к тому, чтобы дать этим детям в руки оружие. Тем не менее, оружие им вручили и даже с грехом пополам объяснили, как обращаться с винтовками, и когда Казань пала, все эти подростки сейчас же разбежались по домам.

Обстрел города велся уже и с левого, и с правого берега Волги. Каппель, главная надежда казанцев, был полностью разбит на правом берегу и быстро отступал. В одном только бою он потерял до 600 своих людей и уже не был способен что-либо предпринять³.

¹ Это неточно, командование обороной Казани оставалось до самого последнего момента русским. Йозефу Швецу, который тогда был в звании поручика, в самом конце августа решением на это уполномоченного комиссара Поволжского фронта Вацлава Найбрта было передано командование всеми чехословацкими частями в Казани, как на правом берегу, так и на левом, включая северовосточный Арский фронт, что сделало их независимыми от решений и действий русского штаба во главе с капитаном Степановым. Некогда другом и товарищем Швеца, и до того момента еще и командиром 1-го чехословацкого стрелкового полка (см.: Najbrt, Václav. Rozlet a rozlom sibiřského bratrstva. Brno: Moravský legionář, 1936, s. 110-111).

² Согласно данным комиссара Поволжского фронта Вацлава Найбрта (там же, с.109), в Казани было зарегистрировано около 6 тысяч бывших царских офицеров, которые дали фронту около 360 добровольцев. Воевавших, можно добавить, частью на левом, и частью на правом берегу Волги.

³ Та же самая цифра потерь приводится и в хронике 1-го взвода 1-й роты, 1-го чехословацкого полка (Fibich, s. 229.). Вместе с тем, согласно воспоминаниям непосредственных участников Свяжской

Начавшиеся обстрелы большевистской артиллерией казанской пристани заставили уйти наши пароходы, которым, тем не менее, успешно удалось спуститься по Волге до Камы, где они смогли стать на якорь у Лаишево¹. Окончательный захват красными Нижнего Услона² сделал невозможным наше отступление по Волге³.

Наши окопались вдоль линии железной дороги, которая от Савиново⁴ шла перед⁵ городом через Пороховой завод⁶, Красную горку⁷, Займище⁸ и далее к Романовскому мосту. Пороховой завод, на котором в ту пору было занято несколько сот человек, находился у нас непосредственно в тылу. В последние критические дни обороны Казани на нем началось восстание рабочих, которые хотели опрокинуть нас ударом сзади и соединиться с большевиками, стоящими в Сухой Реке. Восставших было человек триста. На завод была отправлена одна пушка, семь конников из нашей группы и взвод пехоты⁹. Восстание было быстро подавлено, но из осторожности приходилось теперь держать за нашей же собственной спиной дозоры, а нам вместо разведок патрулировать окрестности завода.

операции с русской стороны, подразделения Народной армии под командованием Каппеля отошли от Свияжска с боями, но не менее организовано, чем части группы Кани из-под Романовского моста. И по той же самой причине – утрата внезапности на фоне огромного численного и огневого превосходства противника. См., напр., очерк: Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Каппель и каппелевцы / Сост.: С.С. Балмасов и др. – М.: Посев, 2003. – с. 65. «В результате мы внесли большой беспорядок в тыл противника, перерезали железную дорогу, захватили большую добычу, но это и все... Отступление закончилось благополучно, но оно отняло два дня, и люди вышли усталыми от непрерывных боев и передвижений».

¹ Лаишево – город в современной Республике Татарстан на берегу Камского водохранилища. От Казани до Лаишево чуть меньше 60 километров на юго-восток.

² Нижний Услон – село на правом берегу Волги в современной Татарии. В 1918 еще и пристань. Расположенное на высокому берегу вниз по течению сразу за Казанской пристанью, село позволяло тому, кто им обладает, полностью контролировать водный путь от Казани и далее вниз по течению реки.

³ После захвата красными Нижнего Услона на правом берегу Волги, единственным способом покинуть окруженный с трех сторон город стал пеший или конный марш на Лаишево. Возможность, которой и воспользовался ставший командиром чехословаков Йозеф Швец. См. далее главу «С Богом, Казань!».

⁴ Савиново – поселок у самой северо-восточной окраины современной Казани, у железнодорожного моста через реку Казанку.

⁵ Автор смотрит на Казань с севера, поэтому дорога перед ним, а сам город в некотором отдалении (тогда, в 1918-м) уже дальше на юг.

⁶ Пороховой завод – до сих пор существующее предприятие. ФКП «Казанский государственный казенный пороховой завод». От ст. Савиново до ст. Порохового завода чуть больше 8 километров на восток с небольшим углом к югу.

⁷ Красная горка – ныне поселок в Кировском районе современной Казани. В 1918-м село и железнодорожная станция. С 1918-го Юдино, в честь погибшего в боях под Казанью командира бригады латышей Яниса Юдиныша, он же Ян Андреевич Юдин. От Порохового завода – чуть меньше 8 километров все также на восток с небольшим углом к югу.

⁸ Займище – в 1918-м самостоятельная деревня, ныне часть поселка Красная Горка, восточная его оконечность.

⁹ Краткое, но яркое описание восстания на Пороховом заводе, жертвой которого едва не оказался сам командующий казанским штабом обороны А.П. Степанов, по воле случая оказавшийся в соседствовавших с заводом Алафузовских казармах, в которые и пришли рабочие освободить мобилизованных, можно найти в записках: Зиновьев В.А. Борьба на Волге // Каппель и каппелевцы ... – С.101–105. Возможно, стоит процитировать заключительные строки его записок (с.104–105), чтобы не создавалось ложного впечатления о том, кто именно и как, собственно, подавил восстание. «К тому времени уже были посланы ликвидировать восстание на трамваях один батальон Чешского полка и подполковник Нечаев с двумя эскадронами. Опасались, что восставшие могут ударить в тыл нашим частям на фронте. Полковник Сушко отдал приказ стоящим поблизости батареям открыть огонь шрапнелью по местности, занятой повстанцами. Наконец, к позднему вечеру совместными действиями чехов и «нечаевцев» удалось ликвидировать восстание».

В те последние дни весь город пропах смрадным запахом пороха и экрзита¹. И только великая вера в себя еще поддерживала наши подразделения в окопах в готовности защищать город, который сам встать на свою защиту не имел никакого желания. Большевицкая артиллерия угрожала нам как спереди, со стороны Сухой Реки, так и сзади, со стороны Волги. В любую минуту мы ждали известия, что красные высадились на пристани и входят в город, а значит нам предстоит кровавая бойня на его улицах, если мы хотим вырваться из этого ада.

В окрестностях Порохового завода находится белый монастырь². Просторная, широкая крыша под куполом колокольни давала возможность нашему артиллеристскому наблюдателю давать указания батарее, которая стояла под монастырем на болотистом берегу реки Казанки. Наш конный отдел располагался на дворе прямо в направлении стрельбы этой батареи. Батарейцами приходилось подкладывать широкие доски под свои орудия и привязывать к ним колеса, чтобы после каждого выстрела не вытаскивать пушки из трясины. Вправо от этого предместья в березовом лесочке была скрыта еще одна наша батарея, которая, начиная с полудня, непрерывно обстреливала позиции красных.

Та батарея, непосредственно перед которой располагались мы, еще до полудня послала красным несколько приветов. И тут же в ответ начали красные обстреливать шрапнелью колокольню и согнали с крыши нашего наблюдателя. После чего град выстрелов посыпался уже на саму батарею, расположенную на берегу реки. После четырех часов артиллеристской дуэли все предместье было в чаду от дыма снарядных разрывов.

У артиллеристов есть свой отважный фокус. Если непосредственно по ним открывает огонь неприятельская батарея и снаряды начинают рваться буквально под ногами, они не покидают позицию, а начинают стрелять еще чаще, чтобы у неприятеля создалось впечатление, что он стреляет мимо и его огонь наших батарейцев вообще не беспокоит. Не покинули свои позиции и наши артиллеристы, хотя все вокруг них и содрогалось от взрывов.

Напуганные жители ближайших домов не знали, что им делать. Нам самим тоже пришлось несладко. Едва только началась стрельба, мы стали укрываться, где и как только можно. Многие из жителей соседних домов прибегали и ложились возле нас. Некоторые женщины с детьми, казалось, совсем обезумели:

– «Rádi Boha! Rádi Christa», спасите нас!

– Ложитесь возле нас и ничего не бойтесь, – успокаивали мы их. – Там, где солдаты, снаряды не падают.

И тут же взрывом разносит ближайший дом и к нам в сад полетели щепки, куски и обломки бревен. Женщины стали терять сознание, а несколько наших коней, привязанных у деревьев, сорвались с привязи. Пришлось нам в этом бушующем море их ловить, чтобы они не наделали в саду среди людей еще большей паники. Между тем наши храбрые ребята-батарейцы выиграли эту артиллерийскую дуэль, потому что обманутые ими большевики перенесли свой огонь дальше вправо, полагая, что первоначально неверно определили положение наших орудий.

Наши немедленно перестали стрелять, а большевики еще с большим азартом стали бомбардировать предместье справа от нас. Дома на левом берегу Казанки разлетались, как карточные домики. Наш обоз, который стоял у самой проезжей дороги, переместился ближе к городу, а с ним и жители соседних домов.

Мы стряхнули с себя глину и побежали, чтобы хоть чем-то помочь, к дому, который подожгли большевики. Мы вытащили из него окровавленного, тяжелораненого деда, но потушить сам

¹ Экрзит – тринитрофенол, или пикриновая кислота. Мощное взрывчатое вещество.

² Вероятнее всего, речь идет о Зилантовском монастыре у реки Казанки (ныне Свято-Успенский женский монастырь на Зилантовой горе). Пороховой завод и Пороховая слобода располагались в 1918-м году сразу за рекой на противоположном от монастыря правом берегу Казанки.

пожар не было ни малейшей возможности. Воду для этого пришлось бы носить ведрами из реки, которая в эти минуты подвергалась непрерывному обстрелу. Мы выгнали все свои вещи из того дома, где мы сами стояли, потому что он находился в непосредственной близости от горевшего и сам мог вспыхнуть в любой момент. С местными ни о чем не говорили. Они были буквально не в себе и только тряслись от страха все то время, покуда над нами летали большевистские снаряды. Нашелся бы в тот момент здесь какой-нибудь подонок, мог бы забрать в их домах все, что только ему захотелось. Но в наших рядах такого рода гиенам¹, конечно, не было места.

Вскоре огонь и дым выгнали нас из сада. Ужас ада в это время уже распространился и на противоположный берег Казанки. Все предместье было одним Божьим наказанием. Еще утром, когда только началась стрельба из березового лесочка, испуганные обыватели потянулись прятаться в монастырь. Когда же красные открыли огонь по его колокольне, стали группками выбегать уже из монастыря и прятаться у домов. В конце концов бесперывные взрывы, пожары, несколько раненых местных превратили это маленькое предместье в большой ад, в котором среди свиста снарядов, грохота разрывов, в душившем дыму пожаров можно было только слышать отчаянные стечения обывателей, куда-то вдруг начинавших бежать без смысла и цели.

Среди подобного хаоса отлично себя чувствовали большевистские агитаторы, настраивавшие людей против нас:

– Вот видите, а не было бы чехословаков, стояла бы кругом лишь Божья благодать. А они пришли и принесли одно лишь горе. И что им, чужакам, тут понадобилось?

Не меньшую смуту вносили большевистские агитаторы и в ряды прямо сейчас формировавшихся подразделений из людей, которых казанский штаб второпях мобилизовывал и вооружал. Эти горстки солдат, с помощью которых казанцы надеялись изменить ситуацию и отправляли к нам на передовую и 7-го, и 8-го сентября, невозможно было отличить от большевиков. У солдат новой русской армии, точно так же, как и у нас, должны были быть ленточки на фуражках². Но едва лишь казанские новобранцы покидали казармы, они срывали эти ленточки из-за страха перед большевиками. Имея дело с ними, мы их отличали от красных только благодаря совершенно новой и чистой форме, которая еще «пахла складом», и еще по тому всеобъемлющему страху, с которым они шли на фронт. Тут и там попадавшийся среди них старый добровольец, назначенный командиром взвода или отделения, не мог никаким образом воодушевить этих детей татарских, чувашских и иных нерусских семей, еще неделю назад беззаботно улетающих дома мамыны ватрушки с творогом. Сегодня с винтовкой на плече, из которой они еще боятся стрелять, потому что из-за отдачи можно отбить щеку, они брошены под дождь шрапнели, в гущу снарядных разрывов, свиста аэроплановых бомб, треска винтовок и пулеметов, чтобы отдать свои молодые жизни за идеалы и принципы, о которых они до сей поры не имели ни малейшего представления. Бедные эти дети даже понять не могли, что это вдруг упало на них и убило товарищей, стоявших рядом, прилетело ли оно спереди, сзади, или же свалилось прямо с небес. И когда нам случалось с какой-нибудь срочной депешей ехать в эти наскоро сколоченные русские подразделения, мы видели этих ребят, сжавшихся в комок в своих окопчиках, голову едва ли не зарывших в землю, отдавших себя целиком на волю Божью и готовых при любой возможности бросить оружие, поднять руки вверх и бежать, прочь, прочь, куда угодно, только отсюда. Сто раз, двести раз мы слышали из их уст один и тот же неизменный вопрос, обращенный к нам или к их командирам:

- Уходим?
- Когда будем уходить отсюда, господа чехи?
- Еще не уходим?

¹ В оригинале прекрасное, но не прижившееся в русском слово «гиенизм / hyenismus» – «Takový hyenismus jsme však mezi sebou netrpěli / В своих рядах мы не терпели подобного гиенизма».

² Очевидно, русские, трехцветные.

*

Наш фронт уже не был сплошным, дыра на дыре. Как-то ехали мы с депешей к русскому отделу, который должен был располагаться на нашем левом крыле в лесочке у Порохового завода. Мы были уверены, что русские здесь занимают окопы у железной дороги, и поэтому ехали совершенно ничего не опасаясь. Подъезжаем к насыпи железной дороги, никого тут нет. Мы решили тогда, что русские решили передвинуться немного вперед, где были более удобные позиции. Перешли через пути и поехали дальше. Когда уже стал виден край лесочка, нам стало ясно, что никаких русских мы тут уже не найдем. Разворачиваем коней и вслед нам тут же гремят выстрелы. Это большевистский дозор, укравшись за деревьями, ждал, когда мы проедем мимо них, чтобы закрыть нам путь назад. Возвращаемся к насыпи и снова начинаем искать русских. Наконец, находим их намного дальше влево от того места, где предполагали первоначально найти. Таким образом, между нами и ними огромное пространство, где никого нет, кроме туда и сюда проезжающих связных. И подобных дыр в обороне было множество.

*

Сложившаяся ситуация исчерпала терпение чехословацких частей. Когда у себя за спиной над Казанью мы только и видели облачка шрапнели, о которой нельзя было сказать, откуда она прилетела, нет ничего удивительного, что и самые крепкие из нас стали роптать и спрашивать, почему тянем, чего ждем? Когда большевики начнут нам накидывать уже веревки на шеи? Делали свое дурное дело и тревожные новости, которые в последние дни приходили одна следом за другой, и не было возможности проверить, что в них правда, а что ложь. Говорили, что наших раненых оставляют на произвол судьбы, потому что казанские власть имущие захватывают наши госпитальные суда, что рабочие в городе поднимаются против нас, что большевики от пристани Нижнего Услона уже начали наступление на противоположную нашей сторону города, а то и вообще опрокинули наших на самой казанской пристани и входят уже в город. Одна подобного рода новость сменяла другую и не способствовала поддержанию боевого духа.

В конце концов оборона Казани стала просто невозможной. В дни, когда у Казани большевики собрали тридцать четыре тысячи отлично вооруженных бойцов¹ против наших едва ли достигавших тысячу двухсот, мы должны были расстаться с последними надеждами. Дни города были сочтены. Стало ясно, что удержать его уже нельзя. Просто некому это сделать.

В создавшейся ситуации полковник Швец объявил казанскому штабу, что в условиях, когда удержать город едва ли возможно, чехословацким подразделениям для продолжения дальнейшей борьбы нужен хотя бы кратковременный отдых. Таким образом, когда 8 сентября после полудня наши части начали уходить с передовой и их место стали занимать русские подразделения, составленные из собранных в спешке испуганных молодых людей, судьба Казани была окончательно определена.

Ну, а отдых, который нам устроили большевики, был именно такого рода, какой и заслуживали настоящие воины. Едва лишь наши части разместились в казармах, как над ними тут же появились и стали сгущаться облака неприятельской шрапнели, а следовавшие за ней уже снаряды безжалостно уничтожали все, что только находили рядом с казармами и в округе.

¹ Согласно данным Энциклопедии (с. 251-252), силы красных в начале сентября на трех основных направлениях удара – Левобережное (от Романовского моста), Правобережное (от Нижнего Услона), и северо-восточный Арский сектор составляли 11 тысяч человек. Любопытно, что Лев Троцкий в своих воспоминаниях указывает иные цифры, более близкие к цифрам Йозефа Мнехуры «С нашей стороны сражалось не больше 25-30 000 человек», возможно, имея в виду всю Казанскую группировку красных, включая резервы и иные части ближнего и дальнего тыла, а не только те ударные силы, что сосредоточились в начале сентября непосредственно для атаки города (Троцкий, Лев. Моя жизнь Воспоминания. – М.: Панорама, 1991. С. 390).

Наш конный отдел решил расположиться в здании находившегося поблизости цирка. Мы полагали, что таким образом будем избавлены от обстрелов. Но большевистский огонь накрыл настолько широкую округу у казарм, что не миновал и цирка. От взрывов вокруг на здание деревянного цирка свалилась часть соседнего дома и выгнала нас, заставив искать укрытие у стен других домов.

Стрельба продолжалась до самой ночи. С приходом темноты канонада стихла, и красное пламя пожаров, душные клубы дыма и смрад от взрывчатки придавали совершенно похоронный вид городу, в котором для белой власти уже звонили прощальные колокола.

С Богом, Казань!

Казанский фронт простоял без чехословаков не более 24 часов. На следующий день (9 сентября) мы снова выдвинулись к реке Казанке, чтобы удержать мосты¹ через нее, пока по ним не уйдут с фронта все русские части. Решение оставить Казань принято.

Группа Кани, уже без батареи и роты 1-го полка, последний раз, как отдельное формирование сошла у моста под Кремлем, чтобы выполнить роль в арьергардном охранении отступающих. Отход войск начался с наступлением темноты. Казанских офицеров в наших рядах уже не было.

Молча, взводами или небольшими группами, организованными и шедшими в полном беспорядке, одна за одной, с небольшими перерывами проходили мимо нас и исчезали во тьме казанских улиц подразделения белых. Их крошечные силуэты были смешной карикатурой на всем нам обещанную огромную, полную воодушевления и победного духа белую русскую армию, которая плечом к плечу с нами сметет большевиков и водрузит флаг славянского национального освобождения в Москве. Кроме нашего войска, не видели мы здесь с самого момента нашего противобольшевистского выступления вообще никакой иной армии, ни сибирской², ни союзной³. И единственное войско, которое имело право называться армией, были 34 тысячи стоявших сейчас перед Казанью большевиков, которые, не пройдет и пары часов, поднимут над Кремлем, что сейчас за нашей спиной, свой красный флаг.

В два часа утра уже 10 сентября мы получили сообщение о том, что 4-я рота, стоявшая на охране моста слева от нас⁴, отходит. Как раз в это же время мимо нас к кремлю прошла последняя группа белых. Тогда начала отход от реки и группа Кани, став таким образом последней из отступающих частей. Мы сами еще некоторое время пробыли у моста, готовые огнем встретить разведку красных, которая не заставила себя долго ждать. После того как последняя наша часть по всем расчетам должна была уйти уже на достаточное расстояние, оставили мост и мы, двадцать конных разведчиков, теперь уже совершенно точно самое последнее подразделение, прикрывавшее общий отход у Казани.

Дальнейшее отступление пароходами вниз по Волге было осуществить невозможно. Большевики уже высадились у южной конечности казанской пристани. Все, что лежит на при-

¹ В Казани в ту пору (до изменения всего и вся после заполнения водой Куйбышевского водохранилища) в черте города было два моста через узенькую Казанку. Один у Кремля и второй – восточнее, в конце Институтской улицы (ныне Толстого).

² Крепкие сибирские части совместно с чехословаками Радолы Гайды как раз в это время принимали активное участие в освобождении от большевиков Сибири и, в частности, ее восточной части до озера Байкал. Отчего и почему тогдашнее Временное Сибирское правительство не нашло общего языка с КОМУчем и, соответственно, возможности поддержать его Народную армию своим боееспособными частям, отдельный и грустный вопрос.

³ Речь о войсках стран Антанты, которые должны были высадиться в России и присоединиться к русским и чехам для общей борьбы с немцами на воссозданном Восточном фронте.

⁴ По всей видимости, речь о группе, охранявшей второй мост, на Институтской улице, если автор, конечно, смотрит на Кремль и город.

стани и в знаменитых огромных казанских армейских складах, вот-вот станет их добычей. Много богатых казанцев уже покинуло город, но большинство обывателей, настроенных противобольшевистски, все еще тешили себя надеждой на какое-то чудо, что вот-вот совершат чехословаки или Каппель. И даже когда падение Казани уже было вопросом ближайших часов, казанский штаб не постеснялся объявить гражданам города, что «Положение Казани еще не было никогда таким устойчивым, как сегодня. Огромные силы чехословаков подходят к Казани, чтобы...»... И т.д., и т.д.

Поэтому наше ночное отступление ударило как обухом по голове этих легковерных людей. Полуодетые, они выбегали из домов, останавливали нас, вертелись между конями и умоляли сказать правду, в самом ли деле мы оставляем Казань.

Чем дальше мы уходили от кремля в глубь города, тем больше становилось вокруг смятения и беспорядка. Шли мы самыми последними, и за нами могли явиться уже только большевики. Едва вступив в город, останавливаемся на углу какой-то улицы. В мутном свете фонаря два человека, подхватив под руки, тащат третьего. Все трое в форме, но видно, что в боях никогда не были. Тот, кого тащат, человек в возрасте, лет пятидесяти, возможно и старше, в очках. Доброволец. Узнав сегодня, что мы уходим из Казани, лишился чувств. Тащат его так от самого Порохового завода. На углу какой-то из ближайших улиц темнеет большая черная куча. Подъезжаем. Это ящики с винтовками из казанских складов. Как они сюда попали, не так уже и важно. Скоро их все разберут местные большевики. Надо уже сейчас глядеть в оба, чтобы не пропустить нападение из какой-нибудь боковой улицы. Дальше хаоса еще больше. Словно мошка, кидающаяся на свет, нас непрерывно облепляют повыскакивавшие из своих кроватей обыватели, и у всех один вопрос:

– «Požalujsta, gospoda Čechi», вы в самом деле уходите?

В полутьме улиц и тут и там мелькают фигуры куда-то убегающих солдат, и неизменно тут же поблизости обнаруживается и брошенное оружие. Это «отважные» защитники города бегут домой прятаться в своих кроватях. Внезапно слева из какого-то увеселительного заведения вываливается на нас целая толпа молодых мужчин и женщин. Как раз на нас троих, что ехали сзади отдельно, замыкая группу. Насели на каждого, будто осы, и требовали подтвердить, что это лишь «taktická peregrupírovka».

– Отогните их, ребята, – кричат нам спереди, – а то потеряемся.

Пришпориваем коней и без всякой жалости прорезаем эту толпу, которая начала беспокоиться об обороне своего собственного города, когда уже поздно. На все вопросы мы всем отвечали одинаково:

– «Něznájem!»

Возы и коляски, нагруженные всякой всячиной, люди с мешками и мешочками за спиной, все это стало переполнять улицы. Когда же первые утренние розовые отсветы стали прогонять покровы ночи, открылось перед нами невиданное зрелище. Казалось, вся Казань решила уйти вместе с нами. В направлении Лаишево, пристани на берегу Камы, шли вместе с нами люди всех родов и сословий. Пешком, на возах, верхом уходили из города мужчины, женщины, дети, старики, с тем малым, что можно было в спешке собрать и взять с собой. Отдельные воинские подразделения нужно было высматривать в массе этой волнующейся толпы, что насколько хватало глаз, текла и текла по казанской равнине вместе с нами к Каме.

С первыми лучами утреннего солнца со стороны Казани появился «аегорlап» красных, который облетел этот людской поток на всем его протяжении. Когда в полдень мы сделали остановку, чтобы поесть, в маленькой деревушке Столбище¹, прилетели еще три и начали сбрасывать бомбы. Деревня была в прямом смысле слова переполнена. Стоял жаркий

¹ Столбище – ныне большое село в Лаишевском районе современной Республики Татарстан. От Казани чуть меньше 20 километров по прямой на юго-восток. До Лаишево – немногим более 30 в том же направлении.

сентябрьский день, казанцы пытались найти хоть какую-то тень, чтобы в ней могли передохнуть хотя бы женщины и дети. Изб для беженцев не хватало. Люди заполнили дворы, гумна, края деревенской площади, даже обочины дороги далеко уже за деревней, все, где только можно было найти хоть какое-то укрытие от солнца. Мы остались посреди площади, не претендуя на те места в округе, где могли бы присесть и отдохнуть люди. Когда прилетели самолеты и начали бомбардировку, их всех охватила паника. Те, что были в домах, стали выбегать на улицу, а те, что были на улицах, кинулись в дома. Ругань, крики, плач детей и женщин мешались с треском наших пулеметов, отгонявших «аеро»¹. Красные сбросили девять бомб, восемь из них на деревню не упали, и взорвались в поле далеко за гумнами, но одна угодила в ток и убила двух местных, отца и сына.

Словно на посошок сходили еще девять наших конников на разведку к Казани, но ничего иного не могли увидеть, кроме красных флагов в городе, и выяснить, что опьяненные победой большевики не выступили еще за нами в погоню.

Три дня продолжался поход до Лаишева, к которому ушли из Казани наши пароходы. Ночью и днем с короткими остановками мы двигались вперед, сдерживаемые казанскими беженцами, что шли, смешавшись с нами, останавливались с нами для привала, ели, спали, шли опять, и всем этим мешали задать иной, более скорый темп, который и без того сбил сильнейший ночной ливень 12-го сентября, в потоках которого бесконечная колонна «povozek», реквизируемых для нашей пехоты, застревала в грязи, разрывалась, и вновь пыталась соединиться в темноте. До самого рассвета наше подразделение должно было ездить взад и вперед от одной к другой, искать потерявшихся и удерживать связь между всеми.

И как же мы обрадовались, когда, наконец, увидели нашего «Мефодия», стоявшего на якоре у лаишевской пристани, среди других пароходов нашей армии! И какое страшное разочарование принес вид этих же судов казанским беженцам. Имеющиеся в наличии каюты и палубы не могли принять всю эту массу, а казанский штаб ничего не сделал загодя, чтобы подготовить эвакуацию всех своих сторонников в случае отступления. Большинству из них пришлось остаться, вернуться назад и отдать себя на милость или немилость большевиков.

¹ Аеро /Аэро – достаточно распространенное сокращение той поры, см., например: Fibich Karel a Miloš Kašlík. Povstalci. Praha: Vydavatelství Za svobodu, 1933. sv. Díl 3, s. 134. (Nad nádražím objevilo se bolševické aéro /Над вокзалом объявилось большевистское аэро).